

**Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ**

**2023 Том 10 № 2
DOI 10.22363/2312-8313-2023-10-2**

**Научный журнал
Издается с 2014 г.**

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61271 от 03.04.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Российский университет дружбы имени Патриса Лумумбы»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Иванов В.Г.,

доктор политических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, профессор кафедры государственного и муниципального управления ГУУ, Москва, Российская Федерация

E-mail: ivanov_vg@rudn.ru

**ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО
РЕДАКТОРА**

Белоконев С.Ю.,

кандидат политических наук, научный руководитель Факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ, Москва, Российская Федерация

E-mail: SYUBelokonev@fa.ru

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Накисбаев Д.В.,

кандидат политических наук, доцент и заведующий кафедрой государственного и муниципального управления Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Российская Федерация

E-mail: nakisbaev_dv@rudn.ru

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

Барабашев А.Г. — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой государственной службы, декан факультета государственного и муниципального управления НИУ «Высшая школа экономики» (г. Москва, Россия)

Велиева Д.С. — доктор юридических наук, профессор Поволжского института управления РАНХиГС (г. Саратов, Россия)

Вергинский И. — доктор философии, профессор, директор Центра международных исследований корпоративного и общественного управления, Университет Британской Колумбии (г. Ванкувер, Канада)

Войтащик К.А. — доктор политических наук, профессор и заведующий кафедрой права и европейских институтов факультета политических наук и международных исследований Варшавского университета (г. Варшава, Польша)

Вольманн Х. — PhD, профессор публичного администрирования и общественной политики Берлинского университета имени Гумбольдта (г. Берлин, Германия)

Ворончук И. — доктор экономических наук, профессор, глава департамента публичного администрирования факультета экономики и менеджмента Латвийского университета (г. Рига, Латвия)

Кочегура А.П. — доктор философии (PhD), член Европейской Ассоциации специалистов в области государственного управления (EGPA) (г. Москва, Россия)

Марголин А.М. — доктор экономических наук, профессор, заслуженный экономист Российской Федерации, проректор РАНХиГС (г. Москва, Россия)

Масленникова Е.В. — кандидат социологических наук, руководитель отдела аналитических исследований Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Дирекция научно-технических программ», ведущий научный сотрудник Центра технологий государственного управления РАНХиГС (г. Москва, Россия)

Прокофьев С.Е. — доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой государственного и муниципального управления Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Ропрет М. — PhD, профессор кафедры государственного управления Университета Любляны (г. Любляна, Словения)

Стриелковский В. — PhD, профессор, управляющий директор Пражского института повышения квалификации (г. Прага, Чехия), почетный профессор Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург, Россия)

Хоппе Р. — PhD, почетный профессор Школы менеджмента и государственного управления Университета Твенте, сотрудник Института науки о государственном управлении, сотрудник Нидерландского института управления (г. Энсхеде, Нидерланды)

Чуев С.Е. — кандидат исторических наук, заведующий кафедрой государственного и муниципального управления и советник ректора Государственного университета управления (г. Москва, Россия)

Шедлер К. — PhD, профессор, директор Института менеджмента и государственного управления, Университет Санкт-Галлена (г. Санкт-Галлен, Швейцария)

Шульц Д. — PhD, профессор кафедры политических наук Университета Хэмлин (г. Сент-Пол, США)

**Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ**

ISSN 2312-8313 (Print), ISSN 2411-1228 (Online)

Периодичность: 4 выпуска в год (ежеквартально).

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ по специальностям 5.2.1, 5.5.2, 5.5.3, 5.5.4.

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, Dimensions, East View, DOAJ.

Цели и тематика

Научный журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление» – рецензируемое научное периодическое издание, учрежденное в конце 2013 года.

Цель издания: содействие развитию науки о государственном управлении и местном самоуправлении, ее популяризации в Российской Федерации, а также создание площадки для обсуждения междисциплинарной и практико-ориентированной проблематики государственного и муниципального управления.

На страницах журнала авторам статей, ученым и практикам, представляется возможность обсуждения основных идей и проблем государственного и муниципального управления, публикация результатов анализа актуальных вопросов государственного управления в России, теоретического осмысления тенденций и перспектив развития местного самоуправления, обобщения зарубежной практики и опыта публичного администрирования и менеджмента, освещения современных тенденций развития высшего профессионального образования в области государственного и муниципального управления и т.д.

Основные рубрики журнала: государственное управление: теория и практика, зарубежный опыт управления, становление и развитие местного самоуправления в России, культура управленческой деятельности, антология государственного управления и другие.

Читательская аудитория журнала: ученые и исследователи, практики государственного и муниципального управления, а также широкий круг читателей, интересующийся проблемами государственного и муниципального управления в Российской Федерации и других странах мира.

В редакционную коллегию журнала входят ведущие ученые и эксперты международного и национального уровня в сфере государственного и муниципального управления.

Редакционная коллегия журнала приглашает к сотрудничеству ученых, научных работников, аспирантов, работающих в сфере государственного и муниципального управления.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/public-administration>

Электронный адрес: pubadmj@rudn.ru

Литературный редактор К.В. Зенкин

Компьютерная верстка: И.А. Чернова

Перевод: Иванов.В.Г.

Адрес редакции:

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии журнала:

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2

Тел.: +7 (495) 434-21-12; e-mail: pubadmj@rudn.ru

Подписано в печать 15.06.2023. Выход в свет 25.06.2023. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 12,35. Тираж 500 экз. Заказ № 683. Цена свободная

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» (РУДН)

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 952-04-41; publishing@rudn.ru

RUDN JOURNAL OF PUBLIC ADMINISTRATION

2023 Volume 10 Issue 2

DOI 10.22363/2312-8313-2023-10-2

Scientific journal

Founded in 2014

Founder: Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

EDITOR-IN-CHIEF

Vladimir G. Ivanov,
Doctor of Political Sciences,
Associate Professor of the
Department of State and
Municipal Management, RUDN
University; Full Professor of The
State University of Management
(Moscow, Russian Federation)
E-mail: ivanov_vg@rudn.ru

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Sergey Y. Belokonev,
PhD in Political Science,
Scientific Supervisor of the
Faculty of Social Sciences
and Mass Communications,
Financial University under the
Government of the Russian
Federation; Associate Professor
of the Department of State and
Municipal Administration, The
State University of Management
(Moscow, Russian Federation)
E-mail: SYUBelokonev@fa.ru

EXECUTIVE SECRETARY

Dmitriy V. Nakisbaev,
PhD in Political Science, Head
of the Department of Public
Administration, RUDN University
(Moscow, Russian Federation)
E-mail: nakisbaev_dv@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

Sergey V. Chuev — PhD in History, Head of the Department of State and Municipal Administration, The State University of Management (Moscow, Russian Federation)

Elena V. Maslennikova — PhD in Sociology, Head of Analytical Research Department; Leading Researcher of the Center of State Management Technologies, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation)

Aleksey G. Barabashev — Doctor of Economics, Professor and Head of the Civil Service Department, Dean of the Public Administration Department, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation)

Dzhamilya S. Velieva — Doctor of Law, Professor and Head of the Department of Constitutional and International Law, Povolzhsky Institute of Management RANEP (Saratov, Russian Federation)

Ilan Vertinsky — PhD, Professor and Director of Center for International Studies, Corporate and Public Administration, University of British Columbia (Vancouver, Canada)

Hellmut Wollmann — Doctor of Law, Professor of Public Administration and Public Policy Department, Berlin Humboldt University (Berlin, Germany)

Konstanty A. Wojtaszczyk — Doctor of Political Sciences, Professor and Head of the Department of European Law and Institutions, Faculty of Political Sciences and International Studies University of Warsaw (Warsaw, Poland)

Inesa Voronchuk — Doctor of Economics, Professor and Head of Public Administration Department of Economics and Management Faculty, Latvian University (Riga, Latvia)

Aleksandr P. Kochegura — PhD in Philosophy, European Association of Professionals in Public Administration (EGPA), European Association of Professionals in Public Administration (EGPA) (Moscow, Russian Federation)

Andrey M. Margolin — Doctor of Economics, Full Professor, Honored Economist of Russia, Pro-Rector of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation)

Stanislav E. Prokof'ev — Doctor of Economics, Rector of Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation)

Marko Ropret — PhD, Professor of the Department of Public Administration, University of Ljubljana (Ljubljana, Slovenia)

Wadim Strielkowski — PhD, Professor, Managing Director of Prague Institute for Qualification Enhancement (Prague, Czech Republic); Emeritus professor of Ural State University of Economics (Ekaterinburg, Russian Federation)

Robert Hoppe — PhD, Honorary Professor, University of Twente (Enschede, Netherlands)

Kuno Schedler — PhD, Professor and Director of the Institute of Management and Public Administration, University of St. Gallen (St. Gallen, Switzerland)

David Schultz — PhD, Professor of The Political Science Department, Education University of Hamlin (Saint Paul, United States)

RUDN JOURNAL OF PUBLIC ADMINISTRATION
Published by Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba
(RUDN University), Moscow, Russia

ISSN 2312-8313 (Print), ISSN 2411-1228 (Online)

Publication frequency: quarterly

Languages: Russian, English.

Indexed in Russian Index of Science Citation, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, Cyberleninka, Dimensions, East View, DOAJ.

Aim and Scope

“RUDN Journal of Public Administration” is a specialized peer-reviewed scientific journal established in 2013, and a quarterly publication. The Editorial Board of the journal includes renowned researchers from Russia, Canada, Germany, Poland, Latvia, Slovenia, Czech Republic, Netherlands, Switzerland and the USA.

The mission of the journal is boosting research efficiency in the field of public administration on theoretical and applied levels, as well as creation of an international platform to discuss interdisciplinary and practice-oriented perspectives and best practices of public administration.

The journal encourages the authors to discuss current concepts, ideas and problems of public administration, analyze contemporary issues of public administration, the trends and prospects of local government development, evaluate and conceptualize international practices and experience of public administration and management.

The main journal sections are: “Current Problems of Public Administration”, “Theory and Practice of Public Administration”, “International Experience of Public Administration”, “Formation and Development of Local Government”, “Academic Life” and others.

The journal is designed for publishing the results of independent and original research works by researchers, officials in the sphere of public administration, professors of Universities and other scientific centers in the form of articles, review materials, scientific reports, and bibliographical reviews on certain subjects and within selected scientific areas.

The target international audience of the journal are researchers, practitioners and postgraduate students who are interested in problems and perspectives of public administration. The Journal can be useful for decision-making experts, information and analytical departments of governments, political and public organizations and commercial institutions.

The journal editorial board includes leading scientists and experts on international and national levels. Further information regarding notes for contributors, editorial policies, subscription and archive is available at <http://journals.rudn.ru/public-administration>

E-mail: pubadmj@rudn.ru

Review Editor K.V. Zenkin
Layout Designer I.A. Chernova
Translator V.G. Ivanov

Address of the editorial board:

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University)
3 Ordzhonikidze St., Moscow, 115419, Russian Federation
Ph.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Address of the editorial board of RUDN Journal of Public Administration:

10 Miklukho-Maklaya St., bldg. 2, Moscow, 117198, Russian Federation
Ph.: +7 (495) 434-21-12; e-mail: pubadmj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
“Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba” (RUDN University)

6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House:

3 Ordzhonikidze St., Moscow, 115419, Russian Federation

Ph.: +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

- Солдатова С.Э., Масленникова Е.В., Грачев А.И.** Бюджетные механизмы реализации приоритетов научно-технологического развития Российской Федерации 157
- Шульц Э.Э.** Образ СССР: итоги современного образования 171
- Белоконов С.Ю., Бурикова И.С., Коновалова М.А.** Особенности формирования идеологии российского государства 183
- Степанов С.А., Иванова Е.А.** Проблема «суверенного интернета» в России 195
- Мухаметжанова В.С., Костина Е.Д.** Нравственные аспекты продвижения общественных развлекательных площадок среди молодежи в информационно-коммуникационной сети Интернет 210
- Убушаева Б.Г., Клым-Еремина Н.В.** Практические рекомендации по организации преобразований муниципальных образований в Республике Калмыкия 222

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

- Батанова С.В.** Проблемы и перспективы китайского инфраструктурного строительства и инвестиционной деятельности в Латинской Америке 236
- Oginni B.O., Ayantunji I.O., Larnre-Babalola F.O., Olonade Z.O., Ajibola K.S., Balogun R.A., Adebayo W.G.** Work Ethics Practices and Employee Retention Towards Economic Recovery in the Brewery Industries of Lagos Metropolis, Nigeria (**Огинни Б.О., Аянтунджи И.О., Ларнре-Бабалола Ф.О., Олонаде З.О., Аджибола К.С., Балогун Р.А., Адебайо В.Г.** Практика трудовой этики и сохранение сотрудников для восстановления экономики в пивоваренной промышленности Лагоса, Нигерия) 248
- Njalsson G.K.A.** Toward an Integrated Model for Public Technology Policy Analysis — a Taxonomy Useful for Determining Scope and Type of Analysis (**Ньялссон Г.К.А.** К интегрированной модели анализа технологической политики — полезная таксономия для определения масштаба и типа анализа) 269
- Olonade Z.O, Omotoye O.O, Olalemi O.P.** Workforce Planning and Organizational Effectiveness: Perspective from Osun State Civil Servant (**Олонаде З.О., Омотойе О.О., Олалемиде О.П.** Планирование рабочей силы и эффективность организации: взгляд государственного служащего штата Осун) 286

СЛОВО СТУДЕНТАМ, АСПИРАНТАМИ И МОЛОДЫМ УЧЕНЫМ

- Сатушев Д.И., Рюмин Д.Д., Саранкин И.А.** Норманская теория и становление российской государственности 299

CONTENTS

CURRENT PROBLEMS OF PUBLIC ADMINISTRATION

Soldatova S.E., Maslennikova E.V., Grachev A.I. Budgetary Mechanisms for Implementing the Priorities of Scientific and Technological Development of the Russian Federation	157.
Shults E.E. Image of the USSR: The Results of Contemporary Education	171
Belokonev S.Yu., Burikova I.S., Konovalova M.A. Features of the Formation of the Ideology of the Russian State	183
Stepanov S.A., Ivanova E.A. The Problem of the «Sovereign Internet» in Russia.....	195
Mukhametzhanova V.S., Kostina E.D. Moral Aspects of Promoting Public Entertainment Venues among Young People in the Internet Information and Communication Network.....	210
Ubushaeva B.G., Klym-Eremina N.V. Practical Recommendations on the Organization of Municipal Transformations in the Republic of Kalmykia.....	222

INTERNATIONAL EXPERIENCE OF PUBLIC ADMINISTRATION

Batanova S.V. Problems and Prospects of Chinese Infrastructure Construction and Investment Activity in Latin America.....	236
Oginni B.O., Ayantunji I.O., Larnre-Babalola F.O., Olonade Z.O., Ajibola K.S., Balogun R.A., Adebayo W.G. Work Ethics Practices and Employee Retention Towards Economic Recovery in the Brewery Industries of Lagos Metropolis, Nigeria.....	248
Njalsson G.K.A. Toward an Integrated Model for Public Technology Policy Analysis – a Taxonomy Useful for Determining Scope and Type of Analysis.....	269
Olonade Z.O., Omotoye O.O., Olalemi O.P. Workforce Planning and Organizational Effectiveness: Perspective from Osun State Civil Servant	286

ARTICLES OF STUDENTS, POSTGRADUATES AND YOUNG SCIENTISTS

Satushev D.I., Ryumin D.D., Sarankin I.A. Norman Theory and the Formation of Russian Statehood.....	299
--	-----

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

CURRENT PROBLEMS OF PUBLIC ADMINISTRATION

DOI: 10.22363/2312-8313-2023-10-2-157-170

EDN: FBKMAA

Научная статья / Research article

Бюджетные механизмы реализации приоритетов научно-технологического развития Российской Федерации

С.Э. Солдатова¹ , Е.В. Масленникова² , А.И. Грачев¹

¹ ФГБУ «Дирекция научно-технических программ»,
123557, Россия, Москва, Пресненский Вал, д. 19, стр. 1

² Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
1119571, Россия, Москва, Просп. Вернадского, 82

 m_elena_v@mail.ru

Аннотация. Необходимость определения приоритетов научно-технологического развития страны и эффективного финансирования исследований и разработок диктует применение на практике идей научного бюджета. На основе проведенных исследований авторами предложены принципы научного бюджета, из которых наиболее значимыми являются: приоритетность финансирования наиболее значимых направлений научных исследований и разработок; обеспечение единого целевого подхода к управлению расходами на выполнение НИОКТР на всех этапах жизненного цикла научного исследования и экспериментальной разработки. Порядок разработки научного бюджета, с точки зрения авторов, состоит из ряда этапов. В том числе предусмотрено закрепление дополнительного функционала за ЕГИСУ НИОКТР, связанного с оценкой и отбором научных тематик (проектов НИОКТР), а также определением объема финансирования работ за счет средств федерального бюджета. Алгоритм реализации дополнительного функционала системы включает процедуру установления соответствия тематики проекта НИОКТР приоритетам научно-технологического развития Российской Федерации, оценку научных и научно-технических результатов проекта по критериям уровня готовности технологий, а также проведение сравнительного анализа рассматриваемого проекта со средними показателями выборки проектов-аналогов, формируемой в системе автоматически. Применение методического подхода к оценке эффективности инструментов государственной программы «Научно-технологическое развитие Российской Федерации» при формировании научного бюджета позволяет получить выводы о необходимости оптимизации, расширения или сокращения перечня инструментов программы. Оценка эффективности

© Солдатова С.Э., Масленникова Е.В., Грачев А.И., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

инструментов программы осуществляется по критериям: 1) необходимость; 2) достаточность; 3) степень вклада в достижение цели.

Ключевые слова: научный бюджет, государственная программа, научно-технологическое развитие, научные исследования и разработки, финансирование науки, бюджетное финансирование научных исследований и разработок, приоритет научно-технологического развития

Заявление о конфликте интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Статья поступила в редакцию: 20.01.2023. Статья принята к публикации: 30.03.2023.

Для цитирования:

Солдатова С.Э., Масленникова Е.В., Грачев А.И. Бюджетные механизмы реализации приоритетов научно-технологического развития Российской Федерации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2023. Т. 10. № 2. С. 157–170. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2023-10-2-157-170>

Budgetary Mechanisms for Implementing the Priorities of Scientific and Technological Development of the Russian Federation

Svetlana E. Soldatova¹ , Elena V. Maslennikova² , Anton I. Grachev¹

¹FSBI “Directorate of Scientific and Technical Programs”,
19, b. 1, Presnensky Val, Moscow, Russian Federation, 123557

²Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
82, Prosp. Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119571

 m_elenav@mail.ru

Abstract. The need to determine the priorities of the scientific and technological development of the country and the effective financing of research and development dictates the application in practice of the ideas of the scientific budget. Based on the conducted research, the authors proposed the principles of the scientific budget, of which the most significant are: the priority of financing the most significant areas of research and development; ensuring a single targeted approach to managing the costs of R&D at all stages of the life cycle of scientific research and experimental development. The procedure for developing a scientific budget, from the point of view of the authors, consists of a number of stages. In particular, it is envisaged to assign additional functionality to the Unified State Accounting Information System of R&D related to the evaluation and selection of scientific topics (R&D projects), as well as determining the amount of funding for work from the federal budget. The algorithm for implementing the additional functionality of the system includes a procedure for determining the compliance of the R&D project with the priorities of scientific and technological development of the Russian Federation, evaluating the scientific and scientific and technical results of the project according to the criteria of the technology readiness level, as well as conducting a comparative analysis of the project under consideration with the average indicators of a sample of analog projects generated in the system automatically. The application of a methodological approach to assessing the effectiveness of the tools of the state program “Scientific and Technological Development of the Russian Federation” in the formation of the scientific budget allows us to draw conclusions about the need to optimize, expand or reduce the list of program tools. Evaluation of the effectiveness of the program tools is carried out according to the criteria: 1) necessity; 2) sufficiency; 3) the degree of contribution to the achievement of the goal.

Keywords: scientific budget, state program, scientific and technological development, scientific research and development, financing of science, budgetary financing of scientific research and development, priority of scientific and technological development

Conflicts of interest: The authors declared no conflicts of interest.

Article history:

The article was submitted on 20.01.2023. The article was accepted on 30.03.2023.

For citation:

Soldatova S.E., Maslennikova E.V., Grachev A.I. Budgetary Mechanisms for Implementing the Priorities of Scientific and Technological Development of the Russian Federation. *RUDN Journal of Public Administration*. 2023;10(2):157–170. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2023-10-2-157-170>

Введение

Реализация приоритетов научно-технологического развития нашей страны, в числе которых значится достижение технологического суверенитета, предполагает объединение ресурсов и усилий для решения ключевых задач, исключение дублирования и неэффективных бюджетных трат на научные исследования и разработки, преодоление межведомственных барьеров и концентрацию ресурсов на приоритетных проектах и лучших командах, ориентацию исследователей на проекты полного инновационного цикла, оцениваемые по критериям уровней готовности технологий (УГТ), обеспечение научно-технических заделов и команд для решения задач промышленного развития. Решение данных задач лежит в плоскости консолидации государственного финансирования научных исследований и разработок, реализуемой в бюджетном процессе. Актуальные принципы государственного финансирования научных исследований и разработок воплощены в понятии «научный бюджет», а наиболее адекватной формой их практического воплощения выступает государственная программа. Однако масштабы такой программы настолько велики, что возрастают риски ее негибкости и неуправляемости. **Цель работы** состоит в том, чтобы изложить результаты нормативной и методической проработки механизмов, направленных обеспечение практической реализации принципов научного бюджета в государственной программе «Научно-технологическое развитие Российской Федерации» (ГП НТР).

Материалы и методы

Современная ситуация определяет выбор стратегических целей научно-технологического развития, в качестве которых установлены:

- достижение «технологического суверенитета», определяемого через поддержание технологического паритета с ведущими странами мира, и технологическое лидерство (обладание ключевыми технологиями,

определяющими возможность решения стратегических, социально-экономических и оборонных задач);

- «экономизация технологий», превращение их в существенный фактор роста валового внутреннего продукта;
- технологическое обеспечение восстановления целостной системы производственно-технологических цепочек, нарушенных в результате санкционных ограничений;
- формирование «техноэкономики» — реинжиниринг функций рыночных институтов в форме цифровых платформ, где операции выполняются в бездокументарной форме без участия человека и не привязаны к одному центру принятия решений [1].

Реализация столь масштабных инициатив предполагает создание и настройку механизмов, направленных на эффективную консолидацию управления и финансирования научных исследований и разработок гражданского назначения. Наша страна, обладая высоким ресурсным потенциалом, обширной территорией и развитым сектором образования, может стать одним из лидеров среди технологически суверенных государств, но очевидно, что этот процесс потребует времени, целеполагания, стратегического планирования и приоритизации направлений научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ (НИОКТР), а также организации новых производств, ориентированных на достижение технологической независимости и создание конкурентоспособных отечественных продуктов. Преодоление растущих технологических дефицитов, с которыми столкнулась отечественная экономика в современных условиях, потребует направленной мобилизации кадров, компетенций, научной и производственной инфраструктуры и финансовых ресурсов.

Разработанная в новом формате государственная программа «Научно-технологическое развитие Российской Федерации» (ГП НТР) создает предпосылки для консолидации научных исследований и разработок гражданского назначения и их финансового обеспечения, выступая крупнейшей государственной программой, включающей несколько десятков структурных элементов (федеральных проектов, ведомственных проектов, комплексов процессных мероприятий и федеральных целевых программ) и более полусотни участников. ГП НТР объединяет практически все существующие механизмы государственной поддержки не только научных исследований и разработок гражданского назначения, но и высшего образования. Главные распорядители бюджетных средств, выступавшие ранее ответственными исполнителями отраслевых научно-технических программ, становятся соисполнителями единой государственной программы, что является для них новой практикой и требует повышенного внимания к вопросам координации действий с остальными соисполнителями программы. Новый формат программы усиливает роль ответственного исполнителя программы — Минобрнауки России в достижении стратегических целей и оперативных управленческих задач, координации участников [2].

Новый формат ГП НТР позволяет реализовать на практике идею научного бюджета. В рамках проведенного авторами исследования идея научного бюджета получила воплощение в двух основных разработках — Концепции научного бюджета и Положения о научном бюджете [3], а также ряде методик, раскрывающих механизм реализации основных принципов, заложенных в эти документы. Среди важнейших принципов научного бюджета, заявленных в концепции, следует отметить:

- приоритетность финансирования наиболее значимых направлений научных исследований и разработок;
- обеспечение единого целевого подхода к управлению расходами на выполнение НИОКТР на всех этапах жизненного цикла научного исследования и экспериментальной разработки.

С учетом того, что масштабы новой программы усиливают риски ее недостаточной управляемости и замедленной реакции на внешние шоки, в рамках исследования были разработаны предложения по внедрению алгоритма корректировки перечня и содержания инструментов ГП НТР в бюджетный процесс, а также регламент взаимодействия ответственного исполнителя, соисполнителей и участников программы в ходе планирования, реализации и контроля научного бюджета. Все предложения реализуются в рамках сроков, определенных графиком составления проекта федерального бюджета и проектов бюджетов государственных внебюджетных фондов Российской Федерации на очередной финансовый год и плановый период [4].

Результаты

В разработанном Положении о научном бюджете зафиксирован порядок его разработки. Приведем характеристику некоторых значимых его этапов.

После утверждения правительством важнейших инновационных проектов государственного значения, федеральных научно-технических программ по вопросам, требующим отдельного решения Президента Российской Федерации, и комплексных научно-технических программ и проектов полного инновационного цикла Минобрнауки России совместно с внешними соисполнителями ГП НТР обеспечивает включение научных исследований и разработок по вышеперечисленным проектам и программам в структурные элементы ГП НТР. После распределения ответственным исполнителем базовых бюджетных ассигнований по участникам ГП НТР подведомственные учреждения соисполнителей программы представляют в ЕГИСУ НИОКТР проекты тематик научных исследований и разработок.

Принципиальным моментом является то, что в рамках разработанных предложений по формированию научного бюджета за ЕГИСУ НИОКТР закрепляются дополнительные функции по оценке и отбору научных тематик (проектов НИОКТР), а также определению объема финансирования работ за счет средств федерального бюджета. Расширение функционала системы позволяет принимать решения относительно целесообразности финансирования

из средств федерального бюджета новых заявленных проектов, относительно целесообразности продолжения финансирования из средств федерального бюджета ранее начатых проектов, а также относительно достаточности заявленных объемов финансирования новых и реализуемых проектов НИОКТР. Алгоритм реализации дополнительного функционала системы включает процедуру установления соответствия тематики проекта НИОКТР приоритетам научно-технологического развития Российской Федерации, оценку научных и научно-технических результатов проекта по критериям УГТ [5], а также проведение сравнительного анализа рассматриваемого проекта со средними показателями выборки проектов-аналогов, формируемой в системе автоматически.

По результатам проведения экспертизы проектов научных тематик формируются обоснования бюджетных ассигнований на НИОКТР, которые передаются в ГИИС «Электронный бюджет» для разработки проекта федерального закона о федеральном бюджете.

Параллельно с обоснованием бюджетных ассигнований на НИОКТР Минобрнауки России совместно с соисполнителями ГП НТР готовит предложения по объему финансового обеспечения сферы научных исследований и разработок в разрезе структурных элементов ГП НТР. Данные предложения корректируются и согласовываются Комиссией по научно-технологическому развитию Российской Федерации.

Минобрнауки России совместно с соисполнителями ГП НТР, в соответствии с графиком бюджетного процесса, не позднее 26 августа текущего финансового года формируют проекты государственных заданий и других инструментов финансирования научных исследований и разработок. Данные проекты уточняются и утверждаются после представления правительством проекта федерального закона о федеральном бюджете на очередной финансовый год и плановый период в Государственную Думу. После утверждения закона о бюджете в течение декабря текущего финансового года заключаются и уточняются контракты и соглашения на проведение НИОКТР.

По завершении отчетного года образовательные учреждения высшего образования и федеральные научные организации не позднее 20 февраля текущего года загружают в ЕГИСУ НИОКТР сведения о результатах выполнения НИОКТР в рамках государственных заданий и иных инструментов прямого финансирования, а также по договорам и соглашениям в рамках ГП НТР. Результаты анализа данных отчетов используются в рамках нового бюджетного цикла. На основе экспертизы научных и научно-технических результатов, достигнутых в рамках выполнения НИОКТР, Минобрнауки России совместно с соисполнителями ГП НТР разрабатывают и представляют в Комиссию по научно-технологическому развитию Российской Федерации предложения по перечню приоритетов научно-технологического развития Российской Федерации.

Разработанный в рамках исследования методический подход к оценке эффективности инструментов ГП НТР при формировании научного бюджета

позволяет установить соответствие инструментов программы целям научно-технологического развития страны, о которых было сказано выше. Применение подхода позволяет получить выводы о необходимости оптимизации, расширения или сокращения перечня инструментов ГП НТР. Оценка эффективности инструментов ГП НТР осуществляется по 3 критериям: 1) необходимость; 2) достаточность; 3) степень вклада в достижение цели.

Анализ инструментов по критерию необходимости для достижения целей научно-технологического развития Российской Федерации основан на выявлении задач, для решения которых предоставляется финансирование в рамках программы, получателей и требований для получения финансирования, а также показателей, отражающих результативность реализации мероприятий. По итогам анализа инструментов по критерию необходимости возможны три варианта заключений:

- для каждой цели научно-технологического развития Российской Федерации выявлен перечень обеспечивающих ее достижение инструментов;
- для ряда целей научно-технологического развития Российской Федерации обеспечивающие ее достижение инструменты не выявлены;
- ряд инструментов не обеспечивает достижение ни одной из целей научно-технологического развития Российской Федерации.

Все инструменты, попавшие в группу обеспечивающих достижение какой-либо конкретной цели, оцениваются по трем критериям. Оценка по третьему критерию проводится экспертно на основе опыта применения аналогичных инструментов в прошлом, а также с помощью расчетных моделей. Положительная оценка по трем критериям означает, что соответствующие инструменты признаются эффективными. Отрицательная оценка по критериям необходимости или степени вклада в достижение целей означает, что целесообразно оптимизировать перечень инструментов в рамках конкретной цели научно-технологического развития Российской Федерации. Отрицательная оценка по критерию достаточности означает, что целесообразно расширить перечень инструментов в рамках конкретной цели научно-технологического развития Российской Федерации.

Если для конкретной цели научно-технологического развития Российской Федерации обеспечивающие ее достижение инструменты не выявлены, целесообразно расширить перечень инструментов ГП НТР. Если ряд инструментов не обеспечивает достижение ни одной из целей научно-технологического развития Российской Федерации, целесообразно оптимизировать или сократить перечень инструментов.

ГП НТР имеет сложную структуру и большое количество участников и соисполнителей, поэтому крайне актуальной задачей является конкретизация и разработка детального порядка взаимодействия участников, соисполнителей и ответственного исполнителя ГП НТР. Анализ действующей нормативной правовой базы Российской Федерации показал, что в настоящее время не существует утвержденных и имеющих силу регламентов взаимодействия непосредственных и косвенных участников ГП НТР. Регламент

должен определять взаимодействие между структурными подразделениями Министерства науки и высшего образования Российской Федерации как ответственного исполнителя ГП НТР, а также взаимодействие между Министерством науки и высшего образования Российской Федерации с иными федеральными органами исполнительной власти на всех этапах реализации ГП НТР.

Отсутствие действующих регламентов взаимодействия участников ГП НТР проявляется через ряд частных проблем:

- в текущей нормативно-правовой базе отсутствует четкое определение основных этапов реализации ГП НТР, в рамках которых происходит взаимодействие участников;
- не зафиксирована последовательность действий участников ГП НТР на каждом этапе;
- не зафиксированы сроки выполнения каждого действия соответствующими участниками ГП НТР и сроки получения обратной связи при необходимости;
- не установлены формы предоставления информации на каждом этапе.

Разработанный регламент взаимодействия участников ГП НТР решает данные проблемы. В регламенте взаимодействие ответственного исполнителя, соисполнителей и участников ГП НТР структурировано по четко установленным этапам:

- взаимодействие в процессе планирования государственной программы;
- взаимодействие при проведении периодического мониторинга государственной программы;
- взаимодействие при подготовке годового отчета о реализации государственной программы;
- взаимодействие при внесении изменений в государственную программу.

Для каждого из этапов регламентом определены:

- последовательность действий участников ГП НТР;
- сроки выполнения каждого действия соответствующими участниками ГП НТР и сроки получения обратной связи при необходимости;
- формы предоставления информации.

Рассмотрим порядок взаимодействия ответственного исполнителя, соисполнителей и участников ГП НТР в процессе планирования государственной программы.

Взаимодействие ответственного исполнителя, соисполнителей и участников ГП НТР в процессе планирования государственной программы осуществляется с учетом Правил составления проекта федерального бюджета и проектов бюджетов государственных внебюджетных фондов Российской Федерации на очередной финансовый год и плановый период, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 24 марта 2018 г. № 326, и в сроки, определяемые утверждаемыми Правительством Российской Федерации графиком подготовки и рассмотрения в текущем году проектов федеральных законов, документов и материалов, разрабатываемых

при составлении проекта федерального бюджета и проектов бюджетов государственных внебюджетных фондов Российской Федерации на очередной год и на плановый период (далее — график бюджета), и графиком подготовки и рассмотрения в текущем году документов и материалов, необходимых для разработки прогноза социально-экономического развития Российской Федерации и федеральной адресной инвестиционной программы на очередной год и на плановый период, а также федеральных целевых программ, паспортов государственных программ Российской Федерации (далее — график госпрограмм).

При планировании государственной программы и ее структурных элементов ответственный исполнитель, соисполнители и участники ГП НТР обеспечивают учет решений, принятых и/или одобренных Комиссией по научно-технологическому развитию Российской Федерации.

В течение 2 (двух) рабочих дней после опубликования графика бюджета Департамент стратегического развития Минобрнауки России направляет внешним и внутренним соисполнителям ГП НТР запрос на формулировку предложений по структуре государственной программы на очередной год и на плановый период, о перераспределении мероприятий, результатов и объемов финансирования между структурными элементами, а также предложений по составу показателей (индикаторов) и их значениях. Внешние и внутренние соисполнители совместно с участниками соответствующих структурных элементов ГП НТР готовят предложения и не позднее 10 дней после получения запроса направляют их в Департамент стратегического развития и в департамент-куратор, ответственный в Минобрнауки за координацию взаимодействия соисполнителей и участников реализации конкретного структурного элемента ГП НТР.

Департамент стратегического развития собирает, обрабатывает и систематизирует полученные от внешних и внутренних соисполнителей сведения. Департаменты-кураторы в течение 10 дней осуществляют оценку соответствия приоритетам научно-технологического развития Российской Федерации поступивших предложений и направляют соответствующее заключение в Департамент стратегического развития.

Департамент стратегического развития формирует макет структуры ГП НТР на очередной финансовый год и на плановый период и направляет макет структуры государственной программы в Департамент экономической политики Минобрнауки России для подготовки бюджетных проектировок в разрезе кодов классификации расходов бюджета.

В сроки, определенные графиками бюджета и госпрограмм, внешние и внутренние соисполнители формируют в ГИИС «Электронный бюджет» предложения и запросы на изменения в части изменения структуры ГП НТР, показателей, задач, результатов, мероприятий и контрольных точек по соответствующим структурным элементам. Департаменты-кураторы и Департамент стратегического развития согласовывают указанные предложения и запросы на изменения.

Департамент экономической политики обеспечивает распределение сформированных Минфином России базовых бюджетных ассигнований в системе кодов бюджетной классификации, соответствующих новой структуре ГП НТР, по участникам ГП НТР (далее — распределение).

Внешние и внутренние соисполнители формируют позицию по распределению, определяют и заявляют дополнительную потребность финансирования по соответствующим структурным элементам ГП НТР.

По итогам согласования с Минфином России Департамент экономической политики доводит до Департамента стратегического развития и соисполнителей итоговый вариант распределения и информацию по заявленной дополнительной потребности на финансовое обеспечение структурных элементов ГП НТР в разрезе кодов бюджетной классификации.

Департамент экономической политики доводит до Департамента стратегического развития актуальную информацию о налоговых расходах по государственной программе на очередной финансовый год и на плановый период реализации ГП НТР (до 2030 года).

В сроки, определенные графиками бюджета и госпрограмм, внешние и внутренние соисполнители формируют актуальные паспорта структурных элементов, актуализируют сведения об объемах внебюджетного финансирования, финансирования за счет средств консолидированных бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, за счет средств внебюджетных фондов Российской Федерации. При необходимости актуализируются мероприятия (результаты) и контрольные точки. Соисполнители дают предложения по корректировке паспорта ГП НТР в связи с изменениями в структурных элементах. Департаменты-кураторы и Департамент стратегического развития согласовывают предложения и запросы на внесение изменений по паспортам структурных элементов.

В сроки, определенные графиками бюджета и госпрограмм, Департамент стратегического развития на основе итогового варианта распределения и сведений о дополнительной потребности в финансировании уточняет числовые значения показателей ГП НТР на очередной финансовый год и на плановый период и формирует проект паспорта ГП НТР в двух вариантах (вариант, соответствующий объемам базовых бюджетных ассигнований, и вариант, соответствующий базовым бюджетным ассигнованиям с учетом дополнительного финансирования) на основании паспортов структурных элементов, сформированных соисполнителями.

Департамент стратегического развития обрабатывает и совместно с участниками ГП НТР устраняет замечания на проект паспорта ГП НТР, поступившие от Минэкономразвития России, Минфина России, соисполнителей и участников государственной программы, а также замечания Счетной палаты Российской Федерации и обеспечивает учет позиции Комиссии по научно-технологическому развитию Российской Федерации.

В случае необходимости, по результатам решений Правительственной комиссии по бюджетным проектировкам, Департамент экономической

политики доводит до сведения Департамента стратегического развития, соисполнителей и участников информацию об изменении плановых объемов финансового обеспечения на очередной год и на плановый период для уточнения проектов паспортов структурных элементов и паспорта ГП НТР.

Департамент стратегического развития формирует проект паспорта ГП НТР для внесения в Правительство Российской Федерации и последующего внесения в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации; направляет проект паспорта ГП НТР на согласование Куратору ГП НТР и на подписание Председателю Правительства Российской Федерации.

В соответствии с графиком бюджета соисполнители приводят паспорта структурных элементов в соответствие с параметрами принятого федерального закона о федеральном бюджете на очередной год и на плановый период, при необходимости актуализируют сведения по внебюджетному финансированию и контрольным точкам.

Соисполнители утверждают (подписывают) паспорта структурных элементов в ГИИС «Электронный бюджет».

Департамент стратегического развития приводит паспорт ГП НТР в соответствие с параметрами принятого федерального закона о федеральном бюджете на очередной год и на плановый период; осуществляет согласование паспорта ГП НТР с Минфином России и Минэкономразвития России в ГИИС «Электронный бюджет»; инициирует и обеспечивает утверждение (подписание) паспорта ГП НТР в ГИИС «Электронный бюджет»; направляет проект паспорта ГП НТР на согласование Куратору ГП НТР и на подписание Председателю Правительства Российской Федерации.

На основании утвержденных соисполнителями паспортов структурных элементов в ГИИС «Электронный бюджет» автоматически формируется Единый план реализации государственной программы на очередной год и на плановый период, на основании которого осуществляется последующий мониторинг реализации государственной программы. Соисполнители ГП НТР проводят верификацию и обеспечивают соответствие сведений в указанном Едином плане и паспортах соответствующих структурных элементов ГП НТР.

Обсуждение

Вопросы становления госпрограмм как средства реализации приоритетов научно-технологического развития нашей страны неоднократно становились предметом обсуждения в научной среде [6; 7; 8]. Обобщая позицию заинтересованных экспертов и исследователей, можно отметить позитивную оценку изменений, происходящих в государственном управлении и финансировании научно-технической сферы. Вместе с тем авторы указывают на незавершенность процесса и наличие ряда проблем.

К их числу относят:

- слабую нацеленность мероприятий программ на конкретные технологические результаты [6];
- проблемы увязки целеполагания государственных программ с приоритетами научно-технологического развития [7];
- проблемы нескоординированности инструментов поддержки научных исследований и разработок у разных ведомств [7];
- проблемы неэффективной организации программно-целевого финансирования [8].

К настоящему моменту в рамках ГП НТР удалось консолидировать расходы на научные исследования и разработки, ранее рассредоточенные в отраслевых программах, а также сформировать базовые механизмы управления госпрограммой. В настоящее время решаются вопросы эффективной интеграции госпрограммы в систему управления научно-технологическим развитием для достижения национальных целей, фокусировки программы на достижение конкретных технологических результатов, запуска и отладки механизмов финансирования науки на принципах проектного управления в рамках научного бюджета.

Заключение

Основные результаты исследования, представленные в данной статье — Положение о научном бюджете, методический подход к оценке эффективности инструментов ГП НТР, а также регламент взаимодействия участников, соисполнителей и ответственного исполнителя ГП НТР, позволят решить ряд проблем, связанных со становлением ГП НТР как эффективной формы практического осуществления принципов научного бюджета, нацеленного на реализацию приоритетов научно-технологического развития нашей страны.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Заседание Совета по стратегическому развитию и национальным проектам 18 июля 2022. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/69019> (дата обращения: 12.03.2023).
2. Научно-технологическое развитие Российской Федерации. — Портал госпрограмм РФ. URL: <https://programs.gov.ru/Portal/programs/passport/47> (дата обращения: 12.03.2023).
3. *Солдатова С.Э., Масленикова Е.В., Алексеев Д.Б.* Научный бюджет как элемент системы государственного управления научно-технологическим развитием Российской Федерации // Муниципальная академия. 2023. № 2.
4. Постановление Правительства РФ «Об утверждении Правил составления проекта федерального бюджета и проектов бюджетов государственных внебюджетных фондов Российской Федерации на очередной финансовый год и плановый период и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации» от 24.03.2018 № 326 // Официальный интернет-портал правовой информации. 2018 г. с изм. и допол. в ред. от 20.05.2022. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102130494&backlink=1&&nd=102464972> (дата обращения: 12.03.2023).

5. ГОСТ Р. 58048–2017. Национальный стандарт Российской Федерации. Трансфер технологий. Методические указания по оценке уровня зрелости технологий // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=OTN&n=25966&dst=1000000001&demo=1> (дата обращения: 12.03.2023).
6. Бегчин Н.А. Новации разработки и реализации госпрограмм // Журнал Бюджет. 2021. № 12 (228). С. 17–19.
7. Дмитришина Е.В., Федорова Е.С. Совершенствование системы госуправления на примере государственной программы научно-технологического развития // Общественные финансы. 2021. № 42. С. 87–103.
8. Костин А.И. Организация программно-целевого финансирования научных исследований в Российской Федерации // Финансовый журнал. 2020. Т. 12. № 1. С. 27–40. <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2020-1-27-40>

REFERENCES

1. *Zasedanie Soveta po strategicheskomu razvitiyu i natsional'nyim proektam 18 iyulya 2022* [Meeting of the Council for Strategic Development and National Projects July 18, 2022]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/69019> (accessed: 12.03.2023) (In Russ.).
2. Nauchno-tekhnologicheskoe razvitie Rossiiskoi Federatsii [Scientific and Technological Development of the Russian Federation]. *Portal of state programs of the Russian Federation*. URL: <https://programs.gov.ru/Portal/programs/passport/47> (accessed: 12.03.2023) (In Russ.).
3. Soldatova S.Je., Maslennikova E.V., Alekseev D.B. Nauchnyi byudzhets kak element sistemy gosudarstvennogo upravleniya nauchno-tekhnologicheskim razvitiem Rossiiskoi Federatsii [Scientific Budget as an Element of the System of State Management of Scientific and Technological Development of the Russian Federation]. *Municipal Academy*. 2023; 2 (In Russ.).
4. Postanovlenie Pravitel'stva RF "Ob utverzhenii Pravil sostavleniya proekta federal'nogo byudzheta i proektov byudzhetov gosudarstvennykh vnebyudzhetykh fondov Rossiiskoi Federatsii na ocherednoi finansovyi god i planovyi period i priznanii utrativshimi silu nekotorykh aktov Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii" ot 24.03.2018 № 326 [Decree of the Government of the Russian Federation "On Approval of the Rules for Drafting the Federal Budget and Draft Budgets of State off-budget Funds of the Russian Federation for the next Financial Year and Planning Period and Recognizing Certain Acts of the Government of the Russian Federation as Invalid"]. *Official Internet portal of legal information*. 2018 — as amended. and add. in ed. of 20.05.2022. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102130494&backlink=1&&nd=102464972> (accessed: 12.03.2023) (In Russ.).
5. GOST R 58048–2017. Natsional'nyi standart Rossiiskoi Federatsii. Transfer tekhnologii. Metodicheskie ukazaniya po otsenke urovnya zrelosti tekhnologii [GOST R 58048–2017. National Standard of the Russian Federation. Technology Transfer. Guidelines for Assessing the Level of Technology Maturity]. *Consultant Plus*. URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=OTN&n=25966&dst=1000000001&demo=1> (accessed: 12.03.2023) (In Russ.).
6. Begchin N.A. Novatsii razrabotki i realizatsii gosprogramm [Innovations in the Development and Implementation of State Programs]. *Budget Magazine*. 2021; 12 (228): 17–19 (In Russ.).
7. Dmitrishina E.V., Fedorova E.S. Sovershenstvovanie sistemy gosupravleniya na primere gosudarstvennoi programmy nauchno-tekhnologicheskogo razvitiya [Improving the Public Administration System on the Example of the State Program of Scientific and Technological Development]. *Public finance*. 2021;42:87–103 (In Russ.).
8. Kostin A.I. Organizatsiya programmno-tselevogo finansirovaniya nauchnykh issledovaniy v Rossiiskoi Federatsii [Organization of Program- and Target-Oriented Funding for Research in Russia]. *Financial Journal*. 2020; 12 (1): 27–40. <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2020-1-27-40> (In Russ.).

Информация об авторах:

Солдатова Светлана Эдуардовна — кандидат экономических наук, доцент, методолог отдела научно-методического сопровождения проектов, ФГБУ «Дирекция научно-технических программ» (ORCID ID: 0000-0003-1752-8445) (e-mail: 394346@mail.ru).

Масленникова Елена Викторовна — кандидат социологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Центр технологий государственного управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (ORCID ID: 0000-0001-6291-0411) (e-mail: m_elena_v@mail.ru).

Грacheв Антон Игоревич — заместитель генерального директора по экспертно-аналитической деятельности, ФГБУ «Дирекция научно-технических программ» (e-mail: grachev-anton@inbox.ru).

Information about the authors:

Svetlana E. Soldatova — PhD in Economy, Associate Professor and Methodologist of the Department of Scientific and Methodological Support of Projects FSBI “Directorate of Scientific and Technical Programs” (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0003-1752-8445) (e-mail: 394346@mail.ru).

Elena V. Maslennikova — PhD in Sociology, Associate Professor and Leading Researcher at the Center for Public Administration Technologies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0001-6291-0411) (e-mail: m_elena_v@mail.ru).

Anton I. Grachev — Deputy General Director for Expert and Analytical Activities, FSBI “Directorate of Scientific and Technical Programs” (Russian Federation) (e-mail: grachev-anton@inbox.ru).

DOI: 10.22363/2312-8313-2023-10-2-171-182

EDN: GRZZMS

Научная статья / Research article

Образ СССР: итоги современного образования

Э.Э. Шульц

Московский государственный лингвистический университет,
119034, Россия, Москва, ул. Остоженка, 38/1

✉ nuap1@yandex.ru

Аннотация. Изменения представлений российского общества об СССР представляют значительный интерес. Эти изменения обусловлены трансформациями внешней и внутренней среды, изменениями в образовательной и медийной среде. Высокую актуальность проблема формирования современных образов СССР в российском обществе приобретает в контексте так называемых «войн памяти». Сдвиги в пользу положительной оценки Советского периода и негатива по поводу распада страны очевидны в российском обществе. Причем такой подход характерен и для самых молодых возрастных групп, несмотря на различия в представлениях с более старшими поколениями.

Ключевые слова: образ СССР, Советская повестка, представления об СССР, взгляды российского общества, отношение к СССР

Заявление о конфликте интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Статья поступила в редакцию: 01.02.2023. Статья принята к публикации: 24.03.2023.

Для цитирования:

Шульц Э.Э. Образ СССР: итоги современного образования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2023. Т. 10. № 2. С. 171–182. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2023-10-2-171-182>

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-09-43023

Image of the USSR: The Results of Contemporary Education

Eduard E. Shults

Moscow State Linguistic University,
38/1 Ostozhenka str., Moscow, Russian Federation, 119034

✉ nuap1@yandex.ru

Abstract. Changes in the ideas of Russian society about the USSR are of significant interest. These changes are due to transformations of the external and internal environment, changes in the educational and media environment. The problem of the formation of modern images

© Шульц Э.Э., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

of the USSR in Russian society acquires high relevance in the context of the so-called “wars of memory”. Shifts in favor of a positive assessment of the Soviet period and a negative about the collapse of the country are obvious in Russian society. Moreover, this approach is also characteristic of the youngest age groups, despite differences in ideas with older generations.

Keywords: image of the USSR, Soviet agenda, ideas about the USSR, views of Russian society, attitude towards the USSR

Conflicts of interest: The author declared no conflicts of interest.

Article history:

The article was submitted on 01.02.2023. The article was accepted on 24.03.2023.

For citation:

Shults E.E. Image of the USSR: The Results of Contemporary Education. *RUDN Journal of Public Administration*. 2023; 10(2): 171–182. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2023-10-2-171-182>

Funding: The research was funded by RFBR, project number 21-09-43023.

Введение

2022 год — год столетия образования СССР — государства, которого уже нет на карте, но которое устойчиво присутствует в сознании россиян и всего Русского мира и оказывает влияние на мышление и образы современной России и мира. Высокую актуальность в данном контексте получает проблема формирования современных образов СССР в российском обществе, особенно в контексте т.н. «войн памяти» [1–5].

Материалы и методы

В октябре и ноябре 2021 г. были проведены два социологических опроса по вопросу отношения к СССР в рамках научного проекта № 21-09-43023 Российского фонда фундаментальных исследований. **Цель исследования:** выявить отношение россиян к СССР, советскому периоду, отдельным его этапам и личностям [6; 7].

Первый опрос (далее — «опрос студентов») был проведен в рамках международной научной конференции студентов и аспирантов «Взгляд молодежи на советскую эпоху: между перспективами новых идентичностей и вызовами войн памяти» (27 октября 2021 г.). В опросе приняли участие 103 респондента в возрасте от 17 до 34 лет: от первого курса бакалавриата до аспирантов включительно. 1 % респондентов представлял группу старше 34 лет. Респонденты имели достаточно высокий образовательный уровень: почти 70 % респондентов имеют среднее, среднее специальное или среднее техническое образование, почти 30 % — высшее образование. Следует учитывать и специфику участников конференции и опроса: более глубокое знание истории России и вовлеченность в изучение и исследование истории.

Данный опрос позволяет сделать сравнение с результатами федерального опроса с теми же вопросами.

Второй опрос был проведен в период 26.10–31.10.2021 г. методом онлайн интервью (анкета для самозаполнения). Целевая аудитория опроса: городское население РФ, города с населением 100 тысяч жителей и более, женщины и мужчины 18–64 лет, выборка составила 1015 интервью (N = 1015). Социально-демографические показатели участников опроса распределились следующим образом. 48 % мужчин на 52 % женщин-респондентов. Наибольшая возрастная доля пришлась на группу «45–64 года» — 41 %, группа «35–44» составила 22 %, «25–34» — 26 %, «18–24» — 12 %. 69 % опрошенных состоят в браке (официальном или гражданском). Высшее образование имеют 49 % и еще 3 % — несколько высших образований или ученую степень, 35 % — среднеспециальное образование, 11 % — среднее образование (1 % — ниже среднего). На полный рабочий день занято 61 % респондентов, 11 % — неполный рабочий день, 10 % являются домохозяйками, 9 % — безработными, 5 % — студентами и 5 % — пенсионерами.

Результаты исследования и их обсуждение

В определении ассоциаций исторических событий с СССР важную роль играет семейная историческая социализация: события, память о которых сохраняется в семейных преданиях. Респондентам был задан вопрос с возможностью множественного ответа: «Про какие из этих событий вы знаете не только из учебников, кино, книг, но также и по рассказам знакомых, старших родственников, по «семейным преданиям»? Вы можете выбрать любое количество событий» (см. рис. 1).

Максимальные значения получили: «Великая Отечественная война» — 67 %, «Олимпиада в Москве в 1980 г.» — 54 %, «война в Афганистане» — 52 %, «Запуск первого спутника и полет в космос Ю. Гагарина» — 46 %, «стройки 70-х (БАМ и др.)» — 38 %, что вполне коррелирует с наиболее популярными событиями и периодами истории в ассоциации респондентов с СССР и объясняется наличием живых свидетелей событий и зонами их интересов и памяти.

Достаточно низкие показатели получили события, носителями которых могут быть те же живые свидетели: «Освоение целины» — 26 %, «Холодная война» — 26 %, «Преследования диссидентов в 1970–80-е гг.» — 12 %, «оттепель после смерти Сталина» — 19 %, «XX съезд и разоблачение культа личности» — 14 %, впрочем, и здесь прослеживается связь с уровнем ассоциаций данных событий с СССР.

Достаточно высокие значения получили удаленные по времени события: «Революция 1917 г.» — 24 %, «гражданская война» — 24 %, «коллективизация» — 22 %, «голод 1930-х» — 22 %, «Репрессии в 1930-е — начало 1950-х гг.» — 22 %, «Индустриализация» — 15 %, «НЭП» — 11 %.

Рассказы о столь удаленных событиях могут объясняться переходом в семейные предания и ответами более старших поколений, заставших в своем детстве и юности живых свидетелей событий, однако последнее предположение опровергается анализом ответов на данный вопрос по возрастным группам.

Все события, давшие максимальные результаты, имеют бóльшие значения в группах от 25 и старше и меньшие в группе от 18 до 24 лет. Это касается первых шести позиций: Великая Отечественная война — 50, 65, 65, 74 %; Олимпиада в Москве — 33, 44, 65, 61 %; война в Афганистане — 31, 43, 55, 62 %; Запуск первого спутника и полет Ю. Гагарина — 40, 43, 53, 46 %; стройки 1970-х (БАМ и т.п.) — 25, 24, 40, 48 %; освоение целины — 12, 19, 27, 33. Это касается и таких «низкорейтинговых событий» как «коллективизация» (11, 15, 23, 28 %) и «Репрессии в 1930-е — начало 1950-х гг.» (10, 17, 21, 30 %). Другие «низкорейтинговые события» имеют примерно одинаковые значения во всех возрастных группах: «голод 1930-х» (24, 22, 18, 23 %), «оттепель после смерти Сталина» (18, 15, 21, 22 %), «Индустриализация» (15, 14, 15, 16 %), «XX съезд и разоблачение культа личности» (11, 9, 14, 17 %), «Преследования диссидентов в 1970–80-е гг.» (10, 10, 11, 14 %), «НЭП» (8, 10, 7, 14 %) (рис. 1).

	Общая аудитория	18-24	25-34	35-44	45-64
Великая Отечественная война	67%	50%	65%	65%	74%
Олимпиада в Москве в 1980 году	54%	33%	44%	65%	61%
Война в Афганистане	52%	31%	43%	55%	62%
Запуск первого спутника и полет в космос Ю. Гагарина	46%	40%	43%	53%	46%
Стройки 70-х годов (БАМ и т.п.)	38%	25%	24%	40%	48%
Освоение целины	26%	12%	19%	27%	33%
Холодная война	26%	22%	23%	24%	30%
Революция 1917 года	24%	29%	24%	21%	24%
Гражданская война	24%	35%	25%	21%	23%
Коллективизация	22%	11%	15%	23%	28%
Голод тридцатых годов, голодомор	22%	24%	22%	18%	23%
Репрессии в 30-е – начале 50-х годов	22%	10%	17%	21%	30%
Оттепель после смерти И. Сталина	19%	18%	15%	21%	22%
Индустриализация	15%	15%	14%	15%	16%
XX съезд и разоблачение культа личности	14%	11%	9%	14%	17%
Преследования диссидентов в 70-80-е годы	12%	10%	10%	11%	14%
НЭП	11%	8%	10%	7%	14%

Рис. 1. Семейная историческая социализация

Источник: авторское исследование, 2021.

Fig. 1. Family historical socialization

Source: authors' research, 2021

«Холодная война», которая во всех предыдущих вопросах занимала достаточно высокие позиции, демонстрирует одинаковые значения в трех возрастных группах и достаточно близкие — в самой старшей группе: одинаковые 22 %, 23 %, 24 %, 30 %.

Революция 1917 г. и гражданская война представляет наибольшие значения снова в группе «18–24», а затем — в группе «25–34»: «Революция 1917 г.» — 29 %, 24 %, 21 %, 24 %; «гражданская война» — 35 %, 25 %, 21 %, 23 %.

В возрастной группе «18–24» наибольшие значения получили: «Великая Отечественная война» — 50 %, «Запуск первого спутника и полет Ю. Гагарина» — 40 %, «Гражданская война» — 35 %, «Олимпиада в Москве» — 33 %, «война в Афганистане» — 31 %, «Революция 1917 г.» — 29 %. В возрастной группе «25–34» наибольшие значения получили: «Великая Отечественная война» — 65 %, «Олимпиада в Москве» — 44 %, «Запуск первого спутника и полет Ю. Гагарина» — 43 %, «война в Афганистане» — 43 %, «Гражданская война» — 25 %, «Революция 1917 г.» — 24 %.

Таким образом, в молодежных возрастных группах «от 18 до 34 лет» лидирующие позиции семейных преданий занимают: «Великая Отечественная война», «Олимпиада в Москве», «Запуск первого спутника и полет Ю. Гагарина», «война в Афганистане». Для группы от 18 до 24 лет снова характерен рост, в сравнении с другими возрастными группами, показателей по революции 1917 г. и гражданской войне.

На фоне ассоциаций периодов и исторических событий с СССР и «семейных преданий» важные данные дает вопрос об интересе к советским историческим событиям: «Про какие из этих событий вы можете сказать, что они вам интересны, что вы хотели бы про них узнать больше? Вы можете выбрать любое количество событий» (рис. 2).

Интерес к определенным историческим событиям эпохи СССР во многом коррелирует с данными по ассоциациям респондентов событий с эпохой СССР. Данные распределились следующим образом: «Великая Отечественная война» — 42 %, «Запуск первого спутника и полет в космос Ю. Гагарина» — 30 %, «Олимпиада в Москве в 1980 г.» — 29 %, «война в Афганистане» — 27 %, «стройки 70-х (БАМ и др.)» — 25 %, «Революция 1917 г.» — 24 %, «Гражданская война» — 23 %, «голод 1930-х» — 23 %, «Холодная война» — 23 %, «Освоение целины» — 20 %, «Репрессии в 1930-е — начало 1950-х гг.» — 19 %, «оттепель после смерти Сталина» — 19 %, «Индустриализация» — 18 %, «НЭП» — 17 %, «Преследования диссидентов в 1970–80-е гг.» — 16 %, «коллективизация» — 15 %, «XX съезд и разоблачение культа личности» — 14 %.

Наибольший интерес вызывает Великая Отечественная война (42 %), запуск первого спутника и полет в космос Ю. Гагарина (30 %), Олимпиада в Москве (29 %), война в Афганистане (27 %), стройки 1970-х (25 %), революция 1917 г. (24 %) и гражданская война (23 %), холодная война (23 %). Высокий интерес, в сравнении с показателями предыдущих вопросов, демонстрирует «голод 1930-х гг.» (23 %) и «Репрессии в 1930-е — начало 1950-х гг.» (19 %).

	Общая аудитория	18-24	25-34	35-44	45-64
Великая Отечественная война	42%	30%	39%	45%	46%
Запуск первого спутника и полет в космос Ю. Гагарина	30%	27%	34%	29%	29%
Олимпиада в Москве в 1980 году	29%	17%	25%	35%	31%
Война в Афганистане	27%	21%	19%	33%	31%
Стройки 70-х годов (БАМ и т.п.)	25%	21%	19%	25%	30%
Революция 1917 года	24%	24%	21%	24%	28%
Гражданская война	23%	18%	19%	24%	28%
Голод тридцатых годов, голодомор	23%	21%	21%	21%	26%
Холодная война	23%	22%	18%	28%	25%
Освоение целины	20%	17%	16%	24%	22%
Репрессии в 30-е – начале 50-х годов	19%	13%	13%	21%	23%
Оттепель после смерти И. Сталина	19%	13%	18%	18%	21%
Индустриализация	18%	17%	12%	21%	20%
НЭП	17%	18%	10%	19%	21%
Преследования диссидентов в 70-80-е годы	16%	12%	15%	16%	18%
Коллективизация	15%	13%	11%	18%	16%
XX съезд и разоблачение культа личности	14%	10%	11%	16%	16%

Рис. 2. Интерес аудитории к Советским историческим событиям
Источник: авторское исследование, 2021.

Fig 2. Audience interest in Soviet historical events

Source: authors' research, 2021

Наибольший интерес к изучению в молодежных группах — от 18 до 34 лет — представляют: Великая Отечественная война (30 и 39%), Запуск первого спутника и полет в космос Ю. Гагарина (27 и 34%), Революция 1917 года (24 и 24%), Гражданская война (23 и 18%), Олимпиада в Москве в 1980 году (29 и 17%), война в Афганистане (27 и 21%), стройки 70-х годов (БАМ и т.п.) (25 и 21%), голод тридцатых годов (23 и 21%), Холодная война (23 и 22%) (см. рис. 2).

Для перепроверки ответов респондентов был предложен вопрос о наименее интересных событиях (множественный ответ): «Про какие из этих событий вы можете сказать, что они вам НЕ интересны, или что информация про это события НАДОЕЛА? Вы можете выбрать любое количество событий» (рис. 3).

События, связанные с XX съездом, т.н. «разоблачением культа личности Сталина», оттепелью при Хрущеве, репрессиями 1930-х и начала 1950-х гг., голодом 1930-х гг., НЭПом, представляют наименьший интерес, что подтверждает данные по предыдущим вопросам. Информация, распространяемая по этим тематикам, во многом надоела респондентам.

При этом, несмотря на большой объем информации в последнее десятилетие по Великой Отечественной войне, — это наименее приевшаяся информация, закрывающая список наименее интересных событий. Революция 1917 г. (13%) и гражданская война (10%) представляют один из самых

высоких интересов аудиторий, наравне с такими яркими и прорывными событиями, как стройки 1970-х, запуск первого спутника и полет Ю. Гагарина, Олимпиада в Москве.

В целом, данные распределились следующим образом (чем выше цифры, тем ниже интерес аудитории, тем больше эта тематика надоела): «XX съезд и разоблачение культа личности» — 26 %, «НЭП» — 23 %, «Преследования диссидентов в 1970–80-е гг.» — 22 %, «Репрессии в 1930-е — начало 1950-х гг.» — 21 %, «голод 1930-х» — 19 %, «Освоение целины» — 17 %, «коллективизация» — 16 %, «оттепель после смерти Сталина» — 16 %, «Холодная война» — 15 %, «Индустриализация» — 14 %, «Революция 1917 г.» — 13 %, «стройки 70-х (БАМ и др.)» — 12 %, «Запуск первого спутника и полет в космос Ю. Гагарина» — 11 %, «гражданская война» — 10 %, «война в Афганистане» — 10 %, «Олимпиада в Москве в 1980 г.» — 8 %, «Великая Отечественная война» — 7 %.

Между возрастными группами наблюдаются серьезные различия в интересе к советским историческим событиям (рис. 3).

	Общая аудитория	18-24	25-34	35-44	45-64
XX съезд и разоблачение культа личности	26%	8%	24%	30%	31%
НЭП	23%	28%	27%	23%	19%
Преследования диссидентов в 70-80-е годы	22%	23%	16%	21%	27%
Репрессии в 30-е – начале 50-х годов	21%	13%	19%	28%	20%
Голод тридцатых годов, голодомор	19%	16%	16%	19%	23%
Освоение целины	17%	20%	22%	15%	14%
Коллективизация	16%	21%	16%	14%	15%
Оттепель после смерти Сталина	16%	12%	16%	18%	16%
Холодная война	15%	19%	12%	17%	16%
Индустриализация	14%	19%	16%	12%	13%
Революция 1917 года	13%	13%	16%	11%	12%
Стройки 70-х годов (БАМ и т п)	12%	25%	14%	8%	7%
Запуск первого спутника и полет в космос Ю. Гагарина	11%	13%	13%	13%	8%
Гражданская война	10%	16%	14%	7%	7%
Война в Афганистане	10%	8%	11%	12%	9%
Олимпиада в Москве в 1980 году	8%	8%	12%	10%	5%
Великая Отечественная война	7%	12%	7%	7%	6%

Рис. 3. Наименее интересные события советской истории для аудитории

Источник: авторское исследование, 2021.

Fig. 3. The least interesting events of the Soviet history for the audience

Source: authors' research, 2021

Разоблачение культа личности И. Сталина, репрессии 30–50-х годов привлекают меньше старших респондентов. Молодые возрастные группы меньше всего интересуются *НЭПом*, а также *стройками 70-х годов*. Более

поздние периоды существования СССР воспринимаются респондентами как более позитивные.

Лучшим периодом истории Советского Союза в общем по аудитории 32 % посчитали 1980-е гг., 31 % — 1970-е гг., еще 16 % признали таковыми 1960-е гг., а 9 % затруднились с ответом. 6 % назвали лучшим периодом 1950-е гг., еще 6 % разделились поровну по 2 % на 1920-е, 1930-е и 1940-е гг.

В самых молодых аудиториях — 18–24 и 25–34 — выделяется более высокий процент затрудняющихся с ответом — 13 и 12 % соответственно (в категориях 35–44 и 45–64 такие ответы составили по 7 %). Период 1980-х гг., выделяемый как лучший в истории СССР, почти не дает расхождений по возрастным аудиториям. 1970-е гг. дают резко расходящиеся показатели в ответах для категории 45–64—41 % и группы 18–24—19 %, группы 25–34 и 35–44 имеют незначительное расхождение — 22 и 29 % соответственно. Поколения 25–34 и 35–44 более высоко оценивают период 1950-х гг. — 10 и 8 %, соответственно. Самые молодые респонденты (18–24) и группа 45–64 оценивают этот период достаточно близко — 6 и 4 % соответственно. Группа 18–24 дала наибольший уровень оценки 1940-х гг. среди всех возрастных групп — 8 %.

Важность истории изучения СССР отмечает подавляющее большинство респондентов (множественный ответ). 64 % голосов поддержало важность истории СССР не только для историков, но для всего общества, 48 % — в пользу личной заинтересованности в истории СССР. 8 % получило утверждение, что изучение истории СССР интересно только историкам, 12 % — «давно пора забыть и жить сегодняшним днем». То есть по крайней мере на декларативном уровне большинство респондентов признают важность изучения истории СССР — как для себя, так и для всего российского общества. При этом 1/3 считает, что изучение истории СССР более важно, чем изучение других исторических периодов существования российского государства.

Максимальные значения в пользу изучения истории СССР дают возрастные группы «35–44» и «45–64». Так, в этих группах поддержали утверждение о важности истории СССР не только для историков, но для всего общества — 67 % и 69 % соответственно. Возрастная группа «18–24» дала 51 %, а «25–34» — 57 %. В декларации личной заинтересованности в истории СССР картина выглядит примерно таким же образом: 38 %, 40 %, 54 %, 52 % по возрастным группам.

Утверждение «давно пора забыть и жить сегодняшним днем» получило максимальные значения в молодых возрастных группах: в группе «18–24» — 17 %, в группе «25–34» — 20 %. Две более старшие группы дали 8 и 9 % поддержки. Утверждение, что изучение истории СССР интересно только историкам, получило максимальную поддержку в самой молодой возрастной группе — «18–24» — 16 %, остальные группы дали примерно одинаковые низкие значения: 8 %, 8 % и 5 %.

Таким образом, тезис о важности изучения истории СССР разделяют в большей степени респонденты из старших возрастных групп. Тем не менее, даже среди молодежи достаточно распространена точка зрения, что история СССР интересна и важна для всего общества.

Следующий блок исследования — это информационные каналы (множественный ответ).

В качестве предпочтительных каналов получения информации о Советской истории (множественный ответ) наибольшие значения получили Интернет — 72 % и телевидение — 60 %. Традиционные книги получили 41 % голосов. С большим отставанием идут радио — 17 %, журналы — 14 %, газеты (в печатном виде) — 13 %.

По возрастам эти предпочтения распределились следующим образом (множественный ответ). Интернет максимально предпочитают все возрастные категории, с минимальным значением в возрастной группе «18–24» — 65 %: 73 % — «25–34», 74 % — «35–44», 71 % — «45–64». Телевидение более предпочитают группы «35–44» (65 %) и «45–64» (64 %), но высокий спрос представляют и две другие возрастные группы: «18–24» — 46 %, «25–34» — 55 %. Традиционные книги больше предпочитает старшее поколение: 47 % в группе «45–64», другие группы дают примерно одинаковые показатели: 32 % — «18–24», 38 % — «25–34», 38 % — «35–44». Радио, журналы и печатные газеты как информационный источник, предпочитаемый для изучения истории СССР, дали примерно одинаковые показатели во всех возрастных группах.

Определение художественных фильмов, которые максимально ассоциируются с СССР и дают представление о Советской стране. Вопрос был поставлен таким образом: «Вас просят посоветовать художественный фильм, чтобы показать молодому человеку 16 лет, который ничего (так получилось) не знает о Советском Союзе, ничего не читал о нем, не смотрел никаких фильмов о СССР. И, понятно, никогда сам не жил в СССР. Какие художественные фильмы вы бы посоветовали показать такому ребенку, чтобы он составил себе представление о Советском Союзе? Ответ на вопрос предполагал два варианта: первый — множественный, второй — выбрать только один фильм.

«Москва слезам не верит» (57 % при множественном ответе и 18 % при выборе единственного фильма), а также фильмы по военной тематике — «В бой идут одни старики» (55 % и 12 %), «Они сражались за Родину» (53 % и 17 %), «Офицеры» (45 % и 11 %) — показывают, по мнению респондентов, лучше всего, что такое Советский Союз (рис. 4).

«Москва слезам не верит» стал главным фильмом для групп «18–24» (38 % при множественном ответе и 18 % при выборе единственного фильма), «35–44» (59 % и 20 %) и «45–64» (65 % и 21 %). Для группы «25–34» — вторым фильмом (51 % и 14 %), уступив фильму «В бой идут одни старики» (54 % и 18 %), который в других возрастных категориях занял вторую позицию при множественном выборе, но лишь четвертую-пятую при выборе одного варианта ответа.

	Общая аудитория		18-24		25-34		35-44		45-64	
	Множ. ответ	Главный фильм	Множ. ответ	Главный фильм	Множ. ответ	Главный фильм	Множ. ответ	Главный фильм	Множ. ответ	Главный фильм
Москва слезам не верит	57%	18%	38%	13%	51%	14%	59%	20%	65%	21%
В бой идут одни старики	55%	12%	33%	8%	54%	18%	56%	13%	62%	8%
Они сражались за Родину	53%	17%	33%	14%	43%	14%	56%	17%	62%	19%
Офицеры	45%	11%	21%	4%	35%	4%	45%	11%	59%	18%
Служебный роман	42%	5%	19%	4%	39%	7%	51%	6%	47%	4%
Весна на заречной улице	40%	7%	21%	3%	32%	8%	45%	9%	48%	6%
Тихий дон	36%	5%	28%	9%	37%	7%	36%	4%	36%	2%
Собачье сердце	33%	5%	30%	8%	33%	5%	34%	4%	34%	5%
Берегись автомобиля	31%	2%	14%	4%	27%	2%	33%	2%	38%	2%
Покровские ворота	30%	4%	19%	2%	18%	4%	26%	3%	43%	5%
Холодное лето 53-го	27%	5%	23%	8%	21%	4%	27%	5%	32%	4%
Гараж	22%	2%	8%	0%	13%	2%	27%	2%	29%	2%
Вам и не снилось	20%	1%	11%	2%	12%	2%	17%	1%	28%	1%
Маленькая Вера	15%	2%	10%	2%	14%	3%	15%	0%	18%	2%
Кин-дза-дза	13%	2%	17%	6%	15%	2%	13%	2%	11%	1%
9 дней одного года	8%	1%	5%	2%	6%	0%	7%	0%	10%	1%
Покаяние	7%	2%	17%	10%	5%	1%	4%	1%	7%	1%
Зеркало	4%	0%	5%	1%	2%	0%	2%	0%	5%	1%

Рис. 4. Художественные фильмы, чтобы составить представление о Советском Союзе
 Источник: Авторское исследование, 2021.

Fig 4. Feature films to give an idea of the Soviet Union

Source: authors' research, 2021

Таким образом, по мнению респондентов, «Москва слезам не верит» — один из лучших фильмов, рассказывающих о жизни в СССР, по мнению всех возрастных групп. Фильмы на военную тематику также выбираются всеми возрастными группами как важные. Примечательно, что фильмы на тему репрессий («Холодное лето 53-го», «Покаяние») чаще выбираются самой молодой возрастной группой.

С точки зрения образовательной среды — той общей информационной среды, которая складывается для россиян с точки зрения получения знаний об СССР (среднее, среднеспециальное и высшее образование, СМИ, как традиционные, так и новые медиа), можно сделать следующие выводы.

Высокий уровень интереса к Великой Отечественной войне: эти события выглядят в обществе как события национальной самоидентификации. Повышенный интерес у аудитории и к другим событиям, которые относятся к событиям национальной гордости: запуск первого спутника и полет в космос Ю. Гагарина, Олимпиада в Москве, стройки 1970-х. Растет интерес к войне в Афганистане, которую в 1990-х либо желали замолчать (забыть), либо выкрашивали в негативные тона. То же касается революции 1917 г. и гражданской войны, несмотря на устойчивый негатив в массмедиа и художественной культуре. События, которые представляли максимальный интерес в 1980–2000-е (особенно для поколений 1960-х, 1970-х, 1980-х): «репрессии», «разоблачение культа личности», «диссидентское движение», резко потеряли свою актуальность

для россиян. Вернули актуальность фильма, считавшиеся шедеврами в позднем СССР, как собирательный образ СССР, несущий максимальную образовательную нагрузку. При этом россияне всех возрастов, демонстрируют серьезное превалирование в образовательных каналах коммуникаций Интернета и телевидения, причем на уровне и даже превышая страны, считающиеся наиболее развитыми в коммуникационных технологиях.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Багдасарян В.Э., Ларионов А.Э., Реснянский С.И., Федорченко С.Н., Шульц Э.Э. Информационные факторы формирования исторического сознания молодежи (на примере изучения представлений о Великой Отечественной войне) // Вопросы истории. 2022. № 8–1. С. 34–49. <https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202208Statyi17>
2. Багдасарян В.Э., Журавлев В.В., Ларионов А.Э., Федорченко С.Н., Шульц Э.Э. Восприятие советского прошлого в контексте формирования новых идентичностей, войн памяти и образов будущего на постсоветском пространстве. М.: Проспект, 2022. 304 с.
3. Шульц Э.Э. Ленин: проблемы осмысления собственной истории // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 464. С. 159–170. <https://doi.org/10.17223/15617793/464/19>
4. Шульц Э.Э. Формирование самостоятельности мышления и позиции учащихся на фактах Великой Отечественной войны // Духовное наследие Великой Отечественной войны — важнейший источник духовно-нравственного воспитания молодежи. Материалы V Международной научно-образовательной конференции «Нестеровские чтения», посвященной Дню Памяти святого преподобного Нестора Летописца, а также празднованию 75-й годовщины победы в Великой Отечественной войне (г. Луганск, 14 ноября 2019 г.). М.: Принтико, 2020. С. 273–283.
5. Larionov A., Baghdasaryan V., Fedorchenko S., Shults E. Exogenous Factors of Memory Formation about the Great Soviet Era in Contemporary Russia // Linguistics and Culture Review. 2021. 5 (S3). <https://doi.org/10.21744/lingcure.v5nS3.1830>
6. Багдасарян В.Э., Журавлев В.В., Ларионов А.Э., Федорченко С.Н., Шульц Э.Э. Взгляд молодежи на советскую эпоху: между перспективами новых идентичностей и вызовами войн памяти // Журнал политических исследований. 2022. Т. 6. № 1. С. 85–97. <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2022-6-1-85-97>
7. Между перспективами новых идентичностей и вызовами войн памяти. Материалы международной научной конференции. Часть II. Материалы социологических исследований / Отв. ред. В.В. Журавлев. СПб.: Научное издание, 2021. 65 с.

REFERENCES

1. Bagdasaryan V.E., Larionov A.E., Resnyansky S.I., Fedorchenko S.N., Shults E.E. Information Factors of Formation Historical Consciousness of Youth (on the Example of Studying Ideas about the Great Patriotic War). *Questions of history*. 2022; 8 (1): 34–49 (In Russ.). <https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202208Statyi17>
2. Bagdasaryan V.E., Zhuravlev V.V., Larionov A.E., Fedorchenko S.N., Shults E.E. *Vospriyatie sovetskogo proshlogo v kontekste formirovaniya novykh identichnostei, voin pamyati i obrazov budushchego na postsovetskom prostranstve* [Perception of the Soviet Past in the Context of the Formation of New Identities, Wars of Memory and Images of the Future in the Post-Soviet Space]. Moscow: Prospect; 2022. 304 p. (In Russ.).
3. Shults E.E. Lenin: Problems of Comprehension of Own History. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta - Tomsk State University Journal*. 2021;464:159–170 (In Russ.). <https://doi.org/10.17223/15617793/464/19>

4. Shults E.E. Formirovanie samostoyatel'nosti myshleniya i pozitsii uchashchikhsya na faktakh Velikoi Otechestvennoi voiny [The Formation of the Independence of Thinking and the Position of Students on the Facts of the Great Patriotic War]. *The Spiritual Heritage of the Great Patriotic War Is the most Important Source of Spiritual and Moral Education for Young People*. Materials of the V International Scientific and Educational Conference “Nesterov Readings”, dedicated to the Day of Remembrance of St. Nestor the Chronicler, as well as the celebration of the 75th anniversary of the victory in the Great Patriotic War (Lugansk, November 14, 2019). Moscow: Printika; 2020: 273–283 (In Russ.).
5. Larionov A., Baghdasaryan V., Fedorchenko S., Shults E. Exogenous Factors of Memory Formation about the Great Soviet Era in Contemporary Russia. *Linguistics and Culture Review*. 2021; 5 (S3). <https://doi.org/10.21744/lingcure.v5nS3.1830>
6. Bagdasaryan V.E., Zhuravlev V.V., Larionov A.E., Fedorchenko S.N., Shults E.E. Young people's view of the Soviet era: between the prospects of new identities and the challenges of memory wars. *Journal of Political Research*. 2022; 6 (1): 85–97 (In Russ.). <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2022-6-1-85-97>
7. *Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Chast' II. Materialy sotsiologicheskikh issledovaniy* [Between the Perspectives of New Identities and the Challenges of Memory Wars. Materials of the international scientific conference. Part II. Materials of sociological research]. Ed. by V.V. Zhuravlev. St. Petersburg: Publishing House “Science-Intensive Technologies”; 2021. 65 p. (In Russ.).

Информация об авторе:

Шульц Эдуард Эдуардович — кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой коммуникационных технологий, Московский государственный лингвистический университет (ORCID ID: 0000-0002-9067-6228) (e-mail: nuap1@yandex.ru).

Information about the author:

Eduard E. Shults — PhD in History, Associate Professor, Head of the Department of Communication Technologies, Moscow State Linguistic University (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0002-9067-6228) (e-mail: nuap1@yandex.ru).

DOI: 10.22363/2312-8313-2023-10-2-183-194

EDN: GMKVZL

Научная статья / Research article

Особенности формирования идеологии российского государства

С.Ю. Белоконев¹ , И.С. Бурикова², М.А. Коновалова²

¹Финансовый университет при Правительстве РФ,
125993, Россия, Москва, Ленинградский пр., 49

²Северо-Западный Институт управления Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
197376, Санкт-Петербург, Песочная набережная, 4

 SYUBelokonev@fa.ru

Аннотация. Статья посвящена психолого-политическому анализу формирования идеологии Российского государства. Для этого были использованы методы, разработанные в Ленинградской-Петербургской школе проф. А.И. Юрьева, которые позволяют системно описать психологические явления и процессы, вовлеченные в формирование идеологии, ее развития и передачи следующим поколениям. Системный учет психологических факторов позволяет конструировать идеологию, наиболее приближенную к менталитету населения, во время производить ее коррекцию.

Ключевые слова: идеология, проект человека, природа человека, менталитет, сознание, интеллектуальная экспансия, политическая психология, новая политическая реальность

Заявление о конфликте интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Статья поступила в редакцию: 20.01.2023. Статья принята к публикации: 15.04.2023.

Для цитирования:

Белоконев С.Ю., Бурикова И.С., Коновалова М.А. Особенности формирования идеологии российского государства // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2023. Т. 10. № 2. С. 183–194. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2023-10-2-183-194>

Features of the Formation of the Ideology of the Russian State

Sergei Yu. Belokonev , Inga S. Burikova, Maria A. Konovalova

Financial University under the Government of the Russian Federation,
49 Leningradsky pr., Moscow, Russian Federation, 125468
RANEPA St. Petersburg,
4, Pesochnaya Embankment, St. Petersburg, Russian Federation, 197376
 SYUBelokonev@fa.ru

Abstract. The article provides the psychological and political analysis of the formation of the ideology of the Russian state. For this, the authors applied the methods developed in the Leningrad-Petersburg school of prof. A.I. Yuriev, which allow a systematic description of the psychological phenomena and processes involved in the formation of ideology, its development and transmission to the next generations. Systematic consideration of psychological factors makes it possible to construct an ideology that is closest to the mentality of the population, and to correct it in time.

Keywords: ideology, human project, human nature, mentality, consciousness, intellectual expansion, political psychology, new political reality

Conflicts of interest: The authors declared no conflicts of interest.

Article history:

The article was submitted on 20.01.2023. The article was accepted on 15.04.2023.

For citation:

Belokonev S.Yu., Burikova I.S., Konovalova M.A. Features of the Formation of the Ideology of the Russian State. *RUDN Journal of Public Administration*. 2023;10(2):183–194. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2023-10-2-183-194>

В основе любой политической идеологии ее настоящим фундаментом является «проект человека» — совокупность представлений о человеческом существе, его происхождении, его природе (сущностных характеристиках, отличающих его от других форм бытия и присущих, в той или иной мере, всем людям). Именно из «проекта человека» следуют его права и обязанности, моральные нормы, представления о человеческом достоинстве и социальной справедливости. Все перечисленное регулируется уголовным и административным законодательством, контролем за информационным пространством, педагогическими и образовательными программами, политической системой.

В истории России были приняты разные идеологии, которые разными исследователями, то радикально противопоставляются друг другу, то в них находят множество общих элементов. На наш взгляд, есть один принципиальный критерий, с которого необходимо начинать анализ любой идеологии. Этим критерием можно считать отношение к природе человека.

Есть идеологии, которые принимают природу человека неизменной, со всеми ее достоинствами и недостатками, и стараются создать политическую систему, которая учитывает эту природу, контролируя ее деструктивную часть и стимулируя созидательную. Это идеологии, стремящиеся «не

допустить ада на земле». Такие идеологии сегодня объединяются общим понятием традиционализма, причем в эту совокупность попали совершенно разные направления, никогда ранее не дружившие между собой, а зачастую открыто враждовавшие друг с другом — христиане, мусульмане, иудеи, буддисты и даже атеисты-консерваторы. Можно предположить, что в некоторые исторические периоды времени, частности в восприятии мира и человека, разделяющие их, отступают перед главным принципом — ценности природы человека и недопустимости попыток ее изменения (причины могут быть разными).

И есть идеологии, которые относятся к природе человека крайне критично, они ставят перед собой задачу ее радикально изменить ради всеобщего счастья. Это идеологии, которые стремятся «построить рай на земле» с помощью самых современных социальных технологий. Хорошей иллюстрацией к этой позиции может быть слова Константина Мережковского о том, что невозможность человеческого счастья коренится в самой природе человека. В своей сказке-утопии «Рай земной или Сон в зимнюю ночь» он писал: «Всевозможные системы были испробованы за протекшие столетия, иные по несколько раз, все успехи науки, искусства, техники, вся сложная цивилизация, величайшие подвиги бескорыстной любви и самоотвержения — все это было к услугам человека, но ничто не могло принести счастья, все разбивалось о его природу: последняя, очевидно, была несовместима со счастьем. Следовательно, не новые системы, не новые учреждения, не дальнейшие успехи техники и цивилизации, ни даже новые подвиги любви надлежало нам искать, нет, нам нужно было переделать самого человека» [1]. Насколько сторонники этих идеологий могут быть решительны и радикальны, следует из следующих слов К. Мережковского: «Если бы и эта попытка оказалась неисполнимой, то оставалось одно — прекратить существование человеческого раз и навсегда. Оставлять его далее мучиться — было бы слишком жестоко».

Россия в XX веке прошла опыт резкой замены идеологии первого типа, опирающейся на христианскую догматику, утверждающую, что поврежденная человеческая природа вернется к своей первоначальному совершенству только после конца света, на идеологию второго типа, которая ставила перед собой задачу создания принципиально нового советского человека.

Политолог Дмитрий Евстафьев, рассуждавший в своей статье о причинах краха СССР писал: «СССР, как государство и социально-экономическая система был формой принуждения разнородных обществ, на основе которых это государство возникло, к синергичному развитию и постоянной модернизации самих себя. По большому счету, несмотря на все последующие трансформации (сталинские, хрущевские и брежневские), изначальный запал большевиков – переделать природу человека – сохранился. Да, эта идея «социальной модернизации» во многом представляла собой рефлексию троцкистской «перманентной революции» и в этом смысле была обречена. Поскольку ее авторы исходили из допущения, что у человека и человечества

неограниченные возможности развития. Увы, человек не только социальное существо, но и биологическое. Социальность человека определяется в том числе и биологическими потребностями, а еще во многом является производной от истории, традиций, опыта предшествующих поколений. Ранний большевизм отменял традицию, сбрасывал ее с «корабля истории», саму историю подчинял задачам создания нового человека. Но в тот момент, когда в сталинском СССР (в середине 1930-х гг.) началось возвращение к традиции российской государственности, крушение концепции «перекройки человечества» стало вопросом времени» [2].

Профессор А.И. Юрьев так объяснял причину провала советской идеологии: «...при малейшем ослаблении позиций политического сознания под давлением реально существующего, но неучтенного менталитета, разрушаются империи, республики, союзы, казнят королей, исчезают политические режимы, которые еще вчера поддерживали миллионы сторонников и защищали лучшие в мире спецслужбы» [3].

Всякая идеология опирается на менталитет населения, или на его отдельные части, в противном случае у идеологии нет никаких шансов на политический успех. Так, коммунистическая идеология опиралась на особенности национального русского менталитета — на коллективизм, на стремление к справедливости, на поиск Истины и готовности к самопожертвованию ради нее. И в то же самое время коммунистическая идеология грубо игнорировала другие составляющие русского менталитета. Профессор А.И. Юрьев писал: «Менталитет играет роль «сверхсознания» или «предсознания» потому, что он, находясь на входе в поток сознания, не пропускает в него из «страшных пространств Вселенной», ничего, что угрожает сознанию разрушением. Менталитет мешает избыточной манипуляции сознанием, чтобы защитить от его бредовых и сверхценных идей, скачков и навязчивых идей, продуктов бессвязного и разорванного мышления, резонерства. Это всегда мешало политике и восстанавливало ее против менталитета. Поскольку менталитет связан с этносом его носителя, то атаковался всегда этнос, например, «борьба с великорусским шовинизмом» в 20–30 годы XX века» [3].

По мнению проф. Н.М. Ракитянского, «история менталитета русского этноса обусловлена принятием христианства непосредственно из рук ромейской цивилизации. Профессор В.В. Колесов пишет о том, что процесс древнерусской ментализации в основе своей есть перенесение на русскую почву, через славянское слово, основных символов христианской культуры [4].

Любой менталитет формируется и развивается на основе веры. Феномен веры проявляется в особенностях мышления, волеизъявления и различных бессознательных установках людей. Дух народа, его религия являются, говоря словами академика А.А. Ухтомского, доминантой этнического менталитета [5]. Как раз религия порождает для каждого народа культурные нормы и ценностные регуляторы поведения, а также понятие об их нарушении — грехе. Это связывает людей в народ.

Все это хорошо осознают враги Российского государства, и поэтому столько денег и усилий в последние годы было вложено в борьбу с Русской Православной церковью как институтом, сохраняющим и передающим в веках православную составляющую ментальности русского народа. Причина такого ожесточенного нападения заключается в том, что догматы православной веры являются основой онтологической безопасности русских людей и, по мнению профессора В.В. Цыганова, они затрудняют манипуляцию сознанием (6). Таким образом, главной мишенью врагов России является все не ее политическая система, экономика или государственность, а именно менталитет, поскольку все прежде перечисленное, это только производная от него. Разрушение догматических основ менталитета, институтов, сохраняющих и передающих их следующим поколениям, неизбежно приводит к ослаблению народа и страны, потере иммунитета против разрушительных ментальных эпидемий различных утопических доктрин.

Также и либеральная идеология опирается на особенности западной ментальности — крайний индивидуализм, рассудочность, стремление к непрерывному расширению границ личной свободы. Решительная убежденность в необходимости сбросить традицию с «корабля истории» и создать «нового человека» объединяет коммунистическую идеологию и современную либерально-демократическую, и указывает на их родство как ветвей, растущих из одного корня. Профессор Н.М. Ракитянский, анализируя американский менталитет, пишет: «Поскольку в догматической системе номинализма вера непосредственно ориентирована на волю, а не на мышление (сознание), постольку основные положения веры формируют здесь ортодоксальный волюнтаризм... центром которого так же выступает догмат, апеллирующий прежде всего к практическому разуму». Он установил, что, «сама догматика протестантизма как «гражданская религия» Америки, выраженная в ценностях демократии, рыночной экономики, свободы, либерализма, культа индивидуалистической самореализации, вступила в противоречие с изначальными христианскими ценностями». Опасность западной идеологии проф. Н.М. Ракитянский видит в «таком даровании английских политических элит, как умение эффективно осуществлять на глобальном уровне ментально-догматическую экспансию. Так, когда британцы управляли некоей страной, они стремились привить — или хотя бы передать — ей определенные черты и свойства своего менталитета, в числе которых наиболее приоритетными были английский язык, островной протестантизм, а также англосаксонская концепция буржуазного права, которая стала важным элементом системы глобального политического контроля» [7].

Профессор А.И. Юрьев считал, что на научном уровне суть спора либерально-демократического и религиозно-патриотического заключается в разнице их убеждений, о том, что: 1) существует выход за пределы чувственного опыта в пространство сознания, мысли, души, духа, или 2) нет, и все поведение человека определяется только чувственным опытом, стимулируя который можно получить желаемое поведение. Наука, не участвуя напрямую

в политической борьбе, снабжает участников этой борьбы научными аргументами о природе человека и методах управления его поведением.

По мнению профессора А.И. Юрьева, в структурном плане менталитет состоит из четырех интегральных психологических феноменов, куда кроме ценностей и целей входят смысл жизни и жизненная сила человека. Это жестко связанные между собой элементы. Любое исследование, например, ценностей без связи со смыслом и целями, является недостаточным. Но это — проблемы науки, которые ничто по сравнению с проблемами народа. Разрозненные, а потому исчезнувшие из воспитания и образования смысл жизни, ценности и цели, вынужденно восполняются суррогатами в виде лени, пьянства, распутства, нежелания защищать свою Родину, рожать детей, содержать престарелых и больных. Российский менталитет тяжело болен, и поэтому страна для многих стала хуже чужбины, опаснее джунглей, великий народ сокращается и уходит из истории. Носителями русской духовной культуры остается совсем небольшая по численности часть населения, однако надежда заключается в том, что «людям придется искать внутренние резервы защиты от агрессивного внешнего мира, а теория менталитета может им в этом помочь, сделав его реальным инструментом самозащиты» [8].

У России нет перспектив без научного описания психологии своего политического менталитета: такого, какой он есть, а не такого, каким его придумали зарубежные исследователи. Проблема неуважительного отношения к русскому менталитету создана самими русскими: писателями, учеными, дипломатами, актерами. ... Политический менталитет русских в отечественной литературе — это непримиримое отрицание своей страны — герои, обличающие ее «несовершенства». Многие годы отечественная вестернизированная интеллектуальная элита питалась готовыми идеями западной философской мысли, отчего русское духовное наследие осталось неподнятой целиной. Нам предстоит обнаружить и описать русское понимание человека и его достоинства, свободы и справедливости, счастья и смысла жизни. Все это есть в сверхсознании русского менталитета и русской духовной культуры, оно проявляется, как было выше сказано, в критические моменты истории, но крайне нуждается в научном осмыслении, описании и артикуляции. Без этого невозможно формирование новой российской идеологии.

Профессор А.И. Юрьев в своей книге «Введение в политическую психологию» писал, что политика для политической психологии — это система политических явлений, организованная целевой функцией власти и способная реализовать все возможные психологические феномены воздействия на человека, доступные точному наблюдению и объективному анализу [9]. Представление политики в виде списка из двенадцати политических явлений, систематизированных по признакам сходства и различия их методологии (статика) и свойствам, обнаруживающимся во взаимодействии (динамика), предложен в качестве модели, удобной для их психологического описания (табл. 1).

Табл. 1 / Table 1

Система политических явлений (проф. А.И. Юрьев)
The system of political phenomena (prof. A.I. Yuryev)

Признаки (свойства) / Signs (properties)	Экстремальные / Extreme	Акцентированные / Accentuated	Прямые / Direct	Опосредованные / Indirect
Цель политики / The goal of politics	Борьба за выживание / The struggle for survival	Борьба за ресурсы / The struggle for resources	Борьба за территорию / The struggle for territory	Борьба за идеологию / The struggle for ideology
Средства политики / Political means	Физическое подавление / Physical suppression	Экономическое принуждение / Economic coercion	Правовое регулирование / Legal regulation	Интеллектуальная экспансия / Intellectual expansion
Результат политики / The result of politics	Физический террор / Physical terror	Забастовки, кризисы / Strikes, crises	Парламент, дипломатия / Parliament, diplomacy	Литературная полемика / Literary polemics
Факторы психолого-политической дестабилизации общества / Factors of psychological and political destabilization of society	Межнациональные конфликты / Interethnic conflicts	Социальное равенство / Social equality	Религиозные разногласия / Religious differences	Идеологические споры / Ideological disputes

Источник: [9]

Source: [9]

Из приведенной выше таблицы видно, что в рамках системы политических явлений «борьбу за идеологию» относят к опосредованным формам проявления политики, когда политики как бы нет, а все политическое влияние уходит в литературную полемику и общественную дискуссию. На каждом историческом этапе были свои инструменты и возможности влияния. И только в эпоху модерна до конца сформировались все ныне действующие инструменты борьбы за идеологию — интеллектуальной экспансии. Таким образом, в ходе интеллектуальной экспансии субъекты опосредованной формы политики (эксперты, деятели культуры и искусства, журналисты и блогеры, гражданское общество, ЛОМы) создают и формулируют идеологию как форму политического сознания. Дополнительными их функциями являются:

1. Политический анализ и прогнозирование.
2. Формирование образцов политического поведения элит («эталонов»).
3. Контроль результатов политических решений.

А.И. Юрьев описывает четыре экстремума философских позиций на поле политических теорий, в зависимости от взгляда на природу человека и на отношение между человеком и природой. Так, по своей природе человек может быть социален (оптимистический взгляд на человека, возвышающий его) или асоциален (пессимистический взгляд на человека, опускающий его до уровня

биологических инстинктов). А отношения между природой и человеком формулируются с двух диаметрально противоположных позиций — способности и неспособности знания управлять природой. В первом случае знание допускает лишь понимание природы и мира, во втором — управление и контроль над ними. Относительно данных четырех попарно пересекающихся экстремумов выстраиваются позиции экспертов и философов, описывающих политическое сознание человека [9]. Вокруг данных концепций формируются их формальные и неформальные сторонники, эти концепции отражаются в программах политических партий и политических лидеров, а победители гонки идеологий оказывают влияние на общество в целом. Граждане вправе соглашаться или не соглашаться с предложенной им идеологической конструкцией. Стоило бы сказать — «или ее отсутствием», но «свято место пусто не бывает», и если власть не формулирует свои ценности, смыслы и цели, то их формулирует кто-то другой. Граждане в любом случае в силу законов функционирования политического сознания будут бесконечно стремиться к наполнению своего сознания, ибо это естественное состояния общественного сознания — так же как для человека естественно наполнять и бесконечно развивать свое индивидуальное сознание. Опустошенное сознание неэффективно, саморазрушительно и нежизнеспособно.

Восприятие политики как целенаправленной деятельности, работающей с политическим человеком, приводит нас к пониманию сознания политического человека, наполненного категориями смысла, цели и ценности, и реализующегося в жизненных силах и энергии, которую человек готов затратить на их достижение.

Говоря о современном этапе формирования сознания политического человека, нельзя обойти стороной понятия глобализации и новой реальности. А.И. Юрьев, описывая глобализацию, говорил о том, что есть традиционный и системный взгляды на нее. Так, традиционная точка зрения на глобализацию скрывает ее действительную сущность, описывая некоторые ее инструменты, и избегая указания на предназначение этих инструментов. Обычно перечисляется 15–20 совершенно новых общественно-политических явлений, которые создает глобализация, как свои инструменты. По Кастельсу Э., к ним относятся: 1) глобализация как новая форма политической власти, 2) мир без границ, 3) транснациональная цивилизация, 4) информационное общество, 5) новая культура, 6) кризис национальных государств, 7) разрыв поколений, 8) сетевое общество, 9) инновации, 10) символическая среда, 11) новые знания, 12) новое образование, 13) конкуренция, 14) виртуальная реальность, 15) перепрограммирование будущего, 16) демографический баланс и т.п. Внешне это выглядит как непознаваемый хаос, недоступный для понимания и практического регулирования. Однако это совершенно не так — делается попытка уйти из четко отработанной в истории человечества системы понятий, якобы заменяя ее на новые глобальные понятия. Использование метода системного описания проф. В.А. Ганзена позволяет легко классифицировать их по методу давления в рамках понятной, устоявшейся системы понятий (табл. 2) [10].

Системная точка зрения на инструменты глобализации очень легко классифицирует неупорядоченные явления этого хаоса и обнаруживает их причастность к давно известным классическим инструментам формирования современного общества, государства и человека. Совсем нетрудно установить, что политическая власть, конкуренция, кризис национальных государств, транснациональная цивилизация являются *производными от изменения науки и цивилизации*, на что никто из интерпретаторов глобализации не указывает, делая вид, что их недопустимо обсуждать и подозревать в формировании «глобального человека» [11].

Табл. 2 / Table 2

**Система инструментов глобализации,
формируемых изменениями религии, культуры, науки и цивилизации**

<p>ПОЛИТИКА - синтез глобальных изменений / POLITICS - synthesis of global changes</p>	<p>Изменения ЦИВИЛИЗАЦИИ Материальное Регулирование / Changes CIVILIZATIONS Material regulation</p>	<p>Изменения КУЛЬТУРЫ Идеальное отражение / Changes CULTURES Perfect reflection</p>
<p>Изменения НАУКИ Активное и Рациональное Поведение / Changes SCIENCES Active and Rational behavior</p>	<p>Активное регулирование (Жизненная позиция)</p> <ul style="list-style-type: none"> • политическая власть • конкуренция • кризис национальных государств • транснациональная цивилизация / <p>Active regulation (Life position)</p> <ul style="list-style-type: none"> • political power • competition • the crisis of nation-states • transnational civilization 	<p>Активное отражение (Картина мира)</p> <ul style="list-style-type: none"> • информационное общество • инновации • новые знания • виртуальная реальность • новое образование • перепрограммирование будущего / <p>Active reflection (Picture of the world)</p> <ul style="list-style-type: none"> • information society • innovation • new knowledge • virtual reality • new education • reprogramming the future
<p>Изменения РЕЛИГИИ Реактивное и Интуитивное Влияние / Changes RELIGIONS Reactive and Intuitive influence</p>	<p>Реактивное регулирование (Образ жизни)</p> <ul style="list-style-type: none"> • разрыв поколений • демографический переход • человеческий дефолт • демографический баланс / <p>Reactive regulation (Lifestyle)</p> <ul style="list-style-type: none"> • generation gap • demographic transition • human default • demographic balance 	<p>Реактивное отражение (Мировоззрение)</p> <ul style="list-style-type: none"> • мир без границ • сетевое общество • символическая среда • новая культура / <p>Reactive reflection (Worldview)</p> <ul style="list-style-type: none"> • world without borders • network society • symbolic environment • new culture

Точно так же информационное общество, новые знания, виртуальная реальность, новое образование, новая культура являются *продуктом перекрестного влияния науки и культуры*. И опять, наука и культура выводятся из обсуждаемых дисциплин как непричастные к глобализации. В свою очередь, мир без границ, сетевое общество, символическая среда, инновации,

перепрограммирование будущего зависят от *глобальных изменений двух других классических опор современного общества: религии и культуры*. И, наконец, разрыв поколений, демографический переход, человеческий дефолт, демографический баланс являются *продуктом глобальных изменений в мировой религии и цивилизации*.

Таким образом, главными инструментами, формирующими политическое сознание и идеологию, становятся цивилизация, культура, наука и религия. А главный пункт парадигмы, избранной для описания инструментов давления на социальную политику, состоит в том, что он вскрывает путь от изменений религии, культуры, науки, цивилизации до изменений конкретного человека и общества. Система изучения человека, разработанная акад. Б.Г. Ананьевым и проф. В.А. Ганzenом, выделяет в нем четыре психологических подструктуры: индивида, субъекта, личности и индивидуальности, на которые и направлено давление глобальных изменений [10].

Точнее говоря, структура отношений инструментов глобализации обусловлена политикой, которая следует естественным изменениям в цивилизации, культуре, науке и религии, синхронизируя эти изменения в меру своих теоретических и властных возможностей. В свою очередь элементы глобализации попарно влияют на элементы структуры психики человека, вызывая у него изменения в картине мира (индивидуальность), образе жизни (индивид), личности (мировоззрение), субъекте (жизненная позиция). Проф. А.И. Юрьев отмечал, что данные элементы глобализации: религия, наука, цивилизация, культура, существуют в первую очередь для и за счет контроля над смыслом жизни масс людей (цивилизация и религия), над ценностями (культура и религия), над жизненными целями людей (наука и цивилизация), и в итоге над уровнем жизненной силы этих масс людей (наука и цивилизация) [11].

Наличие в обществе идеологии свидетельствует о том, что общество и граждане, его составляющие, обладают не только ценностями и целями, но и смыслом совместного существования на заданной территории (своего государства). Идеология в терминах социальной психотерапии является ресурсным состоянием для общества и общественных отношений, дает возможность самовосстановления, если будет частично разрушено, дает энергию и жизненные силы к совместной целенаправленной деятельности.

Пафос данной статьи и отсылка к политической психологии как к ключу формулирования идеологических конструкций обусловлено только лишь принадлежностью к политической психологии самих авторов статьи и пониманием, что без учета политической психологии работа над идеологией Российского государства будет неполной. Однако в данной работе необходимо, чтобы в ней принимали участие: 1) представители общественных наук — политологи, историки, социологи, педагоги, философы и др.; 2) представители религиозных организаций основных российских религий; 3) представители крупных производств и отраслей, где в наибольшей степени становится очевидна составляющая производительных сил нашей страны, особенностей российского работника

и его реальных возможностей; 4) представители культуры, в чьих силах сформулировать «культурный код» и идеологические послы таким образом, чтобы они воспринимались естественно, красиво и гармонично, так, чтобы они «отзывались в сердце» и принимались как то, что мы давно искали и не могли найти. Впереди большая, но вполне выполнимая работа, а дорогу осилит идущий.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Мережковский К.С.* Рай земной или Сон в зимнюю ночь. М.: Изд-во ПРИОР, 2001.
2. *Евстафьев Д.Г.* Про человека. Почему мы испытываем боль, глядя на руины сверхдержавы? // Литературная газета. 2022. № 52. URL: <https://lgz.ru/article/-52-6866-27-12-2022/pro-cheloveka/> (дата обращения: 25.12.2022).
3. *Юрьев А.И.* Избранные статьи по политической психологии // Предисловие к книге Н.М. Ракитянского «Ментальные исследования глобальных политических миров». СПб.: ЛГУ им А.С. Пушкина, 2021.
4. *Колесов В.В.* Философия русского слова. СПб.: ЮНА, 2002.
5. *Ухтомский А.А.* Доминанта. СПб.: Питер, 2002.
6. *Цыганов В.В.* Русская цивилизационная идея // Информационные войны. 2007. № 4.
7. *Ракитянский Н.М.* Ментальные исследования глобальных политических миров. М.: Изд-во Московского университета, 2020.
8. *Юрьев А.И.* Формула менталитета петербуржцев // Москва — Петербург. Российские столицы в исторической перспективе. Москва — Санкт-Петербург, 2003.
9. *Юрьев А.И.* Введение в политическую психологию. СПб., 1992.
10. *Ганзен В.А.* Системные описания в психологии. Л., 1984.
11. Стратегическая психология глобализации: Психология человеческого капитала / Под научн. ред. проф. А.И. Юрьева. СПб., 2006.

REFERENCES

1. *Merezhkovskij K.S.* *Raj zemnoj ili Son v zimnjuju noch'* [Earthly Paradise or a Dream on a Winter Night]. Moscow: Izd-vo PRIOR; 2001 (In Russ.).
2. *Evstaf'ev D.G.* *Pro cheloveka. Pochemu my ispytyvaem bol', gljadja na ruiny sverhderzhavy?* [About Man. Why Do We Feel Pain when Looking at the Ruins of a Superpower?]. *Literaturnaja Gazeta*. 2022; 52. URL: <https://lgz.ru/article/-52-6866-27-12-2022/pro-cheloveka/> (accessed: 25.12.2022) (In Russ.).
3. *Jur'ev A.I.* *Izbrannye stat'i po politicheskoi psihologii. Predislovie k knige N.M. Rakitjanskogo "Mental'nye issledovanija global'nyh politicheskikh mirov"*. [Selected Articles on Political Psychology. Preface to the book by N.M. Rakityansky "Mental Studies of Global Political Worlds"]. SPb.: LGU im A.S. Pushkina; 2021. (In Russ.).
4. *Kolesov B.B.* *Filosofija russkogo slova* [Philosophy of the Russian Word]. SPb.: JuHA; 2002 (In Russ.).
5. *Uhtomskij A.A.* *Dominanta* [Dominant]. SPb.: Piter; 2002 (In Russ.).
6. *Tsyganov V.V.* *Russkaja civilizacionnaja ideja* [Russian Civilizational Idea]. *Informacionnye vojny*. 2007. № 4. (In Russ.).
7. *Rakitjanskij N.M.* *Mental'nye issledovanija global'nyh politicheskikh mirov* [Mental Studies of Global Political Worlds]. Moscow: Izd-vo Moskovskogo universiteta; 2020 (In Russ.).
8. *Jur'ev A.I.* *Formula mentaliteta peterburzhcev* [Formula of the Mentality of Petersburgers]. *Moskva — Peterburg. Rossijskie stolicy v istoricheskoi perspektive*. Moscow — SPb.; 2003 (In Russ.).
9. *Jur'ev A.I.* *Vvedenie v politicheskiju psihologiju* [Introduction to Political Psychology]. SPb.; 1992 (In Russ.).

10. Ganzen V.A. *Sistemnye opisanija v psihologii* [System Descriptions in Psychology]. Leningrad; 1984 (In Russ.).
11. *Strategičeskaja psihologija globalizacii: Psihologija čelovečeskogo kapitala* [Strategic Psychology of Globalization: Psychology of Human Capital. Study Guide]. Učeb. posobie. Ed. by A.I. Jur'ev. SPb.; 2006 (In Russ.).

Информация об авторах:

Белоконев Сергей Юрьевич — кандидат политических наук, доцент, научный руководитель Факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве РФ (ORCID ID: 0000-0002-8028-7421) (e-mail: syubelokonev@fa.ru).

Бурикова Инга Сергеевна — кандидат психологических наук, доцент, Северо-Западный Институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (e-mail: burikova@cspdom.ru).

Коновалова Мария Александровна — кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры российской политики, Северо-Западный Институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (e-mail: m.konovalova.spb@gmail.com).

Information about the authors:

Sergey Yu. Belokonev — PhD in Political Sciences, Scientific Director of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0002-8028-7421) (e-mail: syubelokonev@fa.ru).

Inga S. Burikova — PhD in Psychology, Associate Professor, RANEPA St. Petersburg (Russian Federation) (e-mail: burikova@cspdom.ru).

Maria A. Konovalova — PhD in Psychology, Senior Lecturer of the Department of Russian Politics, RANEPA St. Petersburg (Russian Federation) (e-mail: m.konovalova.spb@gmail.com).

DOI: 10.22363/2312-8313-2023-10-2-195-209

EDN: GMTGLB

Научная статья / Research article

Проблема «суверенного интернета» в России

С.А. Степанов , Е.А. Иванова

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы,
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

 stepanov-sa@rudn.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению проблемы суверенитета русского сегмента глобальной сети Интернет. Гипотеза исследования состоит в том, что российская власть имеет намерение взять под контроль распространение информации через Интернет, однако это намерение идет вразрез с экономическими интересами и задачами модернизации страны на базе современных технологий. В связи с этим действия российских органов власти в данной сфере являются противоречивыми и половинчатыми. Попытки контроля информационного пространства, социальных сетей и видеоблогов все чаще встают на повестке дня во многих государствах. На заре своего существования российский сегмент Интернета был практически свободен от цензуры и вообще от какого-либо вмешательства со стороны государства. Каждый пользователь был волен высказывать свое личное мнение, не опасаясь цензуры. Следует признать, что полная свобода не всегда шла во благо. В Рунете функционировали сайты, беспрепятственно распространявшие неонацистские, шовинистические, ксенофобские взгляды. По мере углубления конфликта с Западом в российских правительственных кругах все чаще обсуждалась мысль о том, чтобы оградить Рунет от враждебного идеологического влияния по примеру Китая. В настоящее время Рунет, несмотря на усиление цензуры, пока еще остается составной частью Интернета. Заключительная часть статьи посвящена анализу и сравнению степени контроля социальных сетей.

Ключевые слова: информационное общество, социальные сети, блокировка Интернета, электронная демократия, кибербезопасность

Заявление о конфликте интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Статья поступила в редакцию: 20.12.2022. Статья принята к публикации: 15.03.2023.

Для цитирования:

Степанов С.А., Иванова Е.А. Проблема «суверенного интернета» в России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2023. Т. 10. № 2. С. 195–209. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2023-10-2-195-209>

© Степанов С.А., Иванова Е.А., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

The Problem of the «Sovereign Internet» in Russia

Sergey A. Stepanov , Ekaterina A. Ivanova

RUDN University,
6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation, 117198

 stepanov-sa@rudn.ru

Abstract. The article is devoted to the problem of sovereignty of the Russian segment of the global Internet. The hypothesis of the study is that the Russian government intends to take control of the dissemination of information via the Internet, but this intention runs counter to the economic interests and objectives of the modernization of the country based on modern technologies. In this regard, the actions of the Russian authorities in this area are contradictory and half-hearted. Attempts to control the information space, social networks and video blogs are increasingly on the agenda in many states. At the dawn of its existence, the Russian segment of the Internet was practically free from censorship and from any interference from the state in general. Each user was free to express his personal opinion without fear of censorship. It should be recognized that complete freedom has not always been for the good. There were websites on the Runet that freely spread neo-Nazi, chauvinistic, xenophobic views. As the conflict with the West deepened, the idea of protecting the Runet from hostile ideological influence, following the example of China, was increasingly discussed in Russian government circles. Currently, the Runet, despite increased censorship, is still an integral part of the Internet. The final part of the article is devoted to the analysis and comparison of the degree of control of social networks in different countries and come to logical conclusions.

Keywords: information society, social networks, Internet blocking, electronic democracy, cybersecurity

Conflicts of interest: The authors declared no conflicts of interest.

Article history:

The article was submitted on 20.12.2022. The article was accepted on 15.03.2023.

For citation:

Stepanov S.A., Ivanova E.A. The Problem of the «Sovereign Internet» in Russia. *RUDN Journal of Public Administration*. 2023;10(2):195–209. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2023-10-2-195-209>

Вопросу становления и развития информационного общества посвящены многочисленные труды выдающихся мировых исследователей. Начиная с середины XX века и до настоящего момента, вопросы об особенностях информационного потребления, о возможных векторах развития цифровой среды и развития информационно коммуникационных технологий являются одним из самых актуальных направлений в современной науке [1–4]

Интенсивное развитие информационной среды, создание новых социальных сетей, приложений и, как следствие, рост вовлечения в них широких слоев населения всех возрастов способствует трансформации информационного поля, появлению новых каналов связи и новых инструментов для их регулирования и со стороны государства [5; 6].

Информационные технологии все больше влияют на жизнь современного общества. Не осталось ни одной сферы, куда бы они ни проникли.

Политическая сфера не является исключением. Оценка возможностей информационных технологий и Интернета в частности разделила исследователей на два лагеря: ИТ-оптимистов и ИТ-пессимистов. Первые заявляют, что развитие информационных технологий способствует укреплению гражданского общества. Предполагается, что развитие этих технологий позволяет уменьшить разрыв между политической элитой и населением. Формируются новые каналы взаимодействия субъектов политики, расширяется политическая аудитория и открываются новые возможности для самоорганизации людей. Некоторые ИТ-оптимисты даже говорят о том, что информационные технологии позволяют перейти к прямой демократии с отсутствием посредников в лице избранных представителей, политических партий и других структур. ИТ-пессимисты указывают, что ускорение информационных процессов мало влияет на традиционные общественные связи и отношения. Характер власти и политического управления при этом не меняются. Невысокий уровень политической культуры и активности граждан может обесценить весь потенциал новейших информационных технологий.

Нам представляется, что российский опыт подтверждает мнение и тех и других. Рунет, то есть российский сегмент Интернета, является ареной борьбы двух тенденций. Наша гипотеза состоит в том, что российская власть имеет намерение взять под контроль распространение информации через Интернет, однако это намерение идет вразрез с экономическими интересами и задачами модернизации страны на базе современных технологий. В связи с этим действия российских органов власти в данной сфере являются противоречивыми и половинчатыми.

Чтобы доказать или опровергнуть указанную гипотезу, необходимо выяснить следующие цели:

- показать объективную опасность монополизации социальных сетей и ограничения свободы слова, под каким бы предлогом они не вводились;
- проследить эволюцию отношения российской правительственной власти к российскому сегменту Интернета;
- проанализировать нормативную базу так называемого «суверенного интернета»;
- продемонстрировать малую эффективность практики блокировки социальных сетей и мессенджеров в России.

Реальные и потенциальные опасности цифрового мира

Согласно статистике, представленной сайтом We are Social на январь 2023 года количество интернет-пользователей в мире составляет 5,16 млрд, что соответствует более чем 64 % от общего количества населения планеты [12]. Число пользователей социальных сетей выросло более чем на 137 млн за последний год. Согласно последним представленным данным, на начало 2023 года, насчитывается 4,76 миллиарда пользователей социальных сетей, что составляет 59,4 % от общей численности населения мира (8,01 млрд) [7].

Пандемия коронавируса внесла свои коррективы в жизнь человечества. Удаленная работа и учеба на изоляции и всемирном локдауне способствовали стремительному росту новых пользователей информационно-коммуникационных технологий. Вынужденное обращение к новейшим технологиям ведения переговоров и уроков, чтение лекций через ZOOM или MS Teams привели к качественным и количественным изменениям в обществе.

Благодаря Интернету происходит глобальная трансформация политических процессов и форм управления государством. Новые формы политической коммуникации оказывают существенное влияние на процессы демократизации, которые, в свою очередь, приводят к появлению нового явления, получившего название «электронная демократия», «сетевая демократия» и т.п. Под «электронной демократией» понимается определенная форма взаимодействия народа и власти, при которой процессы информирования и вовлечения граждан в политику, голосование, совместное обсуждение и принятие решений, контроль над их исполнением осуществляются на основе новейших информационно-коммуникационных технологий.

Российский исследователь О.В. Омеличкин оптимистично предсказывает, что «огромный отпечаток на демократическую конфигурацию информационных сетей накладывает растущая глобализация современного мира. Она ослабляет контроль национальных государств над коммуникационными источниками и способствует широкому и беспрепятственному распространению политических идей и демократического опыта» [8. С. 87].

Однако исторический опыт свидетельствует, что самые современные технологии вполне могут быть поставлены на службу недемократическим режимам. В таком случае развитие цифровой технологии приведет к созданию «цифрового концлагеря» с полным контролем за гражданами по типу антиутопии Джорджа Оруэлла. Чаще всего роль подобной антиутопии отводят системе социальных рейтингов (social credits), которая с 2014 года развивается в Китае. Как отмечают критики, «The aim of the system is to improve transparency for the public, although it also serves as a tool for the government to impose control on almost all aspects of its citizens' lives» [9].

Китай также обвиняют в создании «Золотого щита» (The Golden Shield Project) который часто называют «Великим китайским файрволом» (Great Firewall of China) по аналогии с Великой Китайской стеной (Great Wall of China). Подобно Великой стене в древние времена Великий файрвол призван защитить Китай от чужеземного вторжения. Примечательно, что китайские власти пытаются фильтровать контент не только на своей территории, но также и в других странах, где используют китайские социальные сети и видеохостинги. Большой резонанс вызвал случай с американской афганского происхождения Ферозой Азиз, которая в ноября 2019 года назвала холокостом политику Китая в отношении уйгуров-мусульман. Она использовала TikTok, после чего ее видео было немедленно заблокировано.

Объективности ради следует отметить, что блокировка контента является обычной практикой во многих государствах, не исключая самые

демократические из них. Перечень тем для запрещенного контента в каждой стране свой и варьируется в несколько позиций, но, как правило, тематический костяк единый: разжигание конфликтов на национальной или этнической почве, педофилия, проституция, распространение наркотических средств. В определенных странах добавляется жестокое обращение с животными и другие категории.

Однако существует очень зыбкая грань между блокировкой противоправного контента и цензурой по политическим мотивам. Социальные сети стали настолько влиятельными, что по своему усмотрению могут изолировать в информационном пространстве ведущих политиков и даже глав государств. В этом контексте весьма показателен случай, произошедший с 45-м президентом США Дональдом Трампом. В своей предвыборной кампании Трамп делал ставку на социальные сети, противопоставляя их традиционным масс-медиа, которые он называл Fake News. После своего избрания президентом Дональд Трамп продолжал эту практику, приучив весь мир к тому, что важнейшие решения главы ведущей экономической и военной державы в первую очередь появляются на его страничке в Twitter. Однако 8 января 2021 года Twitter заблокировал аккаунт бывшего президента США Дональда Трампа и навсегда закрыл доступ к его учетной записи с 88 миллионами подписчиков. Также были заблокированы свыше 70 тысяч аккаунтов ведущих республиканских политиков и сторонников Трампа.

Facebook¹ также проводит предвзятую к консерваторам политику. Американский сайт Gizmodo, посвященный проблемам техники и передовых технологий, указывал: «Facebook workers routinely suppressed news stories of interest to conservative readers from the social network's influential «trending» news section, according to a former journalist who worked on the project. This individual says that workers prevented stories about the right-wing CPAC gathering, Mitt Romney, Rand Paul, and other conservative topics from appearing in the highly-influential section, even though they were organically trending among the site's users» [10].

В 2018 г. Марк Цукерберг в своей речи в Конгрессе США на вопрос о том, использует ли Facebook алгоритмы, чтобы цензурировать контент, ответил: «Я не думаю, что то, что мы делаем, является цензурой». Однако его слова убедили далеко не всех пользователей социальных сетей. Как отмечалось в русской версии журнала «Forbes», «Напряжение создается не тем, что у Facebook есть цензура. Она всегда была. Проблема в том, что цензура Facebook не является одинаковой для всех пользователей, в ней до сих пор присутствует субъективное мнение наблюдателя...» [11].

В мае 2021 года три итальянских депутата Европейского парламента подняли вопрос о применении мер в отношении компании Facebook из-за цензуры: «Все чаще и чаще Facebook ограничивает свободу выражения мнения

¹ Входит в корпорацию Meta, деятельность которой признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации с марта 2022 г.

граждан, подвергая их публикации цензуре и ссылаясь при этом на предполагаемые и расплывчатые нарушения «норм сообщества» [12]. Серия критических статей о Facebook была опубликована влиятельным американским изданием *The Wall Street Journal*. Эти статьи были основаны на информации Фрэнсис Хауген (Frances Haugen), которая два года проработала в Facebook. В октябре 2021 г. Фрэнсис Хауген выступила в Сенате США с обвинениями против Facebook. Она заявила, что руководство компании ставит прибыль выше безопасности пользователей соцсети, формируя алгоритмы таким образом, чтобы люди как можно больше времени проводили в пустых дискуссиях». И хотя Марк Цукерберг решительно отверг эти обвинения, честь сенаторов выразили серьезную обеспокоенность. Пока неясно, какие последствия будут иметь эти обвинения, однако, по мнению ряда экспертов, они могут стать последней каплей, которая подтолкнет Конгресс США к реальным мерам в отношении Facebook. Случайно или нет, но вскоре после этих обвинений Марк Цукерберг объявил, что его компания меняет название на Мета², чтобы не ассоциироваться исключительно с социальными сетями.

Рунет и российская власть

На заре своего существования Рунет, или российский сегмент Интернета, был практически свободен от цензуры и вообще от какого-либо вмешательства со стороны государства. Каждый пользователь был волен высказывать свое личное мнение, не опасаясь цензуры. Следует признать, что полная свобода не всегда шла во благо. В Рунете функционировали сайты, беспрепятственно распространявшие неонацистские, шовинистические, ксенофобские взгляды. Поначалу российские официальные лица не обращали серьезного внимания на Интернет, поскольку не осознавали ни его потенциальных возможностей, ни опасностей. В 2001 году, в самом начале своего первого президентского срока Владимир Путин называл Интернет «весьма интересной формой общения», но признавался, что «мало ею пользуюсь» [13].

Постепенно российские официальные лица начали осознавать возрастающее медийное и политическое значение Интернета. При этом следует констатировать, что Интернет воспринимался российской политической элитой в качестве угрозы. Отчасти это объяснялось тем, что российская оппозиция, лишённая доступа к традиционным масс-медиа, распространяла свои взгляды через социальные сети. Свой вклад в оценке Интернета как деструктивной силы и угрозы стабильности играли так называемые «цветные революции», в реализации которых активно участвовали социальные сети. С точки зрения российских официальных лиц, «цветные революции», а также «евромайдан» на Украине были инспирированы западными специальными службами, действовавшими через Интернет. В апреле 2014 года, выступая на форуме

² Деятельность корпорации Meta признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации с марта 2022 г.

региональных и независимых медиа, Владимир Путин подчеркнул: «Все идет через сервера, которые находятся в [Соединенных] Штатах, все там контролируется... Вы же знаете, все это возникло когда-то, на заре интернета, как спецпроект ЦРУ США, и чего уж там, так и развивается» [13].

По мере углубления конфликта с Западом в российских государственных кругах все чаще обсуждалась мысль о том, чтобы оградить Рунет от враждебного идеологического влияния по примеру Китая. В настоящее время Рунет, несмотря на усиление цензуры, пока еще остается составной частью Интернета.

Нормативная база «суверенного Интернета»

Вместе с тем обращает на себя внимание, что за последние два-три года в России подготовлена нормативная база, позволяющая контролировать обмен информацией через социальные сети и мессенджеры. Прежде всего имеется в виду так называемый «закон о суверенном Интернете». Формально такого закона не существует. Это неофициальное название поправок к двум федеральным законам о связи и защите информации, которые вступили в силу в ноябре 2019 года. Поправки были внесены членами проправительственной партии «Единая Россия». Необходимость законопроекта объяснялась «агрессивным характером принятой в сентябре 2018 года стратегии национальной кибербезопасности США», которая предусматривает возможность отключения Интернета во враждебных государствах. Один из инициаторов законопроекта сенатор Андрей Клишас подчеркивал, что поправки к законам «не предусматривают новых полномочий по блокировке запрещенной информации. Предлагается лишь изменить технологию ее блокировки...» [12].

Примечательно, что целесообразность «суверенного Интернета» оспаривалась некоторыми государственными ведомствами, в частности Счетной палатой Российской Федерации, которая не поддержала этот законопроект из тех соображений, что его реализация неизбежно приведет к росту стоимости товаров и услуг на российском рынке. С другой стороны, заместитель министра связи Олег Иванов подчеркивал, что Интернет стал слишком много значить для государства, и по этой причине «нельзя пустить его развитие на самотек. В противном случае мы можем потерять суверенитет» [14].

Тем не менее поправки были приняты. Они в достаточно общем виде предусматривали создание инфраструктуры для бесперебойного функционирования Интернета на территории России, надежный доступ пользователей к российским сайтам, а также предоставляли возможность использования российскими пользователями интернет-сервисов с высокой степенью конфиденциальности передаваемых сообщений. По замыслу инициаторов закона, техническая реализация этих мер должна обеспечить самостоятельное функционирование Рунета в случае его отключения от Всемирной Сети.

Вторым важным законом, регулирующим деятельность социальных сетей, был так называемый «закон о приземлении Интернета». На самом деле

официальное название закона «О деятельности иностранных лиц в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на территории Российской Федерации». Под «приземлением» подразумевалось требование к иностранным ИТ-гигантам открыть в России свои представительства (филиалы), которые будут нести ответственность за нарушение российского законодательства и взаимодействовать с государственными структурами. Законопроект был внесен в Государственную Думу членами проправительственной партии «Единая Россия». Он касался крупных иностранных ИТ-компаний с ежедневной аудиторией в России не менее полумиллиона человек. По словам одного из инициаторов законопроекта депутата Александра Хинштейна, под действие закона могут подпасть поисковики (Google, Bing), социальные сети (Facebook, Instagram³, TikTok, Twitter), видеохостинги (YouTube, Twitch), мессенджеры и почтовые сети (Telegram, Gmail), а также «Википедия». По словам спикера Государственной думы Вячеслава Володина, у зарубежных компаний была возможность пойти по пути саморегулирования, но поскольку они этого не сделали, пришлось ввести соответствующие меры понуждения. К мерам принуждения относятся предупреждения, штрафы и в качестве последней меры полная блокировка в России. Закон был принят Государственной думой, подписан Президентом и вступил в силу с 1 июля 2021 года, за исключением нормы, обязывающей компании открывать полноценные представительства — она вступила в силу с 1 января 2022 года.

Среди принятых в последнее время ограничительных законов следует указать на закон о штрафах за нарушение прав граждан России в Интернете, включая цензуру российских медиа. Закон подписан Президентом 24 февраля 2021 года и предусматривает наложение административного штрафа на владельцев социальной сети до 1 млн рублей, а при повторном правонарушении сумма штрафа увеличивается до 3 млн рублей.

История блокировки социальных сетей и мессенджеров

Как следует из указанного выше, российские государственные структуры имеют прописанное в законодательстве право требовать от иностранных социальных сетей удалять неудобный контент и в случае отказа прибегать к блокировке их работы. Однако практическая реализация этого права вызывает ряд технических и экономических трудностей. Надо заметить, что Роскомнадзор («Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций») имеет богатый неудачный опыт подобной блокировки.

Первой социальной сетью, подвергшейся блокировке в России, стала LinkedIn — социальная сеть для поиска и установления деловых контактов. В 2016 году Роскомнадзор потребовал от соцсети разместить серверы

³ Входит в корпорацию Meta, деятельность которой признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации с марта 2022 г.

для хранения персональных данных российских пользователей на территории РФ согласно новому закону «О персональных данных». Владельцы сети безуспешно пытались оспорить это требование в суде, и в октябре 2016 года LinkedIn была заблокирована на территории России. Однако полностью заблокировать сеть не удалось, так как российские пользователи отличаются достаточно высоким уровнем технической подготовки и легко обходят запреты, например, с помощью VPN. Даже спустя год с момента блокировки LinkedIn все еще сохраняла 60 процентов российских пользователей, а позже восстановила свою российскую аудиторию [15].

Второй социальной сетью, подвергшейся блокировке, был Telegram, сочетающий функции мессенджера и социальной сети. Telegram является детищем Павла Дурова, одного из создателей российской социальной сети «ВКонтакте». В одном из интервью он сообщил, что первоначальная идея приложения пришла ему, когда к двери его квартиры пришли полицейские. Пытаясь связаться со своими родными, он внезапно осознал, что не имеет безопасного способа коммуникации [16]. После этого он создал мессенджер Telegram, основанный на надежном шифровании переписки. Переехав в Лондон, он занялся развитием своего мессенджера, который быстро завоевал популярность не только в России, но и во всем мире. Рост популярности мессенджера вызвал обеспокоенность у российских специальных служб, утверждавших, что зашифрованные послания в Telegram используют члены террористических групп. В марте 2018 года Роскомнадзор потребовал от владельца мессенджера предоставить ФСБ (Федеральной службе безопасности) ключи шифрования. Павел Дуров отказался выполнить это требование, заявив, что «Telegram защищает свободу и конфиденциальность». Роскомнадзор несколько раз пытался заблокировать Telegram на территории России, однако эти попытки привели только к многочисленным сбоям в работе частных и даже государственных электронных ресурсов. Оказались недоступными многие сторонние сервисы, в частности, наблюдались перебои в работе некоторых платежных систем, высших учебных заведений и даже государственных ведомств. За 10 дней блокировки Telegram Роскомнадзор получил 46 тысяч жалоб. Потери бизнеса от блокировки Telegram оценили в \$2 млрд [17]. При этом о причинах сбоев в работе электронных сервисов их пользователи, как ни парадоксально, узнавали из продолжавших функционировать Telegram-каналов. По общему мнению, война Роскомнадзора с Telegram превратилась в «посмешище». Вскоре ведомство было вынуждено прекратить безуспешные попытки заблокировать мессенджер. В июне 2020 года Роскомнадзор официально объявил о снятии ограничения доступа к Telegram, «позитивно оценив высказанную основателем Telegram готовность противодействовать терроризму и экстремизму» [18]. В марте 2022 года сервис Telegram впервые в России обошел WhatsApp, став самым популярным мессенджером в стране. «За первые две недели марта доля Telegram в общем объеме трафика в мессенджерах увеличилась

с 48 % до 63 % по сравнению с аналогичным периодом прошлого месяца. Популярность сервиса выросла на фоне ограничений доступа к другим месенджерам и социальным сетям» [19].

Третья попытка блокировки социальной сети датировалась мартом 2021 года. Это наказание было применено к Twitter в связи с тем, что компания не выполнила запросы на удаление запрещенной информации. На сей раз Роскомнадзор не стал прибегать к полной блокировке, ограничившись замедлением работы Twitter на сетях всех операторов мобильной связи. Замедление работы было применено в России в первый раз. Результаты замедления Twitter были еще более плачевными, чем полная блокировка Telegram тремя годами ранее. В период замедления временно недоступными оказались сайты Кремля, Государственной думы, ряда министерств и даже самого Роскомнадзора. И хотя руководство Роскомнадзора отрицало, что подобные сбои были вызваны попытками замедлить доступ к Twitter, большинство пользователей Интернета однозначно связали воедино два этих события. Замедление было приостановлено, заместитель главы Роскомнадзора Вадим Субботин заявил, что его ведомство взяло паузу на месяц, после чего, в зависимости от действия администрации социальной сети, будут приняты соответствующие решения вплоть до полной блокировки сервиса на территории России. Независимые эксперты весьма скептически расценили такую меру, указав, что примерно половина российской аудитории уйдет в Telegram, который и без того претендует на роль «российского Twitter», а наиболее преданные пользователи легко обойдут блокировку. Интернет-аналитик Алексей Никушин отметил: «Так как аудитория Twitter в какой-то мере пересекается с аудиторией Telegram, то у всех этих людей с 2018 года установлен VPN. Такого, что сервис будет недоступен для всех, не случится» [20]. В итоге Роскомнадзор принял решение не блокировать Twitter, сняв ограничения доступа в фиксированных сетях, но сохранить замедление трафика на мобильных устройствах.

В марте 2021 года был подвергнут критике видеохостинг YouTube, который заблокировал два немецкоязычных канала RT (RussiaToday — многоязычной медиасети, финансируемой российским правительством). Однако предложения заблокировать YouTube было сочтено контрпродуктивным. В частности, заместитель председателя комитета Госдумы по информационной политике Андрей Свинцов предупредил, что блокировка или замедление трафика видеохостинга привет к тому, что ответные меры на действия американской компании могут затронуть миллионы российских граждан [21].

Представители власти предпочитают прибегать к более мягким методам, заключающимся в требованиях удалить контент, по тем или иным причинам запрещенный в России. Следует констатировать, что российские официальные лица напрасно жалуются на игнорирование их требований. По данным руководителя проекта «Сетевые свободы» Дамира Гайнутдинова, в первой половине 2020 года Twitter получил 8900 запросов

от российских властей и удовлетворил 2047 из них (40 %). Еще выше процент удовлетворенных запросов у компании Google. По тем же данным, с 2009 года российские власти направили этой компании 104 897 запросов, Google удовлетворил 74 %. Для сравнения укажем, что за тот же период американские власти направили Google всего 9700 запросов об удалении контента, и компания удовлетворила лишь 60 % из них [22]. Из наиболее резонансных решений следует отметить удаление в сентябре 2021 года во время избирательной кампании в Государственной думе Приложения российского оппозиционера Алексея Навального, которое ранее было доступно в Google Play и App Store.

Вместе с тем, как видно из приведенных данных, Google и Twitter, а также Facebook и другие социальные сети далеко не всегда подчиняются требованиям российских властей. За отказ удалить тот или иной контент на эти компании накладываются штрафные санкции, которые они безуспешно пытаются оспорить в российских судах. К концу октября 2021 г. Google оплатила штрафы в общей сложности на сумму 32,5 миллиона рублей (около 440 тысяч долларов). Конечно, это незначительные потери для компании с многомиллиардными доходами, однако российские власти, очевидно, намерены в дальнейшем ужесточать санкции в отношении ИТ-гигантов.

21 марта 2022 года Тверской суд Москвы запретил в России Facebook и Instagram за экстремистскую деятельность. Заявление подали Генпрокуратура после того, как владеющая соцсетями компания Meta временно разрешила пользователям своих площадок публиковать угрозы в адрес российских военных после начала военной спецоперации. Генпрокуратура сочла эти действия попадающими под статьи о пропаганде терроризма (ст. 205 УК) и возбуждении ненависти и вражды (ст. 282 УК). По данным сервиса Statista, в России около 66 млн пользователей Facebook. На одном пользователе в Европе Meta ежегодно зарабатывает \$19,68. Исходя из этого, аналитики пришли к выводу, что после блокировки этой соцсети в России американский ИТ-гигант не досчитается около \$1,3 млрд. Российская аудитория Instagram составляет около 64 млн активных пользователей. С каждого пользователя соцсеть получает примерно \$12,84 в год. Таким образом, Meta потеряет от блокировки платформы около \$823,6 млн. В этих расчетах оцениваются потери прямой выручки и не учитываются капитализация и потери косвенных доходов, отметил руководитель Центра исследования финансовых технологий и цифровой аналитики «Сколково-РЭШ» Егор Кривошея.

Заключение

В исторической ретроспективе российская власть, будь то коммунисты или современная политическая элита, всегда стремилась к контролю за распространением информации и общественными инициативами. Однако установление подобного контроля усложнялось по мере развития

технологий. Достаточно вспомнить, что даже при советской власти не удавалось в полной мере блокировать передачи зарубежных радиостанций. В эру Интернета такая задача становится еще более сложной и влечет за собой огромные потери.

Как показано в нашей статье, блокировка социальных сетей и мессенджеров продемонстрировала слабую эффективность. Парадокс заключается в том, что за последнее десятилетие Россия достигла значительного прогресса в использовании информационно-коммуникационных технологий. В немалой степени это произошло благодаря усилиям самого российского правительства. Например, в «Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы», в частности, отмечается необходимость применения в органах государственной власти Российской Федерации новых технологий, «обеспечивающих повышение качества государственного управления». На практике это приводит к тому, что глубокое проникновение современных технологий в коммерческие и государственные структуры делает крайне рискованным любые шаги по ограничению трафика. Блокировка какой-либо электронной платформы неожиданно оборачивается сбоем в работе платежных систем, банков и даже государственных органов, не исключая правоохранительных ведомств. Нельзя не учитывать, что установление информационных барьеров нанесет удар по амбициозным планам модернизации экономики. Последние по времени шаги российского правительства подтверждают гипотезу данного исследования. На ИТ-гигантов оказывают юридическое, административное и экономическое давление, однако они не подвергаются блокированию. Власть словно взяла паузу, не отказываясь от идеи «суверенного Интернета», но не спеша с ее реализацией. Каким будет финал этой политики — покажет время.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 1999. С. 6–261.
2. Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М.: Аспект Пресс, 2004. 400 с.
3. Кастельс М. Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург: У-Фактория, 2004. 328 с.
4. Масуда Е. Информационное общество как постиндустриальное общество. М.: Академия, 1997.
5. Володенков С.В. Digital-технологии в системе традиционных институтов власти: политический потенциал и современные вызовы // Вестник МГОУ. 2018. № 2. С. 39–48.
6. Лавров И.А., Сокол А.В. Российская власть и Интернет: безопасность против свободы слова // Цифровая социология. 2019. № 2. С. 12–24.
7. We Are Social // Digital around the world 2023. URL: <https://wearesocial.com/us/blog/2023/01/digital-2023/> (accessed: 06.04.2023).
8. Омеличкин О.В. Электронная демократия: понятие, проблемы // Вестник КемГУ. 2014. № 1 (57). С. 86–89.
9. Lee A. What Is China's Social Credit System and Why Is It Controversial? // South China Morning Post. 09.08.2020. URL: <https://www.scmp.com/economy/china-economy/article/3096090/what-chinas-social-credit-system-and-why-it-controversial> (accessed: 10.03.2023).

10. Nunez M. Former Facebook Workers: “We Routinely Suppressed Conservative News” // Gizmodo. 05.06.2016. URL: <https://gizmodo.com/former-facebook-workers-we-routinely-suppressed-conser-1775461006> (accessed: 06.04.2022).
11. Черкашин П. Как Facebook меняет свою политику и можно ли это назвать цензурой // Forbes. 10.11.2020. URL: <https://www.forbes.ru/tehnologii/413423-kak-facebook-menuyaetsvoyu-politiku-i-mozhno-li-eto-nazvat-cenzuroy> (дата обращения: 10.03.2023).
12. Клишас А. Зачем нужен закон об устойчивости Рунета // Парламентская газета. 12.02.2021. URL: <https://www.pnp.ru/politics/zachem-nuzhen-zakon-ob-ustoychivosti-runeta.html> (дата обращения: 10.03.2023).
13. Что Путин говорил об интернете и его судьбе в России // BBC News Русская служба. 21.02.2019. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-47317481> (дата обращения: 10.03.2023).
14. СМИ России: эксперты предупредили о рисках «суверенного интернета» // BBC News Русская служба. 12.10.2021. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-46678564> (дата обращения: 10.03.2023).
15. LinkedIn сохранил 60% пользователей в России после года блокировки // РБК. 16.11.2017. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/16/11/2017/5a0c0bbd9a7947de35a7e886 (дата обращения: 10.12.2021).
16. О мессенжере Телеграмм // Федеральная служба по надзору в сфере связи информационных технологий и массовых коммуникаций. 18.06.2020. URL: <https://rkn.gov.ru/news/rsoc/news73050.htm> (дата обращения: 10.03.2022).
17. Дуров: «Я задумался о своем будущем в России, когда к двери пришел спецназ». URL: <https://tjournal.ru/tech/53264-durov-for-nyt> (Дата обращения: 10.03.2023).
18. «Потери бизнеса от блокировки Telegram оценили в \$2 млрд и другие новости этого утра» // РИА Новости. 03.03.2020. URL: <https://republic.ru/posts/90618> (дата обращения: 10.03.2022).
19. Telegram впервые обогнал WhatsApp по объему трафика среди абонентов «МегаФона» // «Коммерсант». 21.03.2022. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5269777> (дата обращения: 10.03.2022).
20. Ногаева К. «Глупость абсолютно бесполезная»: блокировка Twitter в России // Деловой Петербург. 16.03.2021. URL: https://www.dp.ru/a/2021/03/16/Glupost__absoljutno_besp (дата обращения: 10.03.2023).
21. В Госдуме оценили возможность блокировки YouTube // Известия. 29.09.2021. URL: <https://iz.ru/1228441/2021-09-29/v-gosdume-otcenili-vozmozhnost-blokirovki-youtube-v-rossii> (дата обращения: 06.04.2023).
22. Гайнутдинов Д. Правила для чужих: почему растет вероятность блокировки YouTube и Facebook // Forbes. 19.03.2021. URL: <https://www.forbes.ru/obshchestvo/423987-pravila-dlya-chuzhih-pochemu-rastet-veroyatnost-blokirovki-youtube-i-facebook> (дата обращения: 10.03.2023).

REFERENCES

1. Toffler E. *Tret'ja volna* [The Third Wave]. Moscow: Publishing house “AST”; 1999: 6–261 (In Russ.).
2. Webster F. *Teorii informacionnogo obshhestva* [Theories of Information Society]. Moscow: Aspect Press; 2004. 400 p. (In Russ.).
3. Castels M. *Galaktika Internet: razmyshlenija ob Internete, biznese i obshhestve* [Galactica Internet: Reflections on the Internet, Business and Society]. Yekaterinburg: U-Factoriya, 2004. 328 p. (In Russ.).
4. Masuda E. *Informacionnoe obshhestvo kak postindustrial'noe obshhestvo* [Information Society as a Post-industrial Society]. Moscow: Academy; 1997 (In Russ.).
5. Volodenkov S.V. Digital-tehnologii v sisteme tradicionnyh institutov vlasti: politicheskij potencial i sovremennye vyzovy [Digital Technologies in the System of Traditional Institutions of Power: Political Potential and Modern Challenges]. *Bulletin of the Moscow State University*. 2018;2:39–48 (In Russ.).

6. Lavrov I.A., Sokol A.V. Rossijskaja vlast' i Internet: bezopasnost' protiv svobody slova [Russian Power and the Internet: Security Against Freedom of Speech]. *Digital Sociology*. 2019; 2: 12–24 (In Russ.).
7. We Are Social. *Digital around the World 2023*. URL: <https://wearesocial.com/us/blog/2023/01/digital-2023/> (accessed: 06.04.2023).
8. Omelichkin O.V. Jelektronnaja demokratija: ponjatje, problem [Electronic democracy: concept, problems]. *Bulletin of KemSU*. 2014; 1 (57): 86–89 (In Russ.).
9. Lee A. What is China's Social Credit System and Why Is It Controversial? *South China Morning*. 09.08.2020 URL: <https://www.scmp.com/economy/china-economy/article/3096090/what-chinas-social-credit-system-and-why-it-controversial> (accessed: 10.03.2023).
10. Nunez M. Former Facebook Workers: “We Routinely Suppressed Conservative News”. *Gizmodo*. 05.06.2016. URL: <https://gizmodo.com/former-facebook-workers-we-routinely-suppressed-conser-1775461006> (accessed: 06.04.2022).
11. Cherkashin P. Kak Facebook menyaet svoju politiku i mozno li e'to nazvat' cenzuroj [How Facebook Changes Its Policy and Can It Be Called Censorship]. *Forbes*. 10.11.2020. URL: <https://www.forbes.ru/tehnologii/413423-kak-facebook-menyaet-svoju-politiku-i-mozhno-li-eto-nazvat-cenzuroj> (accessed: 10.03.2023).
12. Klishas A. Zachem nuzhen zakon ob ustojchivosti Runeta [Why Do We Need a Law on the Stability of the Runet]. *Parlamentskaya gazeta*. 12.02.2021. URL: <https://www.pnp.ru/politics/zachem-nuzhen-zakon-ob-ustojchivosti-runeta.html> (accessed: 10.03.2023) (In Russ.).
13. “Chto Putin govoril ob internete i ego sud'be v Rossii” [What Putin Said about the Internet and Its Fate in Russia]. *BBC News Russkaya sluzhba*. 21.02.2019. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-47317481> (accessed: 10.03.2023) (In Russ.).
14. SMI Rossii: e'ksperty` predupredili o riskax «suverennogo interneta [Russian Mass Media: Experts Warned about THE Risks of a “Sovereign Internet”]. *BBC News Russkaya sluzhba*. 12.10.2021. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-46678564> (accessed: 10.03.2023) (In Russ.).
15. LinkedIn sohranil 60 % pol'zovatelej v Rossii posle goda blokirovki [LinkedIn Has Retained 60 % of Users in Russia after a Year of Blocking]. *RBK Post*. 16.11.2017. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/16/11/2017/5a0c0bbd9a7947de35a7e886 (accessed: 10.12.2021) (In Russ.).
16. «O messenzhdere Telegramm» [About the Telegram Messenger]. *Federal'naya sluzhba po nadzoru v sere svyazi informacionny'x texnologij i massovy'x kommunikacij*. 18.06.2020. URL: <https://rkn.gov.ru/news/rsoc/news73050.htm> (accessed: 10.03.2022) (In Russ.).
17. Durov: «Ya zadumalsya o svojom budushhem v Rossii, kogda k dveri prishyol specnaz» [Durov: “I was Thinking about My Future in Russia When the Special Forces Came to the Door”]. URL: <https://tjournal.ru/tech/53264-durov-for-nyt> (accessed: 10.03.2023) (In Russ.).
18. Poteri biznesa ot blokirovki Telegram ocenili v \$2 mlrd i drugie novosti e'togo utra [Business Losses from Telegram Blocking Were Estimated at \$2 Billion and Other News This Morning]. *RIA Novosti*. 03.03.2020. URL: <https://republic.ru/posts/90618> (accessed: 10.03.2022) (In Russ.).
19. «Telegram vpervy'e obognal WhatsApp po ob`emu trafika sredi abonentov «MegaFona» [Telegram Overtook WhatsApp for the First Time in Terms of Traffic Volume among MegaFon Subscribers]. *«Kommersant»*. 21.03.2022. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5269777> (accessed: 10.03.2022) (In Russ.).
20. Nogaeva K. «Glupost' absolutno bespoleznaya»: blokirovka Twitter v Rossii [“Absolutely Useless Stupidity”: Blocking Twitter in Russia]. *Delovoj Peterburg*. 16.03.2021. URL: https://www.dp.ru/a/2021/03/16/Glupost__absolutno_besp (accessed: 10.03.2023) (In Russ.).
21. V Gosdume ocenili vozmozhnost' blokirovki YouTube [The State Duma Assessed the Possibility of Blocking YouTube]. *Izvestiya*. 29.09.2021. URL: <https://iz.ru/1228441/2021-09-29/v-gosdume-ocenili-vozmozhnost-blokirovki-youtube-v-rossii> (accessed: 06.04.2023) (In Russ.).
22. Gajnutdinov D. Pravila dlya chuzhix: pochemu rastet veroyatnost' blokirovki YouTube i Facebook [Rules for Strangers: Why the Probability of Blocking YouTube and Facebook Is Growing]. *Forbes*. 19.03.2021. URL: <https://www.forbes.ru/obshchestvo/423987-pravila-dlya-chuzhix-pochemu-rastet-veroyatnost-blokirovki-youtube-i-facebook> (accessed: 10.03.2023) (In Russ.).

Информация об авторах:

Степанов Сергей Александрович — доктор исторических наук, профессор кафедры публичной политики и истории государства и права, Юридический институт Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы (ORCID ID: 0000-0003-4682-0445) (e-mail: stepanov-sa@rudn.ru)

Иванова Екатерина Александровна — кандидат политических наук, доцент кафедры публичной политики и истории государства и права, Юридический институт Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы (ORCID ID: 0000-0001-7350-6123) (e-mail: ivanova-eka@rudn.ru)

Information about the authors:

Sergey A. Stepanov — Doctor of Historical Sciences, Full Professor of the Department of Public Policy and History of State and Law, RUDN University (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0003-4682-0445) (e-mail: stepanov-sa@rudn.ru).

Ekaterina A. Ivanova — PhD in Political Sciences, Associate Professor of the Department of Public Policy and History of State and Law, RUDN University (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0001-7350-6123) (e-mail: ivanova-eka@rudn.ru).

DOI: 10.22363/2312-8313-2023-10-2-210-221

EDN: GJUHND

Научная статья / Research article

Нравственные аспекты продвижения общественных развлекательных площадок среди молодежи в информационно-коммуникационной сети Интернет

В.С. Мухаметжанова , Е.Д. Костина

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы,
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

 katiakost@mail.ru

Аннотация. Авторы рассматривают морально-нравственные проблемы, которые связаны образом публичных и массовых площадок в медиапространстве. Помимо этических проблем рассматриваются социально-нравственные аспекты. Современные общественные развлекательные площадки развиваются при государственной поддержке, благодаря чему молодежь может выстраивать свой досуг и иметь возможность бесплатно развиваться. В статье рассматривается взаимосвязь между активным участием властей и положительным развитием медиаобраза. Морально-этические аспекты медиаобраза тесно связаны с современными технологиями. Современные технологии переплетаются с жесткими условиями современной медиасреды. Основной идеей исследования является демонстрация неразрывной связи между государственной поддержкой и муниципальными публичными площадками. Авторами предложены пути развития и распространения информации о положительном образе в медиасреды, которые отвечают этическим нормам.

Ключевые слова: медиаобраз, этические аспекты, Интернет, общественно-развлекательные площадки

Заявление о конфликте интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Статья поступила в редакцию: 20.02.2023. Статья принята к публикации: 20.03.2023.

Для цитирования:

Мухаметжанова В.С., Костина Е.Д. Нравственные аспекты продвижения общественных развлекательных площадок среди молодежи в информационно-коммуникационной сети Интернет // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2023. Т. 10. № 2. С. 210–221. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2023-10-2-210-221>

Moral Aspects of Promoting Public Entertainment Venues among Young People in the Internet Information and Communication Network

Venera S. Mukhametzhanova , Ekaterina D. Kostina

RUDN University,
6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation, 117198

 katiakost@mail.ru

Abstract. In the article, the authors consider the moral and ethical problems that are associated with the image of public and mass platforms in the media space. In addition to ethical issues, the article deals with social and moral aspects. Modern public entertainment venues are being developed with state support, thanks to which young people can construct their leisure time and have the opportunity to develop for free. The article examines the relationship between the active participation of the authorities and the positive development of the media image. The moral and ethical aspects of the media image are closely related to modern technologies. Modern technologies are intertwined with the harsh conditions of the modern media environment. The main idea of the article is to demonstrate the inextricable connection between state support and municipal public platforms. The authors propose ways of developing and disseminating information about a positive image in the media environment that meet ethical standards.

Keywords: media image, ethical aspects, Internet, public entertainment venues

Conflicts of interest: The authors declared no conflicts of interest.

Article history:

The article was submitted on 20.02.2023. The article was accepted on 20.03.2023.

For citation:

Mukhametzhanova V.S., Kostina E.D. Moral Aspects of Promoting Public Entertainment Venues among Young People in the Internet Information and Communication Network. *RUDN Journal of Public Administration*. 2023;10(2):210–221. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2023-10-2-210-221>

На сегодняшний день информационно-коммуникационная сеть Интернет является масштабным двигателем рекламной кампании любой корпорации, государственного органа, в том числе и общественных развлекательных и социально-важных площадок. Данный источник коммуникации общества позволяет создать медиаобраз объекта, основывающийся на мнении социума относительно этого объекта. К общественным развлекательным площадкам можно отнести, например, Московский парк «Зарядье», а также Московский речной трамвай. Каждый из этих объектов является социально важным для общества, а также осуществляет развлекательную функцию. Парк «Зарядье» — это первый новый крупный парк в столице за последние годы. Московский речной трамвай является способом передвижения по речным каналам города Москва. Парк «Зарядье» и Московский речной трамвай являются способами демонстрации культуры Москвы туристам, приехавшим недавно гостям столицы и постоянным жителям города Москва. Учитывая то, что преимущественно подобные места посещают именно молодые люди, в основном это

дети и подростки, продвижение данных площадок должно иметь молодежный посыл. В последние годы молодые люди все больше подвержены влиянию социальных сетей, медиапредставителей этих сетей, а также в целом информационно-коммуникационной сети Интернет. Соответственно, тема данной научной статьи представляется наиболее актуальной в разрезе нынешних тенденций коммуникации и продвижения различных объектов в обществе.

Сегодня, в современных условиях быстро изменяющейся действительности, особо усиливается ответственность государства за повышение жизненных стандартов, социальных возможностей и прочих социально-культурных условий жизни. Так, для развития российского общества были и остаются особо значимыми процессы поддержания и развития культурно-нравственных ценностей. Особенно если речь идет об их развитии среди молодого поколения¹.

Нравственные аспекты продвижения общественных развлекательных площадок среди молодежи в информационно-коммуникационной сети Интернет автором в данной научной статье будут раскрыты посредством анализа медиаобразов Московского речного трамвая и Парка «Зарядье», их представленности в информационно-коммуникационной сети Интернет, в том числе с раскрытием сущности и содержания медиаобраза в целом, методов его создания, а также с использованием базовых принципов этики [1].

В первую очередь необходимо разобраться в самом понятии медиаобраза для того, чтобы можно было дать корректную оценку двум площадкам.

Немецкий социолог Никлас Луман определяет СМИ как вторую сопутствующую реальность, поэтому медийный образ — это образ другой реальности. Стоит затронуть тему влияния средств массовой информации на человеческое сознание и всего общества [2].

В широком смысле «Медийный образ — это образ реальности, создаваемый всеми текстами, созданными в медийном пространстве» [3. С. 72]. Существует определенная причина разделения концепции на два направления развития научной мысли. Это связано с тем, что узкое изображение означает искусственное построение образа, в то время как широкое изображение открывает пространство для создания неконтролируемого образа, и гораздо большее количество участников рабочего процесса появляется спонтанно в виде медиа [3. С. 72–75].

В более узком смысле «медиаобраз» — это отрывки действительности, которые обрисованы исключительно в профессиональных журналистских работах, и которые отражают моральные принципы, политические взгляды, а также психологические аспекты [3. С. 72–75].

¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 мая 2015 г. N 996-р г. Москва "Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года", Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

Образ является механизмом для построения модели в сознании, и демонстрируется индивидом в современных реалиях. С его помощью происходит межличностная коммуникация среди индивидов общества, в том числе межличностная коммуникация осуществляется не только в процессе социальной жизни и взаимодействия людей, но и посредством коммуникационной сети «Интернет». Образ помогает дать оценку общественным нормам и отношению к ним. Создание образа (образного мышления) происходит из:

- самоопределения — того, как сам индивид воспринимает себя, к какой касте в обществе он относится;
- сакрального образа;
- медийного образа — есть ли у индивида популярность в обществе, узнаваемость в социальной среде;
- художественного образа;
- культового образа — исторические предпосылки, обособленные культурой общества и ее развитием [4].

Еще одним важным составным элементом медиаобраза является имидж. Имидж — это комплексное видение конкретного социального объекта, которое построено на основе его восприятия, составленного из стереотипов, а также эмоционально окрашенного схематизированного образа этого объекта, который представлен в мышлении его социальной среды. Понятие имиджа зачастую применяется в том случае, когда речь идет о конкретной личности [5].

Коды, которые используются в медиаобразе, очень узнаваемы, так как применяются в массовой коммуникации. Современный индивид воспринимает паттерны современной культуры, имеет ряд стереотипов, которые заложены в него обществом. Поэтому зачастую человек знает, как лучше себя подать в обществе и создать необходимый имидж согласно его целям. Например, есть стереотип успешного человека, который всегда везде успевает, имеет расписание дня, четкий структурированный план встреч, рабочих задач, здесь же продвигается идея развитого тайм-менеджмента, или же образ успешной и счастливой семьи, обычно такой образ содержит в себе такие скрепы, как большой загородный дом, машина, несколько детей, престижная школа, дорогие праздники для детей и т.д.. Данные коды прописаны в сознании людей с помощью масс-медиа, в особенности это прослеживается в любой социальной сети, так как каждый пользователь себя так или иначе позиционирует, однако до развития разнообразных интернет-площадок данные коды встречались на телевидении, в книгах, фильмах и музыке. Медиаобразы очень хорошо укоренились в массовом общественном сознании. Медиаобраз апеллирует к общепринятым ценностям, поэтому может быть орудием тотального массового контроля через визуализацию и речевые механизмы. Все это становится возможным благодаря стереотипам, которые так хорошо заложены в мировом сознании. С помощью общепринятых стереотипов облегчается межнациональная (также межличностная коммуникация), так как существуют укорененные образы в сознании. Стоит отметить, что сами по себе

стереотипы — это необходимый для психики человека механизм систематизации данных об окружающих его индивидах. В зависимости от того в какой стереотипной группе находится сам человек, как от относится к другим стереотипным группам, возможно выстроить необходимый медиаобраз с помощью воздействия на те или иные стереотипные представления [6].

Для медиаобраза характерны следующие признаки.

1. **Стереотипность.** Образ формируется благодаря активному участию СМИ у людей, которые склонны к активному восприятию стереотипов. Такие индивиды способны легко воспринимать мифы и символы, а также анализировать их.
2. **Эмоциональность.** Медиаобраз направлен на затрагивание чувств и эмоций, на основе которых строится все отношение к объекту в реальности, особенно часто используется воздействие на доверие объекта, которому необходимо правильной медиаобраз сформировать.
3. **Кратковременность.** Время существования медиаобраза нестабильно. Данный фактор зависит напрямую от узнаваемости и востребованности объекта. В том числе стоит учитывать, что медиаобраз необходимо поддерживать, постоянно развивать в нужном направлении. В особенно необходимо правильно работать с негативными сторонами объекта.
4. **Двойственность.** В первую очередь медиаобраз — это искусственно созданный идеал, который базируется на предпочтении аудитории. Если аудитория меняет мнение, то и позиционирование объекта для создания определенного медиаобраза также меняется. Однако, наиболее важно улавливать настроение целевой аудитории, которая является основным сегментом общества, подверженным влиянию объекта, создающего определенный медиаобраз.
5. **Утрированность.** Все основные черты медиаобраза возводятся в максимальную степень. Учитывая направленность к созданию в массах мнения идеальности объекта, часть черт данного объекта специально выставляются в более выгодном положении и гиперболизируются.

Помимо этого медиаобраз может быть реализован при помощи:

- а) визуализации (изобразительный ряд);
- б) вербального метода (текстовый материал).

Вербальный способ создания медиаобразов определяется подбором тем печатных материалов и спецификой их изложения. Читая такие статьи, адресат примеряет на себя образ героя публикации, который становится для него образцом для подражания. основополагающим связующим звеном подобного медиаобраза с объектом становится умение презентовать спикерами данный объект. Навык публичных выступлений в значительной степени влияет на вербальный устный способ реализации медиаобраза объекта в обществе [7].

Невербальный (визуальный) способ формирования медиаобразов в современных глянцевах журналах основывается на заполнении контента журнала большим количеством иллюстративного материала, рекламных образов,

демонстрирующих те или иные типажи. Данный метод предусматривает развитие дизайнерской мысли. Помимо прочего с помощью визуальных средств медиаобраз формируется значительно быстрее. Позитивно заряженные, емкие, легкие для восприятия, яркие иллюстрации с участием медийных лиц, моделей подиума, привлекательные обложки, заставляющие читателей обратить внимание на журнал — все эти визуальные компоненты эффективно участвуют в создании медиаобраза.

На сегодняшний день большинство объектов, медиаобразы которых транслируются в массы, используют данные методы совместно. Основу транслирования медиаобраза с помощью вербального и невербального методов составляют такие социальные сети, как YouTube, Telegram и «ВКонтакте». На YouTube пользователи стремятся создать контент с красивым задним фоном на видео, высоким качеством ролика, с хорошим звуком. При этом не менее важно содержательно грамотно донести информацию. Каждое медийное лицо YouTube имеет свое фирменное взаимодействие с аудиторией: сюда входят уникальное приветствие и завершение видеороликов, названия рубрик и само наполнение рубрик. Причем контент каждого определенного медийного лица YouTube направлен на определенную аудиторию и имеет свою специфику. Говоря о Telegram как площадке использования вербального и невербального методов формирования медиаобразов, можно также отметить, что в данной социальной сети существует формат создания контента с различными иллюстрациями. Однако сама платформа подразумевает иное взаимодействие медийного лица с подписчиками. Данная социальная сеть создала возможность практически прямого общения пользователей с медийными лицами, соответственно невербальный метод здесь проявляется в небольших видеовставках и в основном направлен на аудиторию, которая ищет в медийном лице кого-то близкого, знакомого [8].

На данный момент популярность социальных сетей на столько возросла среди общества, что самым важным для положительного медиаобраза становится развитие влияния объекта на других в информационно-коммуникационной сети Интернет и социальных сетях. Образ на телевидении уже не имеет такого веса, как раньше. Социальные медиа стремительно развиваются, улучшая аудио-, видео- и визуальное восприятие, а также передачу информации, расширяя и совершенствуя методы привлечения аудитории. На сегодняшний день появились сотни различных социальных сетей, с точки зрения контента, целевой аудитории и таргетинга, а также внешних характеристик. Эти платформы не только набирают обороты, но и являются наиболее эффективным способом продвижения различных брендов и имиджа в СМИ.

Аудитория онлайн-СМИ, включая социальные сети, более информирована и непредвзята, нежели активная публика классических форм СМИ. Медиаобраз скорее образ реальности, конструированный в текстах, постах, созданных в медиaprостранстве. Очень часто создаются именно медиаобразы отдельных фрагментов действительности, что приводит к высокому уровню субъективизма полученных результатов. Медиаобраз носит

визуально-эмоциональный компонент виртуальной реальности, представляющую медийную модель реального бытия, запечатленного на информационных носителях и общественном сознании. Медиаобраз — это один из составных элементов СМИ, с точки зрения журналистики.

Для создания и поддержания медийного имиджа ведение и отслеживание социальных сетей является одним из самых важных процессов на сегодняшний день.

1. В комментариях можно отследить основные тенденции (положительные и отрицательные) в обществе по отношению к медиаобразу целевых объектов. Сеть Интернет упрощает отслеживание информации. Реакция может быть как положительной, так и отрицательной, о чем и говорится в начале данного пункта. Количество активных пользователей (тех, кто онлайн в чатах, статистика лайков, статистика просмотров и пр.). Появляется высокая вероятность корректного отслеживания популярности медиаобраза объекта в обществе.
2. Профили подписчиков лучше всего обрисовывают целевую аудиторию, чтобы корректно выстроить медиаобраз. Целевая аудитория — это ключевой элемент всей стратегии, особенно в социальных сетях, механизмы которых отсеивают для пользователя контент, который не входит в круг его интересов.
3. Информационно-коммуникационная сеть Интернет позволяет мгновенно получать необходимую информацию о любом объекте из различных источников, включая информацию о потенциальных конкурентах [9].

Социальные сети, исходя из своих возможностей, являются довольно обширным инструментом для создания мультимедийного образа. По сравнению с традиционными средствами массовой информации, каждый пользователь информационно-коммуникационной сети Интернет имеет право как бы проголосовать, выразить свое мнение, если он оставит комментарий. Эта функция значительно ускоряет создание имиджевого образа, необходимого для объекта. Но везде существуют негативные аспекты. Негативные отзывы, как и позитивные, сразу же становятся известны широкому кругу людей [10].

Социообраз — это комплекс рациональных, архетипных и психических черт, которые были переняты большими пластами населения во время социального взаимодействия [11. С. 87].

Социообраз имеет такие признаки, как: стереотипность (закрепление образа идет за счет частого повторения), спонтанность, цикличность, статичность и авторитарность (безусловный авторитет внутри социальной группы) [11. С. 87].

Стоит отметить тот факт, что общей чертой для обоих понятий является стереотипность. Однако социообраз возник для того, чтобы можно было дать более четкое объяснение для самого медиаобраза. Данные понятия используются зачастую вместе, так как присутствуют во время коммуникации средств массовой информации и социумом. Стереотип, который является общим для обоих понятий, уже продвигает желаемый публичный образ [11. С. 88].

Необходимо упомянуть такое понятие, как нетикет. Основные признаки нарушения этикета в сети: несанкционированная самореклама, уход от темы, унижение участников, переход на личности, введение в заблуждение, плагиат.

Это взаимодействие уважительное описание, которое не задевает чувства верующих, представителей различных национальностей, является на данный момент одним из основных принципов медиаобраза [12].

С точки зрения прагматизма данная тенденция четко отвечает на запрос потребителей и их основных потребностей. Помимо прочего стоит учитывать основные тренды, которые существуют в медиаполе. Это также позволяет выстроить необходимый медиаобраз среди нужной аудитории [13].

Рассмотрим нравственные аспекты продвижения общественных развлекательных площадок Московский парк «Зарядье» и Московский речной трамвай среди молодежи в информационно-коммуникационной сети Интернет.

При создании и активном внедрении медиаобраза должны быть учтены основные моральные принципы, которые свойственны целевой аудитории.

По данным на 2018 год, ВЦИОМ дал оценку тому, как часто горожане посещают городские парки. На 2018 год 22 % населения предпочитало гулять по центру города не менее раза в неделю. Более того, 70 % посетителей парка «Зарядье» остались довольны посещением. Поэтому можно сделать вывод о том, что власти города подготовились к открытию [14]².

Развитие инфраструктуры города Москвы, а также улучшение общего облика столицы положительно влияет на медиаобраз самого города в целом.

1. Расширение транспортной доступности безусловно является положительным аспектом как для граждан, так и для властей. Граждане пользуются транспортом, чем значительно пополняют бюджет. Помимо этого власти получают не только материальную выгоду, но и полную лояльность аудитории. Подобное расширение влияет на социокультурную развитость Москвы. С социальной точки зрения повышается доступность отдаленных друг от друга участков города. С культурной точки зрения молодежь, жители столицы, приехавшие на экскурсию индивиды более заинтересованы получить культурный экскурсионный опыт.
2. Размещение и расширение развлекательных площадок несет в себе в основном досуговую функцию. Однако на таких массовых площадках часто проводятся обучающие и развивающие мероприятия, которые повышают общий интеллектуальный уровень населения страны, причем в особенности именно молодежи.
3. Соединение транспортного узла с массовыми развлекательными площадками облегчает выбор для времяпрепровождения в выходные

² Общественные пространства Москвы: запросы и оценки горожан. Аналитический обзор ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obshhestvennye-prostranstva-moskvy-zaprosy-i-oczenki-gorozhan?ysclid=lg9tnegum6908820005> (дата обращения: 10.01.2023).

и праздничные дни для родителей. Молодые семьи зачастую сталкиваются с проблемой транспортной доступности [13].

Перейдем непосредственно к медиаобразам двух современных общественно-важных и полезных развлекательных площадок: Московского речного трамвая [15] и Московского парка «Зарядье» [16].

Сегодня все больший интерес среди российского населения вызывают проекты Московский речной трамвай и парк «Зарядье». Благодаря активной рекламе «Национальных проектов России» [17] идет обсуждение и оценка транспорта и массовых развлекательных площадок. Если «Зарядье» всем давно известно и активно развивается с каждым годом, то речной трамвай является относительно новым, так как до сих пор не запущены все запланированные маршруты. Возможно, отсутствие активной рекламы связано с запуском Большой кольцевой линии [18]. Запуск Московского речного трамвая — это один из самых свежих проектов Правительства Москвы. На сайте «Активный гражданин» было активное голосование по поводу названия судна речного трамвая [19]³.

Вся информация о данных проектах взята исключительно из официальных источников (официальные сайты). Реклама городских проектов размещена на официальных сайтах, а также официальных группах в социальных сетях. Насколько оправдались ожидания посетителей, будет упомянуто в дальнейших работах.

При кратком анализе медиаобраза речного трамвая можно отметить, что жители были недовольны ценами и маршрутами. Поэтому речной трамвай трансформировали не только в развлекательную площадку для гостей столицы и туристов, но и для жителей города в качестве регулярного речного транспорта [15].

О парке «Зарядье» можно найти большее количество отзывов. Первичный анализ позволяет выделить основные характеристики медийного образа парка «Зарядье»: хорошая экология для центра мегаполиса, чистота по всему парку, современный дизайн и архитектура, инновационные технологии, приятная атмосфера. Сразу возникают ассоциации с лесом и природой, формируется положительный медийный имидж [16].

Московский речной трамвай еще представлен в основном только в проекте, поэтому точную характеристику составить достаточно сложно. В основном вся информация по данному проекту представлена на государственных сайтах. Но можно встретить статьи и в информационных изданиях и газетах. Последние полгода рекламу данного проекта можно встретить на информационных стендах в Московском метрополитене, а также непосредственно в вагонах поездов [15].

³ Москвичи выбрали название для первого речного трамвайчика. Официальный сайт мэра Москвы. URL: <https://www.mos.ru/news/item/95961073/?ysclid=lg9v1o2m5o81922438> (дата обращения: 10.01.2023).

Медиаобразы Московского парка «Зарядье» и Московского речного трамвая наиболее ярко формируются в коммуникационной сети интернет посредством официальных сайтов этих двух развлекательных площадок. Стоит отметить, что оформление выдержанно в тенденциях современного интересного и качественного дизайна. Учитывая официальность представления двух этих площадок в сети Интернет, но с учетом молодежных тенденций на дизайн и рекламы площадок, которая может привлечь именно молодежь, нравственные аспекты продвижения соответствуют нормам этики. При этом сама суть данных площадок включает в себя несколько направлений социокультурной пользы для общества, и за счет этого способна привлечь не только молодежь, но и более старшее поколение [11. С. 87].

Таким образом можно сделать вывод, что медиаобраз в первую очередь по сегодняшним тенденциям в любом информационном пространстве, будь то социальная коммуникация в обществе, будто то коммуникация объекта через инфокоммуникационную сеть «Интернет», должен соответствовать нормам нетикета. Безусловно встречаются и иные медиаобразы, но сегодня они становятся все менее популярными, уступая место сформированным представлениям об морали. Особенно важна эта тенденция именно для продвижения среди молодежи и повышения нравственной культуры общества. На примере Московского парка «Зарядье» и Московского речного трамвая можно проследить развитие этой идеи в формировании медиаобраза данных площадок, которые в том числе имеют развлекательную функцию и привлекают именно молодежь с учетом нравственных аспектов продвижения этих площадок в различных слоях общества. Нравственные аспекты продвижения будут рассмотрены авторами в последующих работах.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Афанасьева Е.А. Создание и распространение контента: этические регуляторы в цифровом медиапространстве // Журналистский ежегодник. 2014 № 3. С. 89–91.
2. Луман Н. Реальность массмедиа / Пер. с нем. А.Ю. Антоновского. Образ и общество. М.: Праксис, 2005.
3. Горбаль Д.Э. Современные подходы к феномену медиаобраза // Наука и образование сегодня. 2020. № 11 (58). С. 72–75.
4. Салтыкова А.С. Понятие медиаобраза и его основные характеристики // Общество. Наука. Инновации (НПК-2017). Киров: Сборник статей. Всероссийская 70 ежегодная научно-практическая конференция. Вятский государственный университет, 2017. С. 3428–3433.
5. Шепель В.М. Имиджелогия: учебное пособие. Народное образование, 2002.
6. Лузина Л.Г. Вербальные и невербальные средства воздействия в рекламе // Рекламная коммуникация: лингвокультурный аспект. М.: ИНИОН РАН, 2011. С. 41–48.
7. Богдан Е.Н. Медиаобраз России как понятие теории журналистики // Вестник Московского университета. Сер. 10: Журналистика. 2007. № 4. С. 122–127.
8. Пурганова Е.В. Современные методы связей с общественностью в сети Интернет // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2019. Т. 7. № 2 (26).
9. Гуреева А.Н., Киреева П.А. Формирование медиаобраза государства в контексте медиатизации политической коммуникации // Вестник Московского университета.

- Серия 10. Журналистика. 2022. № 6. С. 28–56. <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.6.2022.2856>
10. Глазкова Е.А. О формировании образа города в картине мира интернет-пользователя // Человек в информационном пространстве: сборник научных трудов. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2016. С. 95–99.
 11. Балагуева И.А. Медиаобраз и социообраз: процессы взаимоуправления в информационном обществе // Право и управление. XXI век. 2014. № 04 (33).
 12. Хочунская Л.В. Феномен медиаобраза: социально-психологический аспект // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2013. № 2. С. 91–95.
 13. Джохадзе И.Д. Прагматизм // Философская антропология. 2018. Т. 4. № 1. С. 231–243.
 14. Общественные пространства Москвы: запросы и оценки горожан // Аналитический обзор ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obshhestvennye-prostranstva-moskvy-zaprosy-i-ocenki-gorozhan?ysclid=lg9tnequm6908820005> (дата обращения: 10.01.2023).
 15. Речной транспорт Москвы. URL: <https://transport.mos.ru/reka/transport> (дата обращения: 10.01.2023).
 16. Парк «Зарядье». URL: <https://www.zaryadyepark.ru/about/?ysclid=lg9k51qdbd705683548> (дата обращения: 10.01.2023).
 17. Национальные проекты России. URL: <https://xn--80aarpemcchfmo7a3c9ehj.xn--plai/?ysclid=lg9kk8up34916832> (дата обращения: 10.01.2023).
 18. Большая кольцевая линия. URL: <https://www.mos.ru/city/projects/bkl/?ysclid=lg9knv35lz948955225> (дата обращения: 10.01.2023).
 19. Москвичи выбрали название для первого речного трамвайчика // Официальный сайт мэра Москвы. URL: <https://www.mos.ru/news/item/95961073/?ysclid=lg9vlo2m5o81922438> (дата обращения: 10.01.2023).

REFERENCES

1. Afanas'eva E.A. Sozdanie i rasprostranenie kontenta: jeticheskie reguljatory v cifrovom mediaprostranstve [Creation and Distribution of Content: Ethical Regulators in the Digital Media Space]. *Zhurnalistskij ezhegodnik*, 2014; 3: 89–91 (In Russ.).
2. Luman N. Real'nost' massmedia [The Reality of Mass Media]. *Obraz i obshhestvo*. Moscow: Praxis; 2005: 256 (In Russ.).
3. Gorbal' D. Je. Sovremennye podhody k fenomenu mediaobraza [Modern Approaches to the Phenomenon of Media Image]. *Nauka i obrazovanie segodnja*. 2020; 11 (58): 72–75 (In Russ.).
4. Saltykova A.S. Ponjatie mediaobraza i ego osnovnye harakteristiki [The Concept of a Media Image and Its Main Characteristics]. *Obshhestvo. Nauka. Innovacii (NPK-2017)*. Kirov: Sbornik statej. Vserossijskaja 70 ezhegodnaja nauchno-prakticheskaja konferencija. Vjatskij gosudarstvennyj universitet; 2017: 3428–3433 (In Russ.).
5. Shepel' V.M. Imidzhelogija: uchebnoe posobie [Imageology: Textbook]. Moscow: Narodnoe obrazovanie; 2002 (In Russ.).
6. Luzina L.G. Verbal'nye i neverbal'nye sredstva vozdejstvija v reklame [Verbal and Nonverbal Means of Influence in Advertising]. *Reklamnaja kommunikacija: lingvokul'turnyj aspekt*. Moscow: INION RAN; 2011: 41–48 (In Russ.).
7. Bogdan E.N. Mediaobraz Rossii kak ponjatie teorii zhurnalistiki [Media Image of Russia as a Concept of Journalism Theory]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 10: Zhurnalistika*. 2007; 4: 122–127 (In Russ.).
8. Purganova E.V. Sovremennye metody svjazej s obshhestvennost'ju v seti Internet [Modern Methods of Public Relations on the Internet]. *Jelektronnyj nauchnyj zhurnal "Nauka. Obshhestvo. Gosudarstvo"*. 2019; 7; 7; (26) (In Russ.).
9. Gureeva A.N., Kireeva P.A. Formirovanie mediaobraza gosudarstva v kontekste mediatizacii politicheskoi kommunikacii [Formation of the Media Image of the State in the Context

- of Mediatization of Political Communication]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 10. Zhurnalistika*. 2022;6:28–56. <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.6.2022.2856> (In Russ.).
10. Glazkova E.A. O formirovanii obraza goroda v kartine mira internet-pol'zovatelja [On the Formation of the Image of the City in the Picture of the Internet User's World]. *Chelovek v informacionnom prostranstve: sbornik nauchnyh trudov*. Jaroslavl': RIO JaGPU; 2016: 95–99 (In Russ.).
 11. Balalueva I.A. Mediaobraz i socioobraz: processy vzaimoupravlenija v informacionnom obshhestve [Media Image and Socio Image: Processes of Mutual Management in the Information Society]. *Pravo i upravlenie. XXI vek*. 2014; 4 (33) (In Russ.).
 12. Hochunskaja L.V. Fenomen mediaobraza: social'no-psihologicheskij aspekt [The Phenomenon of Media Image: Socio-psychological Aspect]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: literaturovedenie, zhurnalistika*. 2013;2:91–95 (In Russ.).
 13. Dzhohadze I.D. Pragmatizm [Pragmatism]. *Filosofskaja antropologija. Jelektronnyj nauchnyj zhurnal*. 2018; 4 (1): 231–243 (In Russ.).
 14. Obshhestvennye prostranstva Moskvy: zaprosy i ocenki gorozhan. [Public Spaces of Moscow: Requests and Assessments of Citizens]. *Analiticheskij obzor WCIOM*. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obshhestvennye-prostranstva-moskvy-zaprosy-i-ocenki-gorozhan?ysclid=lg9tnequm6908820005> (In Russ.).
 15. *Rechnoj transport Moskvy* [Moscow River Transport]. URL: <https://transport.mos.ru/reka/transport> (In Russ.).
 16. *Park «Zarjad'e»* [Zaryadye Park]. URL: <https://www.zaryadyepark.ru/about/?ysclid=lg9k51qdbd705683548> (In Russ.).
 17. *Nacional'nye proekty Rossii* [National Projects of Russia]. URL: <https://xn--80aapampemcchfmo7a3c9ehj.xn--plai/?ysclid=lg9kk8up34916832> (In Russ.).
 18. *Bol'shaja kol'cevaja linija* [Big Ring Line]. URL: <https://www.mos.ru/city/projects/bkl/?ysclid=lg9knv35lz948955225> (In Russ.).
 19. Moskviichi vybrali nazvanie dlja pervogo rechnogo tramvajchika [Muscovites Have Chosen a Name for the First River Tram]. *Oficial'nyj sajt mjera Moskvy*. URL: <https://www.mos.ru/news/item/95961073/?ysclid=lg9v1o2m5o81922438> (In Russ.).

Информация об авторах:

Мухаметжанова Винера Саяровна — кандидат социологических наук, доцент кафедры этики факультета гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (ORCID ID: 0000-0002-3685-8397) (e-mail: mukhametzhanova-vs@rudn.ru).

Екатерина Дмитриевна Костина — магистрант кафедры этики факультета социальных и гуманитарных наук, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (ORCID ID: 0009-0003-7631-0160) (e-mail: katiakost@mail.ru).

Information about the authors:

Venera S. Mukhametzhanova — PhD in Sociology, Associate Professor of the Department of Ethics, RUDN University (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0002-3685-8397) (e-mail: mukhametzhanova-vs@rudn.ru).

Ekaterina D. Kostina — Master Student of the Department of Ethics, RUDN University (Russian Federation) (ORCID ID: 0009-0003-7631-0160) (e-mail: katiakost@mail.ru).

DOI: 10.22363/2312-8313-2023-10-2-222-235

EDN: GEWGFP

Научная статья / Research article

Практические рекомендации по организации преобразований муниципальных образований в Республике Калмыкия

Б.Г. Убушаева , Н.В. Клым-Еремина

Государственный университет управления,
109542, Россия, Москва, ул. Рязанский проспект, 99

 bg_ubushaeva@guu.ru

Аннотация. Статья посвящена возможностям преобразований муниципальных образований на территории Республики Калмыкия. Появление данной работы вызвано тем, что в последние годы происходит активное укрупнение муниципальных образований [1]. Такие субъекты, как Ставропольский край, Пермский край, Забайкальский край, Курганская область, Калининградская область и ряд других субъектов Российской Федерации постепенно отходят от двухуровневой системы. Поэтому целью данной статьи является рассмотрение возможностей и перспектив в случае преобразования муниципальных образований в Республике Калмыкия с «муниципальных районов» на «муниципальные округа», а также влияние на систему управления со стороны указанного субъекта Российской Федерации и органов местного самоуправления в Республике Калмыкия [2].

Ключевые слова: население, жители, муниципальные образования, локальные территории, органы исполнительной власти субъекта Российской Федерации, органы местного самоуправления, дорожная карта преобразований

Заявление о конфликте интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Статья поступила в редакцию: 17.03.2023. Статья принята к публикации: 30.04.2023.

Для цитирования:

Убушаева Б.Г., Клым-Еремина Н.В. Практические рекомендации по организации преобразований муниципальных образований в Республике Калмыкия // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2023. Т. 10. № 2. С. 222–235. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2023-10-2-222-235>

Practical Recommendations on the Organization of Municipal Transformations in the Republic of Kalmykia

Bayrta G. Ubushaeva , Natalia V. Klym-Eremina

State University of Management,
99 Ryazansky Prospekt, Moscow, Russian Federation, 109542

 bg_ubushaeva@guu.ru

Abstract. The article is devoted to the possibilities of transformation of municipalities on the territory of the Republic of Kalmykia. The appearance of this work is caused by the fact that in recent years there has been an active consolidation of municipalities [1]. Such subjects as Stavropol region, Perm region, Zabaikalsky region, Kurgan region, Kaliningrad region and a number of other subjects of the Russian Federation are gradually moving away from the two-level system. Therefore, the purpose of this article is to consider the possibilities and prospects in the case of the transformation of municipalities in the Republic of Kalmykia from “municipal regions” to “municipal districts”, as well as the impact on the management system by the specified subject of the Russian Federation and local self-government bodies in the Republic of Kalmykia [2].

Keywords: inhabitants, residents, municipalities, local territories, executive authorities of a constituent entity of the Russian Federation, local governments, roadmap of transformations

Conflicts of interest: The authors declared no conflicts of interest.

Article history:

The article was submitted on 17.03.2023. The article was accepted on 30.04.2023.

For citation:

Ubushaeva B.G., Klym-Eremina N.V. Practical Recommendations on the Organization of Municipal Transformations in the Republic of Kalmykia. *RUDN Journal of Public Administration*. 2023;10(2):222–235. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2023-10-2-222-235>

Введение

Тот процесс, который отмечен пока в законопроекте № 40361–8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти», [3] и та правовая логика, которую использует законодатель, укладываются в концепцию, что из видов муниципальных образований уходят городские и сельские поселения. Подготовка к этому процессу, на наш взгляд, уже началась с 2013 года, когда законодатель разрешил субъектам Российской Федерации перераспределять полномочия, например, между муниципальным районом и поселением. Или, например, когда Правительство Московской области перенаправило в свою сторону все вопросы, касающиеся строительной сферы. В 2015 году законодатель открыл возможность избирать глав муниципальных образований посредством конкурсных процедур. Далее в 2017 году произошли изменения в законодательстве относительно способов преобразования муниципальных образований посредством представительного органа (ранее такие изменения возможны были только через проведение местных референдумов). И в 2019 году появился новый тип муниципального образования — муниципальный

округ [4. С. 18]. Таким образом, здесь можно проследить определенную логичность юридических шагов относительно действий, которые направлены на централизацию в отношении местного самоуправления и постепенного снятия с оборота таких видов муниципальных образований, как городские и сельские поселения.

В последнее время мы наблюдаем активность многих субъектов Российской Федерации в области преобразований муниципальных образований, которые отразились в статистике (табл.1).

На наш взгляд, данным процессам способствовали проблемы, которые характерны для двухуровневой системы местного самоуправления [5]:

Таблица 1 / Table 1

Изменение количества муниципальных образований в разбивке по видам по состоянию на 1 января 2020 г. и 1 января 2021 г.
Change in the number of municipalities by type as of January 1, 2020 and January 1, 2021

Количество муниципальных образований, в т.ч. / Number of municipalities, including	По состоянию / as of	
	на 1 января 2020 г. / as of January 1, 2020	на 1 января 2021 г. / as of January 1, 2021
муниципальных районов / municipal districts	1 667	1 593 (–74)
городских поселений / urban settlements	1 392	1 327 (–65)
сельских поселений / rural settlements	16 800	16 235 (–565)
муниципальных округов / municipal districts	39	113 (+74)
городских округов / urban districts	632	627 (–5)
городских округов с делением / urban districts with division	3	3 (без изменений) / (unchanged)
внутригородских районов / inner-city districts	19	19 (без изменений) / (unchanged)
внутригородских территорий / inner-city territories	267	267 (без изменений) / (unchanged)
ВСЕГО / TOTAL	20 819	20 184 (–635)

Источник: [5]
Source: [5]

1. *Дублирование полномочий, которые способствуют возникновению определенных конфликтов.* В некоторой степени, например, в Республике Калмыкия остается практика, когда сельские поселения не понимают, где заканчиваются их полномочия, а где начинаются полномочия муниципального района. В итоге население находится в неведении, а администрации, не имея достаточных финансовых средств для решения вопросов местного значения, пытаются перебросить их либо на поселенческий, либо на районные уровни.

2. *Низкий уровень бюджетной обеспеченности поселений.* Как показывает статистика, поселения Республики Калмыкия — высокодотационные. Во всех поселениях остаются весьма трудоемкие финансовые полномочия. Это газо-, тепло-, водоснабжение, ремонт дорог в границах муниципальных поселений, культура и др. За сельскими поселениями закреплены дополнительные отчисления от НДС — 10 %, транспортный налог — 50 %. Но они до сих пор не позволили найти ту «золотую середину», которая могла бы решить вопрос финансирования в полном объеме и реализовать те полномочия, которые закреплены в Федеральном законе № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Рассматривается еще один важный инструмент поддержки поселений как дотации. В некоторой степени эта практика имеет место быть в системе управления, но и здесь возникает вопрос, какую методику использовать. Самая распространенная практика — так называемая «подушевка». Если действовать по принципам этой методики, то поселения с низкой бюджетной обеспеченностью не особо остаются в выигрыше, так как здесь небольшое количество проживающего населения. Более обеспеченные поселения получают более высокие дотации в связи с достаточным количеством жителей. Появляются предложения по передаче НДС не на 10 %, а 13...15 %. Опять возникает ситуация: в сельских поселениях, где дислоцируются крупные предприятия — это как правило, это административные центры районов. Там присутствует высокая бюджетная сеть учреждений, в том числе и федеральных органов власти, они будут получать более высокие дотации, чем другие территории, входящие в муниципальный район [6. С. 70].

3. *Сложность привлечения квалифицированных кадров и высокий уровень расходов на содержание администраций поселений.* В настоящее время на поселенческом уровне, как правило, выполняют свои обязанности достаточно компетентные кадры, но тот перечень полномочий, требования законодательства, информатизация и др. требуют привлечения высоко компетентной команды. В то же время Республика Калмыкия характеризуется очень высокой эмиграционной мобильностью населения в другие субъекты РФ (такие как Москва, Санкт-Петербург и др.). На поселенческом уровне Республики Калмыкия квалифицированные кадры лиц молодого поколения и среднего возраста долго не задерживаются в силу большого перечня полномочий, низкой оплаты труда, тяжелых условий проживания в селах и невысокого уровня развития социальной инфраструктуры.

Прослеживается тенденция заполнения кадрового состава органов местного самоуправления лицами предпенсионного возраста и пенсионеров.

Также статистика свидетельствует о том, что основная часть расходов местных бюджетов поселений идет на содержание администраций. Если в городских округах, муниципальных районах Республики Калмыкия на содержание муниципальных администраций используются средства местных бюджетов в среднем 11...38 % соответственно, то в сельских поселениях это значение достигает порядка 50...70 %. То есть основную часть бюджетных средств администрации используют на собственное содержание, решение же вопросов местного значения датируются в форме субсидий и дотации со стороны Правительства Республики Калмыкия.

Преимущества городского (муниципального) округа

1. *Сбалансированное развитие территорий и единая финансовая политика.* Практика показывает, что большинство сельских поселений Республики Калмыкия не участвует во многих программах, так как для участия в региональных программах, например, по единой субсидии надо найти софинансирование в размере приблизительно 25 %. Или, например, Национальный проект «Комфортная городская среда». Здесь имеют место случаи, когда на аукционах, объявленных со стороны одной администрации поселений, не участвует ни один подрядчик в связи с невыгодностью данных лотов. В последствии администрация может объявлять данные аукционы одним лотом в рамках уже одного муниципального округа. Также появляется возможность для участия в крупных инвестиционных проектах, когда бюджетные средства будут сконцентрированы в руках одной администрации.

2. *Единый генеральный план муниципальных образований Республики Калмыкия.* Здесь возникают преимущества у субъекта Российской Федерации, так как для формирования единого плана требуются большие финансовые ресурсы, и поэтому Министерство земельных и имущественных отношений Республики Калмыкия может предоставлять их в виде субсидий всем муниципальным образованиям. Поэтому здесь возникает уже облегчение задачи, так как это полномочие полностью будет выполнять администрация городского (муниципального) округа.

3. *Сокращение управленческих расходов и отхождение от дублирования полномочий.*

Разработка дорожной карты

Это очень важный процесс, так как он позволит более детально подойти к проработке уже имеющихся нормативно-правовых актов как на уровне поселений, так и муниципальных районов. И в результате процесс

преобразований муниципальных образований в Республике Калмыкия может пройти достаточно гладко без возникновения каких-либо конфликтов [7. С.14–16].

На наш взгляд, дорожную карту нужно разделить на три этапа.

Подготовительный этап. На этом этапе в первую очередь нужно подготовить «Дорожную карту преобразований муниципальных образований Республики Калмыкия». В него входит алгоритм создания календарного плана, где прописывается, какие мероприятия будут совершаться, сроки реализации, отмечаются ответственные должностные лица и возможные риски.

На подготовительном этапе важное место занимает проведение публичных слушаний в поселениях, входящих в состав муниципального района. В первую очередь нужно обратить внимание на разработку «Положения о публичных слушаниях». Как известно, публичные слушания — это процедура, которая проводится постоянно по вопросам, связанным с изменениями и дополнениями по уставу, бюджету муниципальных образований и др. Но в отношении вопросов о преобразовании муниципальных образований, положений и проведения публичных слушаний нужно учитывать ряд моментов.

Во-первых, нужно определиться, кто будет назначать проведение публичных слушаний — представительный орган муниципального района или поселения. На практике бывает, что в положении о проведении публичных слушаний прописывается, что слушание может инициироваться главой муниципального образования. Это не совсем правильно. Более логично, когда в положениях о публичных слушаниях инициатором выступает представительный орган муниципального образования поселения.

Во-вторых, часто в положениях о проведении публичных слушаний прописывается, что голосование о проведении публичных слушаний осуществляется на очередном заседании представительного органа. Здесь не понятна логика, так как мы знаем, что в соответствии с Федеральным законом № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» заседание данного органа должно быть не реже одного раза в три месяца. Ждать очередное заседание не совсем логично, поэтому можно сразу обозначить, что положение о проведении публичных слушаний принимается на внеочередном заседании представительного органа муниципального образования.

В-третьих, обозначают большие сроки проведения публичных слушаний. Например, очень часто в положениях о проведении публичных слушаний бывают случаи, что до сорока пяти дней затягивается решение о проведении публичных слушаний. Соответственно, свое решение о проведении публичных слушаний представительный орган не сможет опубликовать в течение сорока пяти дней. Практика показывает, что это серьезное затягивание всего процесса.

В-четвертых, важная норма, которая должна быть прописана в «Положении о проведении публичных слушаний», что на самих публичных слушаниях не может быть принято решение о преобразовании муниципального образования. В отношении этого есть позиция Конституционного Суда, которая гласит, что публичные слушания имеют только информационный характер. То есть публичные слушания проводятся для информирования населения об организации преобразования муниципального образования [8. С. 28].

В-пятых, когда проведены все публичные слушания, представительные органы поселений и района выражают свое согласие на проведение преобразования. Это как раз и есть ответ на вопрос: «Как добиться согласия от населения на преобразование муниципального образования». Здесь выражение согласия о проведении преобразования выражает представительный орган сельского или городского поселения. По итогу мы получаем формулу:

- а) проведение публичных слушаний во всех поселениях, входящих в состав муниципального района;
- б) голосование представительного органа поселения;
- в) голосование представительного органа муниципального района.

После реализации этой формулы готовятся соответствующие нормативно-правовые документы, которые будут способствовать разработке проекта закона «Об образовании нового муниципального образования».

При подготовке соответствующей нормативно-правовой документации особое внимание нужно обратить на льготы, которые имеют некоторые жители сельских поселений Республики Калмыкия. Таким образом, необходимо, чтобы законодательный орган Республики Калмыкия «Народный Хурал» в первой статье, где отражены основания, сроки формирования муниципального образования, прописал, что преобразование сельских поселений не влечет за собой изменение статуса населенных пунктов, входящих в состав территорий муниципальных образований, а также изменение или прекращение мер социального обеспечения (поддержки), установленные законодательством Российской Федерации для отдельных категорий лиц. Здесь имеется в виду, что административно-территориальная целостность муниципального района не затрагивается (как были они селами, так и они ими остаются). Это прописывается в графическом приложении к закону. Льготы, которые жители сельских поселений получали, также остаются за ними.

В законе также обязательно нужно отметить правопреемственность муниципального округа в отношении сельских поселений и муниципального района.

Первый этап — это когда законодательный орган соответствующего субъекта Российской Федерации разрабатывает и вводит закон «О создании нового муниципального образования (муниципального округа)». Здесь важно, чтобы законодатели качественно проработали все статьи закона в рамках

одного чтения (заседания). Рассмотрение закона в рамках двух чтений сильно увеличивает сроки принятия нормативно-правового акта.

Исходя из действующей практики следующих регионов (Пермского края и Ставропольского края), закон субъекта Российской Федерации «Об образовании нового муниципального образования» может иметь следующую структуру:

- основания, цели и срок образования городского (муниципального) округа;
- границы и состав территории;
- правопреемственность;
- переходный период;
- порядок формирования ОМСУ;
- порядок исполнения бюджетов;
- организационное и материально-техническое обеспечение деятельности ОМСУ;
- действия муниципальных правовых актов;
- картографическое описание границ;
- перечень населенных пунктов.

После принятия закона вступает в силу переходный период. В законодательной практике используются один из двух вариантов.

В первом варианте после вступления в силу закона об образовании нового муниципального образования продолжают исполнять полномочия Администрация муниципального района и администрации сельских и городских поселений. Последние прекращали свои полномочия, когда уже была зарегистрирована Администрация округа как юридического лица. В этом варианте многие сельские и городские поселения начали накапливать избыточную кредиторскую задолженность по вопросам местного значения. Потом стали выплачивать необоснованные премии, ссылаясь на ликвидацию администрации. При этом стали возникать ситуации, которые ухудшали процессы документооборота.

Во втором варианте закон сразу предусматривает, что представительный орган принимает решение о ликвидации администрации поселения как юридического лица и полномочия передаются на уровень муниципального района. Соответственно, администрация района исполняет все полномочия в переходный период, то есть до того, пока не образуется администрация муниципального округа.

Итак, какие действия должен предусматривать первый этап? Это вступление в силу закона субъекта Российской Федерации «Об образовании нового муниципального образования». Параллельно издаются нормативно-правовые акты, а именно:

- о ликвидации администрации, как юридического лица;
- об использовании поселенческих полномочий (при необходимости);
- об органе, осуществляющем функции и полномочия учредителя в отношении МКУ, МБУ, МУП;
- о внесении изменений в бюджет и др.

Также создаются ликвидационные комиссии. Нужно иметь в виду, что ликвидационная комиссия — временный орган, создаваемый представительным органом поселения с целью ликвидации администрации как юридического лица. Председателем ликвидационной комиссии назначается глава поселения. В его полномочия должно входить:

- организация юридического сопровождения деятельности и управления делами;
- координация документационного обеспечения;
- администрирование процессов и документооборота по учету и движению кадров;
- осуществление иных полномочий, установленных законодательством.

При этом в рамках этой конструкции закона продолжают действовать главы и представительные органы поселений, администрация с главой муниципального района, контрольно-счетный орган, территориальная избирательная комиссия. Все вопросы местного значения поселений по закону передаются на уровень администрации муниципального района.

В этот же момент при вступлении в силу закона «Об образовании нового муниципального образования» нужно будет назначать выборы в представительный орган муниципального округа. Здесь правильно будет осмотреть нарезку округов, чтобы максимальное количество территорий было представлено во вновь образованном представительном органе муниципального округа. Нужно будет тщательно проработать вопросы с избирательной комиссией субъекта Российской Федерации, чтобы она полностью передала проведение выборов непосредственно избирательной комиссии муниципального района. Также администрация муниципального района должна будет подготовить нормативно-правовую документацию в отношении создания общественных советов при территориальных органах администрации муниципального округа. Таким образом, до избрания представительного органа муниципального округа проходит первый этап.

Второй этап — исполнение полномочий до формирования нового представительного органа городского (муниципального) округа.

Нужно обратить внимание, что администрация муниципального района исполняет собственные полномочия и полномочия поселений. Администрация муниципального района может при необходимости вносить изменения в нормативно-правовые акты администраций поселений. Но она не может издавать распоряжения по кадровым вопросам в отношении сотрудников администраций поселений, так как администрации поселений ликвидируются, а глава поселений выступает председателем ликвидационной комиссии.

В свою очередь, до ликвидации администрации поселений могут издаваться распоряжения по кадровым вопросам (увольнения, отпуска и т.д.). Дату увольнения следует определять с учетом состава ликвидационной комиссии. Предупреждать не позднее, чем за два месяца до увольнения. В случае если

решение о сокращении численности или штата работников может привести к массовому увольнению работников — не позднее, чем за три месяца до начала проведения мероприятий.

Что не может делать администрация поселения:

- издавать нормативно-правые акты;
- подавать проекты (заявки) для предоставления субсидий из республиканского бюджета;
- использовать печати администрации поселения и заверять документы (использовать печать администрации района).

Глава поселения в этот переходный период может:

- подписывать нормативно-правовые акты представительного органа;
- подписывать распоряжения администрации поселения по кадровым вопросам (глава является председателем ликвидационной комиссии);
- подписывать и выдавать справки (при условии, что он уполномочен на это главой района).

Не имеет право в переходный период подписывать документы (правовые акты, соглашения, контракты, отчеты), связанные с полномочиями администрации поселения.

Третий этап — исполнение полномочий после формирования представительного органа городского (муниципального) округа.

На этом этапе действуют глава муниципального района, представительный орган муниципального округа, администрация муниципального района, контрольно-счетный орган. В это время принимаются важные нормативно-правовые акты, которые способствуют формированию эффективной модели городского (муниципального) округа:

- о назначении исполняющего обязанности главы округа;
- ликвидации представительных органов как юридических лиц;
- порядке проведения публичных слушаний;
- правопреемственности органов МСУ;
- порядке проведения конкурса на главу округа;
- регламенте представительного органа муниципального округа;
- об избрании председателя представительного округа и его заместителя и т.д.

Также прекращают полномочия представительные органы муниципального района и поселений.

Этап четвертый — завершение переходного периода преобразования муниципального образования. На этом этапе действует:

- глава муниципального округа;
- представительный орган муниципального округа;
- администрация района (до 1 января)
- контрольно-счетный орган (до 1 января).

На четвертом этапе принимаются нормативно-правовые акты:

- об избрании главы округа, о назначении исполняющий обязанности главы администрации района;

- о создании администрации округа (с 1 января);
- ликвидации администрации района как ЮЛ (до конца текущего года);
- бюджете муниципального округа;
- создании контрольно-счетного органа округа (с 1 января).

После принятия этих нормативно-правовых актов администрация муниципального округа и ее функциональные органы в декабре текущего года должны быть зарегистрированы как юридические лица в соответствующих органах власти (министерстве юстиции субъекта Российской Федерации, федеральной налоговой службе и др.).

Завершающий этап. На этом этапе избранный глава муниципального округа на очередном заседании представительного органа вносит на рассмотрение депутатов организационную структуру администрации. В этой организационной структуре особое внимание уделяется территориальным органам. Практика показывает, что федеральный законодатель быстро реагирует на те пробелы в законодательстве, которые вызывают проблемы у жителей. Например, совершение нотариальных сделок (действий), которые были закреплены за главами поселений. Сейчас эту практику закрепили за главами территориальных отделов. Главе выдается гербовая печать администрации муниципального округа, и на основании этого он выдает справки.

В чем преимущество территориальных отделов администрации муниципального округа? В положения о территориальных отделах муниципального округа можно добавлять определенные полномочия, от которых поселения ранее сами отказывались в связи с финансовыми пробелами, и передавали их на уровень района, или, наоборот, снимать и передавать их муниципальным учреждениям, которые уже функционируют в рамках единого муниципального округа. На наш взгляд, структура территориального отдела администрации муниципального округа может иметь следующий вид (табл. 2).

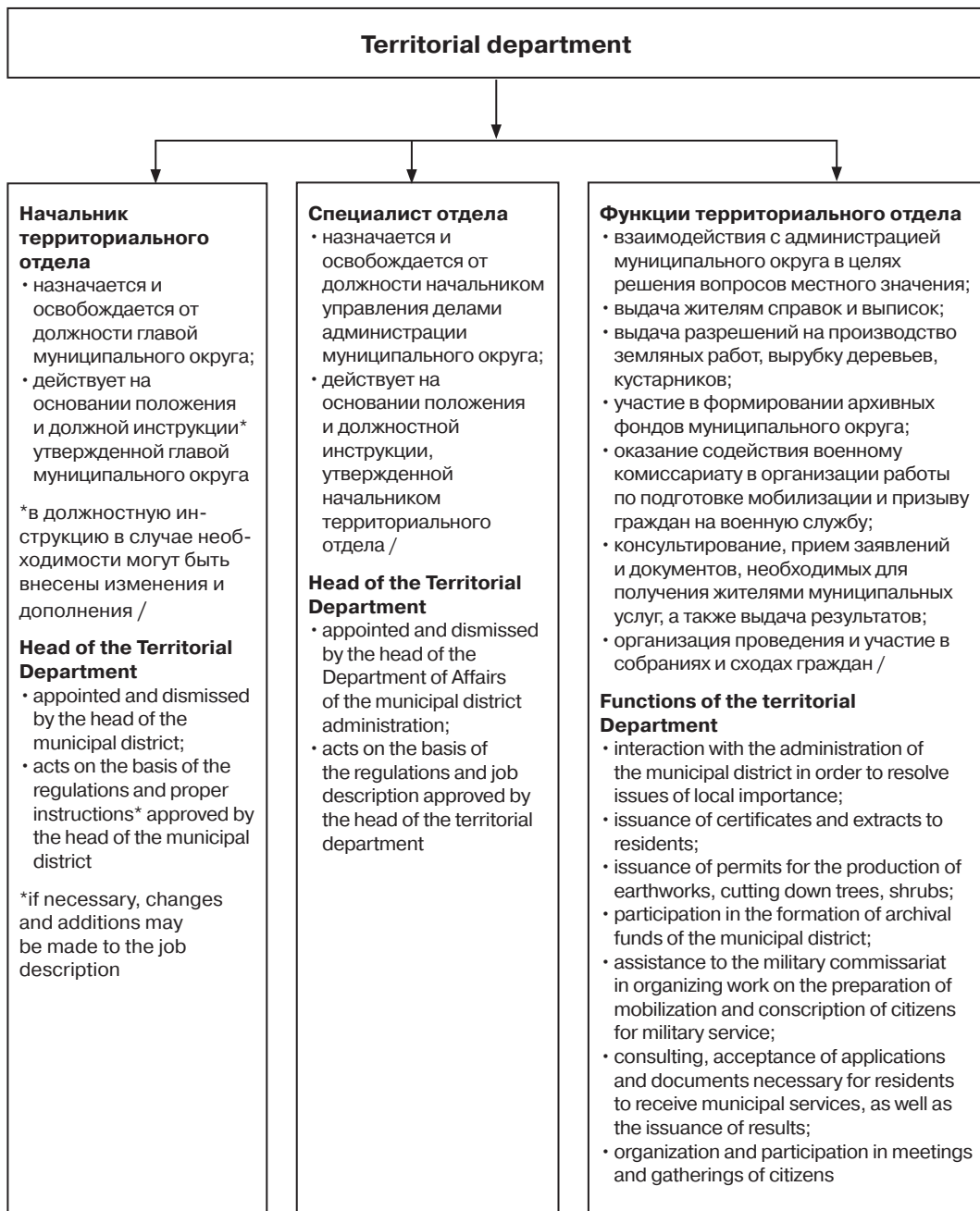
В отношении взаимодействия органов местного самоуправления с населением рекомендуется при территориальных органах создавать общественные советы. В этот совет могут войти прежние депутаты муниципальных поселений, председатели ТОС, старосты, лидеры общественных мнений и др.

Заключение

Тенденции, направленные на объединение муниципальных образований, в настоящее время являются одним из трендов реорганизации местного самоуправления. Практика многих субъектов Российской Федерации показывает, что процессы преобразования муниципальных образований могут сталкиваться с рядом методических, организационных, правовых проблем, которые впоследствии отразятся на качестве развития всей системы местного самоуправления.

Таблица 2 / Table 2

Структура территориального отдела администрации округа
Structure of the territorial department of the district administration

Поэтому для эффективного осуществления преобразований муниципальных образований нужно создать институт, который будет способствовать эффективному и качественному преобразованию локальных территорий. Целесообразность создания такого института с функциями постановки целей, выработки единых подходов, методик, обобщения практики и обратной связи, координации и контроля очевидна.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Справочная правовая система «Консультант Плюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=45650297205342566754861595&cacheid=535916C299143A9C249B8FA0BF91606C&mode=splus&base=LAW&n=351264&rnd=0.05180860554671973#1780qklvrj3> (дата обращения: 22.11.2022).
2. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года // Официальный сайт компании «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 22.11.2022).
3. Проект Федерального Закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // Официальный сайт Государственной Думы Российской Федерации. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/40361-8> (дата обращения: 22.11.2022).
4. Юркова С.Н., Львутьина Е.А. Итоги муниципального форума // Муниципальная академия. 2022. № 1. С. 17–19.
5. Доклад Министерство юстиции Российской Федерации «О результатах ежегодного мониторинга организации и развития местного самоуправления в Российской Федерации за 2020 год». URL: http://komitet4.km.duma.gov.ru/upload/site28/Minyust_RF_Doklad_o_ezhegodnom_monitoringe_2019_-2020.pdf (дата обращения: 22.11.2022).
6. Широков А.Н., Юркова С.Н. МСУ: большая реформа или упразднение? // Бюджет. 2022. № 1. С. 70–75.
7. Демин А.В., Рыбальченко И.В., Зотов В.Б., Узунян А.С., Терехова К.О. Управленческие приемы мотивации персонала в условиях цифровой экономики // Муниципальная академия. 2022. № 3. С. 14–22.
8. Ежукова О.А., Малютина Н.С. Особенности организации публичной власти на отдельных территориях: опыт Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 12. С. 13–23.
9. Петрина О.А., Стадолин М.Е. К вопросу об устойчивом развитии сельских территорий // Муниципальная академия. 2021. № 3. С. 164–172.
10. Хабриева Т.Я., Клишас А.А. Тематический комментарий к Закону Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». М.: Норма: ИНФРА-М, 2020. 237 с.

REFERENCES

1. Federal'nyj zakon ot 06.10.2003 № 131-FZ «Ob obshhix principah organizacii mestnogo samoupravlenija v Rossijskoj Federacii» [Federal Law of 06.10.2003 No. 131-FZ “On General Principles of Organization of Local Self-Government in the Russian Federation”]. *Legal System “Consultant Plus”*. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=45650297205342566754861595&cacheid=535916C299143A9C249B8FA0BF91606C&mode=splus&base=LAW&n=351264&rnd=0.05180860554671973#1780qklvrj3> (accessed: 22.11.2022) (In Russ.).
2. Konstitucija Rossijskoj Federacii. Prinjata vsenarodnym golosovaniem 12 dekabrja 1993 goda s izmenenijami, odobrennymi v hode obshherossijskogo golosovanija 1 ijulja 2020 goda [Constitution of the Russian Federation. Adopted by popular vote on December 12, 1993 with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020]. *Consultant Plus*. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (accessed: 22.11.2022) (In Russ.).
3. Proekt Federal'nogo Zakona «Ob obshhix principah organizacii mestnogo samoupravlenija v edinoj sisteme publicnoj vlasti» [Draft of Federal Law “On General Principles of Organization of Local Self-Government in a Unified System of Public Power”]. *Official*

- Website of the State Duma of the Russian Federation*. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/40361-8> (accessed: 22.11.2022) (In Russ.).
4. Yurkova S.N., Lvutina E.A. Itogi municipal'nogo foruma [Results of the Municipal Forum]. *Municipal academy*. 2022;1:17–19 (In Russ.).
 5. *Doklad Ministerstvo justicii Rossijskoj Federacii «O rezul'tatah ezhegodnogo monitoringa organizacii i razvitija mestnogo samoupravlenija v Rossijskoj Federacii za 2020 god»* [Report of the Ministry of Justice of the Russian Federation “On the Results of Annual Monitoring of the Organization and Development of Local Self-government in the Russian Federation for 2020”]. URL: http://komitet4.km.duma.gov.ru/upload/site28/Minyust_RF_Doklad_o_ezhegodnom_monitoringe_2019_2020.pdf (In Russ.).
 6. Shirokov A.N., Yurkova S.N. MSU: bol'shaja reforma ili uprazhdenie? [LSG: Big Reform or Abolition?]. *Budget*. 2022;1:70–74 (In Russ.).
 7. Demin A.V., Rybalchenko I.V., Zotov V.B., Uzunyan A.S., Terekhova K.O. Upravlencheskie priemy motivacii personala v uslovijah cifrovoj jekonomiki [Management Techniques for Motivating Personnel in a Digital Economy]. *Municipal Cademia*. 2022;3:14–22 (In Russ.).
 8. Yezhukova O.A., Malyutina N.S. Osobennosti organizacii publichnoj vlasti na otdel'nyh territorijah: opyt Rossijskoj Federacii [Peculiarities of the Organization of Public Power in Certain Territories: Experience of the Russian Federation]. *Constitutional and Municipal Law*. 2021;12:13–23 (In Russ.).
 9. Petrina OA, Stadolin ME. K voprosu ob ustojchivom razvitii sel'skih territorij [On the Issue of Sustainable Development of Rural Areas]. *Municipal Academy*. 2021;3:164–172 (In Russ.).
 10. Khabrieva T.Ya. Tematicheskij kommentarij k Zakonu Rossijskoj Federacii o popravke k Konstitucii Rossijskoj Federacii ot 14 marta 2020 g. № 1-FKZ «O sovershenstvovanii regulirovanija otdel'nyh voprosov organizacii i funkcionirovanija publichnoj vlasti» [Thematic Commentary on the Law of the Russian Federation on the Amendment to the Constitution of the Russian Federation dated March 14, 2020 No. 1-FKZ “On Improving the Regulation of Certain Issues of the Organization and Functioning of Public Power”. Moscow: Norm: INFRA-M; 2020. 237 p. (In Russ.).

Информация об авторах:

Убушаева Байрта Григорьевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Государственный университет управления (ORCID ID: 0000-0001-8432-6873) (e-mail: bg_ubushaeva@guu.ru).

Клым-Еремина Наталья Владимировна — старший преподаватель кафедры маркетинга услуг и бренд-менеджмента, Государственный университет управления (ORCID ID: 0000-0003-1330-2334) (e-mail: natali_k-e@mail.ru).

Information about the authors:

Bayrta G. Ubushaeva — PhD in Economy, Associate Professor of the Department of State and Municipal Administration, State University of Management (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0001-8432-6873) (e-mail: bg_ubushaeva@guu.ru).

Natalia V. Klym-Eremina — Senior Lecturer at the Department of Marketing Services and Brand Management, State University of Management (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0003-1330-2334) (e-mail: natali_k-e@mail.ru).

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

INTERNATIONAL EXPERIENCE OF PUBLIC ADMINISTRATION

DOI: 10.22363/2312-8313-2023-10-2-236-247

EDN: GTENBR

Научная статья / Research article

Проблемы и перспективы китайского инфраструктурного строительства и инвестиционной деятельности в Латинской Америке

С.В. Батанова

Финансовый университет при Правительстве РФ,
125993, Россия, Москва, Ленинградский пр., 49

✉ svet_cn@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена проблемам и перспективам инфраструктурного строительства и инвестиционной деятельности в Латинской Америке на современном этапе. В исследовании анализируются основные отрасли стран Латинской Америки, в развитие и освоение которых вкладываются китайские средства. Выявлены характерные черты торговых отношений, реализации совместных инфраструктурных проектов. Обозначены интересы Китая в сотрудничестве с Латинской Америкой. Латиноамериканские страны пытаются лавировать между США и Китаем, зачастую выбирая Китай как более выгодного партнера. Китай стремится выстраивать новую систему международных экономических отношений в Латинской Америке и мире, одним из важных направлений которой будет создание условий для стабильного развития китайской экономики.

Ключевые слова: Латинская Америка, Китай, Си Цзиньпин, экспорт, инфраструктура, экспорт, объем инвестиций, китайский капитал, экономический рост

Заявление о конфликте интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Статья поступила в редакцию: 20.03.2023. Статья принята к публикации: 15.04.2023.

Для цитирования:

Батанова С.В. Проблемы и перспективы китайского инфраструктурного строительства и инвестиционной деятельности в Латинской Америке // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2023. Т. 10. № 2. С. 236–247. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2023-10-2-236-247>

© Батанова С.В., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Problems and Prospects of Chinese Infrastructure Construction and Investment Activity in Latin America

Svetlana V. Batanova

Financial University under the Government of the Russian Federation,
49 Leningradsky pr., Moscow, Russian Federation, 125468

✉ svet_cn@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the peculiarities of economic relations between China and Latin American countries at the present stage. The characteristic features of trade relations and the implementation of joint infrastructure projects were revealed. There were outlined China's interests in cooperation with Latin America. Latin American countries are trying to maneuver between the United States and China, often choosing China as a more profitable partner. China is striving to build a new system of international economic relations in Latin America and the whole world, the important directions of which will be the creation of conditions for the stable development of Chinese economy.

Keywords: Latin America, China, Xi Jinping, infrastructure, exports, investment volume, Chinese capital, economic growth

Conflicts of interest: The author declared no conflicts of interest.

Article history:

The article was submitted on 20.03.2022. The article was accepted on 15.04.2023.

For citation:

Batanova S.V. Problems and Prospects of Chinese Infrastructure Construction and Investment Activity in Latin America. *RUDN Journal of Public Administration*. 2023;10(2):236–247. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2023-10-2-236-247>

Введение

В современных условиях конфликтной многополярности Соединенные Штаты и Китайская Народная Республика играют чрезвычайно важную роль в экономике и политике латиноамериканских государств. На ряде направлений влияние США и КНР является не просто существенным, но ключевым — в том смысле, что от проводимой Вашингтоном и Пекином линии в международных политических, торгово-экономических и кредитно-финансовых вопросах во многом зависит положение в тех или иных странах Латинской Америки (и в регионе в целом) [1]. В считанные годы КНР перехватила экономическую инициативу и заняла видное место во внешнеторговых связях целого ряда ведущих государств Латинской Америки: Аргентины, Бразилии, Венесуэлы, Мексики, Перу, Эквадора, Чили. С указанными странами Пекин установил отношения стратегического партнерства, благодаря чему китайско-латиноамериканское сотрудничество не ограничилось торговлей, а распространилось на все сферы экономической и финансовой деятельности [2]. В последние годы китайско-латиноамериканские отношения стремительно

развиваются. Можно констатировать тот факт, что Латинская Америка (ЛА) стала для Китая вторым по значимости регионом в мире после Азии, обойдя Африку, Европу и другие континенты. Общая сумма прямых инвестиций из Китая в ЛА на конец 2021 года превысила 611,1 млрд долл. (для сравнения: в Африку было инвестировано 38,5 млрд долл.). При том, что число предприятий с участием китайского капитала в Латинской Америке и Африке почти одинаково — 3478 и 3409 соответственно. Отсюда можно сделать вывод, что китайские проекты в ЛА характеризуются масштабностью и реализуются с участием крупных предприятий¹.

За 2021 год китайские прямые инвестиции в Латинскую Америку составили 26,16 млрд долл. (рост по сравнению с 2020 г. — 57%). На регион пришлось 14,6% общего объема инвестиций Китая за рубеж в 2021 г.

На 25 стран Латинской Америки также приходится более 30% кредитов, выданных Китаем всем странам мира. Ожидается, что объем торговли Китая с Латинской Америкой будет увеличиваться все больше и больше, и к 2035 году это значение достигнет 700 млрд долл. США².

В 2015 году посол Боливии в Китае заявил, что инициатива «Пояс и путь» имеет важное значение для будущего развития Боливии. В тот же год бывший министр иностранных дел Перу Гонсало Гутьеррес Рейналь опубликовал статью, в которой выразил надежду на то, что китайская инициатива «Один пояс, один путь» будет распространена на Латинскую Америку. Посол Чили в Китае Хорхе Хайне выступил с речью, высоко оценив план объединения мира посредством строительства инфраструктуры и призвав Китай позволить Латинской Америке присоединиться к «Поясу и пути». Бывший министр иностранных дел Аргентины Сусана Маркола заявила, что эта инициатива является «важным многосторонним интеграционным проектом, который выходит за рамки традиционного Шелкового пути и достигает Латинской Америки» [3].

В мае 2017 г. прошел саммит международного сотрудничества «Один пояс, один путь». Во время встречи Председателя КНР Си Цзиньпина с президентом Аргентины Маурисио Макри Си Цзиньпин впервые отреагировал на включение Латинской Америки в качестве «естественного продолжения Морского Шелкового пути» и поддержал эту идею [4. Р. 42].

В январе 2018 года на второй министерской встрече Форума Китай—Сообщество стран Латинской Америки и Карибского бассейна (СЕЛАК), состоявшейся в Чили, было принято «Специальное заявление по инициативе

¹ 2021 Statistical Bulletin of Chinas Outward Foreign Direct Investment // Ministry of Commerce of the Peoples Republic of China 2022, National Bureau of Statistic, State Administration of Foreign Exchange. September 2022. URL: <http://images.mofcom.gov.cn/fec/202211/20221118091910924.pdf> (accessed: 22.04.2023)

² Měi guānyuán: Zhōngguó zài lāměi dìqū de kuòzhāng, líng měiguó bèntǔ gǎndào wēixié, bìxū zǔzhǐ [Официальные лица США: Экспансия Китая в Латинской Америке заставила США почувствовать угрозу и должна быть остановлена] // NetEase. 23.03.2023 (на кит.). URL: <https://m.163.com/dy/article/I09L46MH0511DIJU.html?referFrom=> (дата обращения: 22.05.2023)

„Один пояс, один путь“». В этом документе говорится, что инициатива рассматривается как «новая платформа для взаимовыгодного сотрудничества» между Китаем и Латинской Америкой [5. Р. 139].

Министр иностранных дел Китая Ван И заявил, что данная инициатива «придаст новую жизненную силу и откроет новые перспективы для всеобъемлющего партнерства Китая и Латинской Америки». После чего Китай направил официальные приглашения 34 странам Латинской Америки принять участие в создании «Одного пояса, одного пути» [3].

Таким образом, можно констатировать, что инициатива Китая была встречена властями большинства латиноамериканских стран позитивно. Можно предположить, что в ряде стран региона существует усталость от навязанного стереотипа о том, что Латинская Америка — это «задний двор США». Поэтому инициатива Китая, подкрепленная реальными действиями в виде инвестиций и строительства инфраструктуры в ЛА, была воспринята положительно.

Большинство исследовательских институтов прогнозируют, что Китай превзойдет Соединенные Штаты в 2030 году и станет крупнейшим торговым партнером стран Латинской Америки [6].

Происходит трансформация товарной структуры двусторонней торговли. Если раньше основу китайского экспорта в ЛА составлял ширпотреб, то сейчас растет доля высокотехнологичной продукции, оборудование, станки, строительная техника, то есть высокотехнологичные товары с высокой добавленной стоимостью.

Латиноамериканский экспорт тоже претерпевает изменения, его основу по-прежнему составляет сырье, но постепенно увеличиваются доли продуктов питания и товаров с высокой степенью переработки.

Однако надо отметить, что прирост доли высокотехнологичных товаров и оборудования в китайском экспорте обусловлен не только ростом экономик латиноамериканских стран, но и тем, что китайские компании ведут в регионе активное строительство инфраструктурных объектов, в процессе чего они предпочитают использовать оборудование и, по возможности, расходники китайского производства.

Новый этап в развитии сотрудничества Китая с государствами Латинской Америки связывают с масштабными инвестициями в объекты инфраструктуры [7]. Как правило, китайское правительство предоставляет кредиты на строительство объектов при условии, что работы осуществляются китайскими компаниями, а оборудование поставляется из КНР. Китай начал демонстрировать более сдержанный и выборочный подход, основанный на финансировании проектов, рассчитанных на долгосрочное присутствие в регионе. Особое место занимают транспортные проекты Поднебесной: Китаю удалось превратить Перу и Чили в «тихоокеанские платформы», связывающие его с Бразилией, Аргентиной, Парагваем и Уругваем. За последние 20 лет Китай ввел в эксплуатацию или находится в стадии строительства в общей сложности 138 инфраструктурных проектов в Латинской Америке с общим

капиталом проекта более 94 млрд долл. США, создав более 600 000 местных рабочих мест³.

Карлос Акино, директор Центра азиатских исследований Национального университета Сан-Маркос в Перу, считает, что Китай обладает самыми современными в мире железными дорогами, аэропортами, портами и электростанциями, а также лидирующим в мире уровнем строительства инфраструктуры⁴.

В качестве примеров масштабного сотрудничества можно привести ниже следующие проекты.

В 2022 году консорциум китайских компаний подписал контракт с правительством бразильского штата Баия на строительство моста длиной 46,8 км, 12 км из которых будет проходить над морем. Сумма инвестиций — около 3,5 млрд долл.⁵

Китай также участвует в консорциуме по строительству четвертого моста через Панамский канал с инвестициями в размере 1,4 млрд долларов.

Другой значимый проект — строительство порта в Чанкае в Перу, в 75 км от Лимы, которое должно быть завершено в 2024 году. Первоначальная сумма инвестиций — 1,298 млрд долл. Это будет первый порт в Латинской Америке, управляемый китайской компанией. Чанкай будет соединен с Панамериканским шоссе и по завершении проекта станет важным узловым портом на Южноамериканском континенте.

Необходимо также надо отметить, что в китайско-латиноамериканских связях четко просматривается тенденция наращивания взаимодействия в области инфраструктурного строительства.

Один из ярких примеров — прогресс в создании условий для строительства Никарагуанского канала, который станет альтернативой Панамского канала. В декабре 2021 года никарагуанские власти разорвали дипломатические отношения с Тайванем и установили их с Китаем. В январе 2022 года Китай и Никарагуа подписали меморандум о взаимопонимании по строительству «Одного пояса, одного пути», и отношения между ними вышли на новый уровень. Президент Никарагуа Даниэль Ортега отметил, что «правительство Китайской Народной Республики является единственным законно представляющим весь Китай, а Тайвань является неотъемлемой частью территории Китая. Правительство Республики Никарагуа с сегодняшнего дня разрывает

³ Lāměi gòng jiàn “yīdài yīlù” rèdù zǒu shēng [Совместное строительство в Латинской Америке в рамках инициативы «Один пояс, один путь» набирает обороты] // Официальный сайт International Business Daily (на кит.). 28.04.2022. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1731318333948279033&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 22.05.2023).

⁴ Pǔxiě zhōng lā “yīdài yīlù” hézuò xīn piānzhāng [Новая глава сотрудничества Китая и ЛА в рамках инициативы «Один пояс, один путь»] // Жэньминь жибао (на кит.). 26.01.2023. URL: <http://world.people.com.cn/n1/2023/0126/c1002-32612180.html> (дата обращения: 22.05.2023).

⁵ Jījiàn kuàng mó bàqì chūshǒu, ná xià bāxī 154 yì gōngchéng, jiànchéng lāměi zuì cháng kuà hǎi dàqiáo [Инфраструктурный сумасшедший получил проект стоимостью 15,4 миллиарда долларов в Бразилии и построил самый длинный морской мост в Латинской Америке] // Информационный портал Байду (на кит.). 13.01.2023. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1721848244295472745&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 21.05.2023).

дипломатические отношения с Тайванем и прекращает какие-либо контакты или официальные отношения». Ортега также заявил, что подписание соглашений с Китаем — *«новость, которая делает счастливым наш народ, а также делает счастливыми все народы, которые имеют отношения с Китайской Народной Республикой»*⁶.

Примерный объем инвестиций в строительство Никарагуанского канала — 40...50 млрд долл. Реализация этого проекта изменит глобальную структуру морских перевозок и станет важнейшей геополитической победой Китая в регионе, так как первые 50 лет управлять каналом будет китайский оператор.

Большинство проектов реализуется под государственные гарантии латиноамериканских правительств — под эти гарантии китайская сторона выдает кредит, который используется латиноамериканскими странами для оплаты строительства китайскими компаниями.

Надо отметить, что, по сути, такая форма взаимодействия представляет собой «замкнутый круг», так как выдаваемые в виде кредита суммы на самом деле не покидают Китай. Латиноамериканские страны и Китай заключают межправительственные соглашения, далее китайские банки под гарантии латиноамериканских властей выделяют нужную для строительства объектов сумму, которую по условиям соглашения должны передать китайским подрядчикам.

Таким образом, китайская сторона «прокручивает» эти суммы в своей экономике, стимулируя ее работу и рост.

Например, только в рамках одного проекта по восстановлению железной дороги в аргентинском Бельграно из Китая в Аргентину было отправлено 107 локомотивов, 3500 транспортных средств (вагонов), 165 тыс. тонн стальных рельсов и 2,3 млн бетонных шпал (железобетонная шпала весит от 60 до 100 кг)⁷.

Однако надо отметить, что инвестиционная деятельность китайских компаний сталкивается с рядом серьезных проблем.

Латинская Америка является традиционной зоной влияния США, поэтому активность Китая вызывает раздражение у американских властей и их партнеров, а также обвинения в адрес китайской стороны в недружественных шагах по отношению к Латинской Америке.

То есть экономические конкуренты и геополитические противники Китая в регионе стремятся дискредитировать Китай и создать ему негативный имидж. Через СМИ ведется работа по формированию антикитайских

⁶ Relaciones históricas entre revoluciones en evolución // El 19 Digital. 10.12.2021. URL: <https://www.el19digital.com/articulos/ver/titulo:123712-relaciones-historicas-entre-revoluciones-en-evolucion> (accessed: 22.05.2023).

⁷ Dújiā: “Yīdài yīlù” yǐ lāměi shí guó diàoyán bàogào [Эксклюзив: Отчет об исследовании десяти стран Латинской Америки в рамках инициативы «Один пояс, один путь»] // Информационный портал Baidu.com (на кит.). 19.10.2019. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1647802367345768544&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 22.05.2023).

настроений в обществах стран, в которых ведут проекты китайские компании. Надо отметить, что эта работа имеет долгосрочный характер и направлена на обывателей, то есть электорат. По этой причине высокопоставленные латиноамериканские чиновники не смогут игнорировать настроения общества и будут вынуждены предъявлять к китайским подрядчикам более высокие требования, что станет сдерживающим фактором развития китайской инвестиционной деятельности в регионе.

Строительство инфраструктуры, в частности объектов транспорта и энергетики, в любом случае наносит ущерб природе и несет экологические риски, что создает условия для роста антикитайских настроений.

Положение может усугубляться наличием несоответствий в экологических стандартах и законодательстве Китая и стран Латинской Америки. Надо отметить, что в Китае требования к экологическим показателям ниже, чем в Латинской Америке. Это обусловлено тем, что Китай, как и многие развивающиеся страны, в процессе своего экономического развития жертвовал экологией ради прогресса. Страны Латинской Америки имеют высокие требования к охране окружающей среды в силу близости своей культуры и законодательства к развитым странам, например, Испании и США.

Китайские эксперты отмечают, что, например, «в Бразилии действует более 20 тысяч нормативных актов, имеющих отношение к охране окружающей среды, а законы Бразилии об охране окружающей среды предусматривают, что корпоративная деятельность должна строго соответствовать «системе разрешений», не только для получения предварительного разрешения, но и для получения «лицензии на эксплуатацию» во время каждой конкретной операции после получения разрешения, в противном случае это представляет собой правонарушение»⁸.

Разницей в культуре и законодательстве также обусловлены проблемы в трудовых отношениях между латиноамериканской рабочей силой и китайскими работодателями. Если в Китае и других развивающихся странах требования трудового законодательства низкие, тогда как в Латинской Америке они относительно высокие, что служит основой для трудовых споров при найме китайскими компаниями местной рабочей силы.

Китайские компании предпочитают использовать китайскую рабочую силу, чтобы снизить временные издержки и избежать культурных различий. Это явление способствует росту ксенофобии среди латиноамериканцев.

Ряд стран выдвигает жесткие требования относительно обеспечения возможностей трудоустройства местного населения. В этом случае китайские компании сталкиваются с противодействием местных профсоюзов, незнанием трудового законодательства латиноамериканских стран и отсутствием

⁸ Wángyǒumíng: Yīdài yīlù "duìjiē lāměi yóu xū" liǎng tōng [Ван Юмин. Два пути для Латинской Америки в рамках инициативы «Один пояс, один путь»] // National Institute for South China Sea Studies (на кит.). 30.05.2019. URL: <http://www.nanhai.org.cn/search-detail/7885/1.html> (дата обращения 22.05.2023).

грамотных специалистов, способных урегулировать отношения между работодателем и работниками.

Другая проблема — обеспечение безопасности. Во многих странах Латинской Америки сложная криминогенная обстановка, существуют наркокартели и банды, деятельность которых может угрожать безопасности китайского персонала и создавать препятствия для ведения бизнеса, в том числе в области инфраструктурного строительства.

Еще одна проблема — политические риски. Реализация крупных проектов, особенно в сфере инфраструктуры, требует длительного периода времени. Многие страны Латинской Америки характеризуются бурной политической жизнью, политическая борьба в них очень активна. Положение усугубляется тем, что эта борьба может подпитываться извне — западные страны могут прилагать усилия, чтобы привести к власти лояльного им кандидата. Очевидный пример — политический кризис в Венесуэле, когда прозападные силы пытались привести к власти Хуана Гуайдо. Венесуэла под управлением Мадуро является одним из основных союзников Китая в ЛА. В случае прихода к власти Гуайдо ситуация могла поменяться коренным образом. Можно предположить, что в случае его прихода к власти китайские инвестиции были бы под различными предложениями национализированы, а новое правительство Венесуэлы отказалось бы платить по кредитам китайских банков. Подобную ситуацию можно было наблюдать в Никарагуа: в период первого срока президентства Даниэля Ортеги (1985–1990) были установлены дипломатические отношения с Китаем, при следующем президенте Виолете де Чаморро были установлены официальные отношения с Тайванем, а с Китаем — разорваны, в конце 2021 года к власти опять пришел Ортега, разорвал отношения с Тайванем и восстановил с Китаем.

В связи с этим можно прогнозировать, что политика китайских властей и китайских компаний в Латинской Америке будет претерпевать изменения и усовершенствования.

Во-первых, можно ожидать, что китайские власти будут стимулировать развитие латиноамериканистики в Китае. По состоянию на 2018 год в материковом Китае насчитывалось более 100 учебных заведений (исключая Гонконг, Макао и Тайвань), предлагающих изучение испанского языка. Это число в 8 раз больше, чем в 1999 году; за тот же период число учебных заведений с изучением португальского также выросло с 2 до 30 с лишним. С 2010 года Министерство образования КНР приступило к реализации плана стимулирования создания региональных исследований, что принесло значительные результаты. По состоянию на 2018 год в Китае насчитывалось почти 60 исследовательских центров, изучающих латиноамериканские страны⁹. С учетом роста числа крупных проектов, необходимости защиты китайских

⁹ Dài yīlù wèi lāměi guójiā jīngjì tígōng téngfēi de chībǎng [«Один пояс, один путь» дает экономике Латинской Америки крылья для полета] // Жэньминьван (на кит.). 18.04.2019. URL: <http://world.people.com.cn/n1/2019/0418/c1002-31037586.html> (дата обращения 22.04.2023).

инвестиций и укрепления с этой целью политических связей вполне логичным будет усиление динамики подготовки в Китае кадров со знанием испанского и португальского, обладающих соответствующими регионоведческими навыками.

Во-вторых, можно ожидать притока в китайские вузы студентов из латиноамериканских стран для изучения китайского языка и формирования у них дружественного по отношению к Китаю мировоззрения¹⁰. Китайские университеты охотно принимают студентов из развивающихся стран¹¹.

В-третьих, с учетом роста объемов сотрудничества можно ожидать широкое внедрение механизмов расчетов в национальных валютах между Китаем и странами Латинской Америки. Этот процесс уже начался. В частности, в конце марта этого года Бразилия заключила с Китаем соглашение о взаиморасчетах в юанях и реалах без использования американских долларов. Так как товарооборот сторон превышает 150 млрд долл., отказ от доллара подразумевает масштабную «юанизацию» бразильской экономики¹². То же самое можно будет ожидать и в отношениях Китая с другими странами Латинской Америки¹³. С учетом того, что уровень инфляции в Китае ниже, чем в большинстве стран ЛА, можно предположить, что компании-партнеры с обеих сторон будут предпочитать расчеты, в первую очередь, в юанях. Это укрепит геополитическое положение Китая в регионе, позволит снизить финансовые риски и издержки.

Китай к этому готовится, создавая банковскую инфраструктуру в регионе. В настоящее время ряд китайских государственных и коммерческих банков, включая таких гигантов, как Промышленно-торговый банк Китая (ICBC, также по ряду показателей считается крупнейшим банком в мире), Банк Китая, Строительный банк Китая и Транспортный банк Китая, открыли более 10 филиалов в Латинской Америке¹⁴.

Другим направлением китайской политики на латиноамериканском направлении станет углубление культурных связей, в частности, распространение достижений китайской культуры на континенте — продвижение китайских фильмов и сериалов, художественных произведений, организация

¹⁰ *Estudia en China para estudiantes de Argentina // Study in China*. 2022. URL: <https://www.vozdeamerica.com/a/claves-para-entender-el-avance-de-china-en-las-universidades-de-latinoamerica/6509556.html> (accessed: 22.04.2023).

¹¹ *Claves para entender el avance de China en las universidades de Latinoamérica // Vozdeamerica*. 2022. URL: <https://www.vozdeamerica.com/a/claves-para-entender-el-avance-de-china-en-las-universidades-de-latinoamerica/6509556.html> (accessed: 22.05.2023).

¹² *Brasil y China generan acuerdos para eludir el dólar // Diario las Americas*. 2023. URL: <https://www.diariolasamericas.com/americas-latina/brasil-y-china-generan-acuerdos-eludir-el-dolar-n5333000> (accessed: 22.04.2023).

¹³ *China, Brazil Strike Deal to Ditch Dollar for Trade // The Straits Times*. 2023. URL: <https://www.straitstimes.com/world/china-brazil-strike-deal-to-ditch-dollar-for-trade> (accessed: 22.04.2023).

¹⁴ *Banco chino ICBC abre su primer sucursal en México // Forbes México*. 2015. URL: <https://www.forbes.com.mx/banco-chino-icbc-abre-su-primer-sucursal-en-mexico/> (accessed: 22.05.2023).

гастролей современных поп-групп и т.д. Китайская сторона уже имеет подобный опыт на Ближнем Востоке¹⁵ и в Африке¹⁶.

Цель наращивания гуманитарного сотрудничества заключается в формировании положительного образа китайцев в латиноамериканском обществе как условия повышения степени взаимопонимания и улучшения коммуникации между китайскими компаниями и латиноамериканскими обывателями, искоренения в их сознании понятия «китайская угроза», культивируемого западными странами.

В современных условиях международное сотрудничество должно иметь социальную поддержку. Как сказал лидер Китая Си Цзиньпин в своей речи на саммите, посвященном «Одному поясу, одному пути» 14 мая 2017 года, «дружба между странами заключается в дружбе между людьми, а дружба между людьми заключается в сердечном общении»¹⁷. Таким образом, китайская сторона рассчитывает снизить вероятность массовых протестов против реализации проектов с участием китайских компаний.

Китайские эксперты отмечают недостаточность информационной поддержки актов благотворительности и гуманитарной помощи со стороны Китая в адрес латиноамериканских стран. По мнению китайских специалистов, скромность и принцип «делать добро, не оставляя имени» наносят ущерб работе китайских компаний в Латинской Америке¹⁸. Имеется в виду то, что китайские компании оказывают властям латиноамериканских стран помощь в решении общественных проблем, но не афишируют это в местных СМИ.

Западные конкуренты Китая напротив активно взаимодействуют с журналистами и могут с их помощью организовывать демонстрации и общественные протесты с целью затормозить или остановить реализацию проектов с китайским участием под предлогом экологического или иного ущерба латиноамериканским странам. Западные компании также широко используют СМИ для того, чтобы формировать общественное мнение в свою пользу — даже

¹⁵ Zhōngguó hǎo jù zhōngdōng rè bō [Китайские драмы становятся хитами на Ближнем Востоке] // China-Arab State Cooperation Forum (на кит.). 05.11.2021. URL: http://www.chinaarabcf.org/zagx/rwjl/202111/t20211105_10444599.htm (дата обращения: 22.05.2023)

¹⁶ Zhōngguó diànshì jù rè bō fēizhōu dàlù jiāting lúnlǐ tícái shòu huānyíng [Китайская телевизионная драма выходит на африканский континент, жанр семейной этики особенно популярен] // GulfInfo.ae, (на кит.яз.) 23.01.2015 URL: <http://www.gulfinfo.cn/info/show-4269.shtml> (дата обращения 21.05.2023).

¹⁷ Xíjìnpíng zài yīdài yīlù guójì hézuò gāofēng lùntán kāimù shì shàng de yǎnjiǎng (quánwén) [Выступление Си Цзиньпина на церемонии открытия Форума международного сотрудничества «Один пояс, один путь» (полный текст)] // Belt and Road Forum for International Cooperation (на кит.). 14.05.2017. URL: <http://www.beltandroadforum.org/n100/2017/0514/c24-407.html> (дата обращения: 22.05.2023).

¹⁸ Wángyǒumíng: Yīdài yīlù "duìjiē lāměi yóu xū" liǎng tōng [Ван Юмин. Два пути для Латинской Америки в рамках инициативы «Один пояс, один путь»] // Huanqiuwang (на кит.). 29.05.2019. URL: <https://m.huanqiu.com/article/9CaKrnKkLNd> (дата обращения: 22.04.2023).

незначительные общественно значимые проекты широко освещаются для получения одобрения со стороны латиноамериканских обывателей.

Из этого можно сделать вывод о том, что до настоящего времени китайские компании в силу особенностей китайской культуры делали ставку на взаимодействие с отдельными латиноамериканскими руководителями (развивали т.н. «гуаньси»), принимающими решения, а не с широкими народными массами, что является упущением. Поэтому можно предположить, что в ближайшие годы китайское участие в латиноамериканских СМИ возрастет.

В заключение можно сделать общий вывод о том, что Латинская Америка привлекательна для Китая не только в экономическом, но и в геополитическом плане в силу своей близости к главному противнику Китая — Соединенным Штатам Америки. Китайская сторона готова инвестировать в усиление своих позиций в регионе существенные суммы, превышающие инвестиции Китая в Африку и Европу, что демонстрирует значимость ЛА для Китая и расстановку приоритетов в китайской внешней и внешнеэкономической политике.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Яковлев П.П. США и КНР в Латинской Америке: контуры конкуренции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 1. С. 47—58. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2019-19-1-47-58>
2. Лавут А.А. Новый этап развития китайско-латиноамериканских отношений // Латинская Америка. 2018. № 12. С. 59—73. <https://doi.org/10.31857/S0044748X0002316-6>
3. Чжао Инин. Отчет об исследовании десяти стран Латинской Америки в рамках инициативы «Один пояс, один путь» // Портал «Один пояс, один путь». 19.10.2019. URL: <https://www.yidaiyilu.gov.cn/xwzx/gnxw/106783.htm> (дата обращения: 22.04.2023).
4. Carola Ramon-Berjan. Globalización con “características chinas”. El creciente rol de China en América Latina y el Caribe y sus principales desafíos // Pensamiento propio. Diciembre, 2019. Vol. 49. -50. URL: <http://www.cries.org/wp-content/uploads/2019/08/PP-49-50-web.pdf>
5. Bogado Bordazar L.L., Stiviano M.F., Caubet M. China: una nueva estrategia geopolítica global: la iniciativa la Franja y la Ruta // Universidad Nacional de La Plata, Facultad de Ciencias Jurídicas y Sociales. 2019. URL: [libroRutaDeLaSeda2019\(1\).pdf](http://libroRutaDeLaSeda2019(1).pdf) (accessed: 22.04.2023).
6. Minor R. La desaceleración del gigante asiático y su impacto político y económico en América Latina // América Latina y el Caribe y China. Economía, Comercio e Inversión. 2018. URL: https://www.redalc-china.org/v21/images/seminario/2018/B2/20180528_CECHIMEX_desaceleracion_gigante_asiatico_impacto_politico_economico_America_Latina_Rebeca_Rodriguez_Minor.pdf (accessed: 22.04.2023).
7. Зверева В.С. Китай на просторах Латинской Америки: современные геополитические реалии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 2. С. 171–183. <https://doi.org/10.18384/2310-676X-2019-2-171-183>

REFERENCES

1. Jakovlev P.P. USA and China in Latin America: Contours of Competition. *Vestnik RUDN. International Relations*. 2019; 19 (1): 47—58. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2019-19-1-47-58> (In Russ.).
2. Lavut A.A. Novyj jetap razvitiya kitajsko-latinoamerikanskih otnoshenij [A New Stage in the Development of Chinese-Latin American Relations]. *Latinskaja Amerika*. 2018;12:59—73. <https://doi.org/10.31857/S0044748X0002316-6> (In Russ.).

3. Chzhao Inin. Otchet ob issledovanii desjati stran Latinskoj Ameriki v ramkah iniciativy «Odin pojas, odin put'» [Report on the Study of ten Latin American Countries within the Framework of the “One Belt, One Road” Initiative]. *Portal «Odin pojas, odin put'»*. 19.10.2019. URL: <https://www.yidaiyilu.gov.cn/xwzx/gnxw/106783.htm> (accessed: 22.04.2023) (In Chin.).
4. Carola Ramon-Berjan. Globalización con “características chinas”. El creciente rol de China en América Latina y el Caribe y sus principales desafíos. *Pensamiento propio*. Diciembre; 2019; 49–50. URL: <http://www.cries.org/wp-content/uploads/2019/08/PP-49-50-web.pdf> (accessed: 22.04.2023) (In Span.).
5. Bogado Bordazar L.L., Stiviano M.F., Caubet M. China: una nueva estrategia geopolítica global: la iniciativa la Franja y la Ruta. *Universidad Nacional de La Plata, Facultad de Ciencias Jurídicas y Sociales*. 2019. URL: [libroRutaDeLaSeda2019 \(1\).pdf](#) (accessed: 22.04.2023) (In Span.).
6. Minor R. La desaceleración del gigante asiático y su impacto político y económico en América Latina. *América Latina y el Caribe y China. Economía, Comercio e Inversión*. 2018. URL: https://www.redalc-china.org/v21/images/seminario/2018/B2/20180528_CECHIMEX_desaceleracion_gigante_asiatico_impacto_politico_economico_America_Latina_Rebeca_Rodriguez_Minor.pdf (accessed: 22.04.2023) (In Span.).
7. Zvereva V.S. Kitaj na prostorah Latinskoj Ameriki: sovremennye geopoliticheskie realii [China in the Vastness of Latin America: Modern Geopolitical Realities]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Istorija i politicheskie nauki*. 2019;2:171–183. <https://doi.org/10.18384/2310-676X-2019-2-171-183> (In Russ.).

Информация об авторе:

Батанова Светлана Валентиновна — старший преподаватель департамента иностранных языков и межкультурной коммуникации факультета международных отношений, Финансовый университет при Правительстве РФ (ORCID ID: 0009-0008-8331-5644) (e-mail: svet_cn@mail.ru).

Information about the author:

Svetlana V. Batanova — Senior Lecturer of the Department of Foreign Languages and Intercultural Communication of the Faculty of International Relations, Financial University under the Government of the Russian Federation (Russian Federation) (ORCID ID: 0009-0008-8331-5644) (e-mail: svet_cn@mail.ru).

DOI: 10.22363/2312-8313-2023-10-2-248-268

EDN: GVOAAH

Research article / Научная статья

Work Ethics Practices and Employee Retention Towards Economic Recovery in the Brewery Industries of Lagos Metropolis, Nigeria

Babalola O. Oginni , Isola O. Ayantunji ,
Folakemi O. Larnre-Babalola , Zacchaeus O. Olonade ,
Kolawole S. Ajibola , Ramat A. Balogun , Waseu G. Adebayo

Osun State University,
4494, Osogbo, Nigeria

 babalola.oginni@uniosun.edu.ng

Abstract. The study investigated work ethics practices and employee retention in the manufacturing industries in Lagos, Nigeria with focus on the Nigerian Breweries, Lagos as the unit of analysis. The study identified work ethics practices found operational to include integrity accountability, professionalism, and respectfulness. The corresponding relationship between these work ethics practices and employee retention was also evaluated with the view to providing information on how work ethics practices influence employee retention. The study made use of primary data with the aid of a structured questionnaire administered to 300 respondents randomly to elicit information from the selected respondents. It was found that integrity as a practice was prevalent among other practices found to be operational in the area of study and also found that there exists a significant positive relationship among all the variables of work ethics practices and employee retention where accountability practice with employee retention ($r = 0.546$, $p < 0.05$), respectfulness practice with employee retention ($r = 0.677$, $p < 0.05$), professionalism practice with employee retention ($r = 0.658$, $p < 0.05$) and integrity practice with employee retention ($r = 0.748$, $p < 0.05$). It was concluded that work ethics practice is a good cost control strategy to sustain employee retention without incurring additional costs, especially in the wake of economic recession and recovery. Thus, recommended that the management of the Nigerian Breweries should institutionalise work ethics practices and educate employees of the organisation on the essence of the practices.

Keywords: work ethics practices, retention, professionalism, integrity, accountability

Conflicts of interest: The authors declared no conflicts of interest.

Article history:

The article was submitted on 18.02.2023. The article was accepted on 03.04.2023.

For citation:

Oginni B.O., Ayantunji I.O., Larnre-Babalola F.O., Olonade Z.O., Ajibola K.S., Balogun R.A., Adebayo W.G. Work Ethics Practices and Employee Retention Towards Economic Recovery in the Brewery Industries of Lagos Metropolis, Nigeria. *RUDN Journal of Public Administration*. 2023;10(2):248–268. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2023-10-2-248-268>

Introduction

The rationale behind the existence of any business organization is to meet the existing needs of the people in their locality or outside their locality and these identified needs must be satisfied satisfactorily for the organisation to attain the profit maximization objective. This organisation in question consists of people who will interact with the organisational resources to attain the objective amid competition on account of their unique characteristics such as character, skills, knowledge, ability, resilience, experience, qualifications, etc. The implication is that organisation is as good as the cream of people in her workforce which made human resource to be an important element among other resources (material, money, machine, method, market) as these people cannot be imitated nor substituted like other resources in the workplace [1]. Price [2] also buttressed the importance of people in the workplace without relegating the significance of other resources. It was however argued further that the stability of the workforce is the chief determinant of what happens within the operations of a business organisation as the frequent influx of people in and out of the organisation would be inimical to the overall attainment of the profit objective of a business.

It is therefore expedient for the management to do what will encourage employees to stay in the organisation for a long time to sustain operational culture and avoid the unnecessary cost associated with labour turnover although Akindele [3] believed that there is no close organisation without movement in and out, this movement should be controlled to a bearable minimal level otherwise, it may lead to loss of good image, goodwill, and reputation among other negative implications. Since employee mobility is expected, organisations should strive to keep competent employees in other to meet business objectives. The earlier work of Oginni, Ogunlusi, and Faseyiku [4] had earlier raised the concern raised by Akindele and posited that the health and long-term success of any organization depends on employee retention wherein the operational culture of an organisation is sustained for improved productivity and good employment relationship characterised by industrial peace and harmony. Shibiti [5] asserted that employee retention connotes motivation at work that serves as a driving force encouraging employees to be willing to remain with the organisation over a considerably long period. This justifies the significance of MAN at work; therefore, the management of a business organisation must understand why people leave their present workplace for another and institute a strategy that is cost-effective for implementation with a focus on how to encourage employees to remain with the organisation over a long period [6].

Miller, Woehr, and Hudspeth [7] believed that this is a function of many motivational strategies often referred to as employee retention strategies including but not limited to job security, recognition and reward, infrastructural facilities, dignity and respect, competitive pay, training support, and work ethics, talent management, and succession planning, etc. Any of these or combination of these strategies could be adopted to make employees willing to remain with the organisation over a long period. The work of Price [2] on labour turnover and

organisational productivity revealed that most of the employee retention strategies could be costly and in the wake of economic recession, may not be practicable rather increase the overhead cost, however, posited that organisations should concentrate on the few ones that are not with financial incentive undertone such as dignity, recognition, and respect as well as work ethics although work ethics, in reality, was considered to subsume dignity, recognition, and respect. It involves the ascription of values to how work is being carried out on daily basis without prejudice to the interests of all the stakeholders. Adewale [8] believed that work ethics is a double-edged sword among others; is a cost control strategy on account that it identified certain principles to be followed by employees in the workplace while discharging all work-related tasks assigned for effective and efficient performance and at the same time, shapes behaviour in the workplace i.e. a junction box where every other thing springs up in the organisation by determining the prevailing atmosphere in the work environment in terms of the performance of operations. These certain principles include honesty, fair play, integrity, respectfulness, teamwork, courtesy, competence, professionalism, transparency, accountability, etc., and the operationalisation of these principles in the workplace is described as the work ethics practices [9].

Statement of the Problem

As of today, the Nigerian economy is undergoing a lot of challenges, and this is affecting virtually every aspect of the operational activity of business organisations in the country without any exception and now tending towards economic meltdown. In response to this economic meltdown, most of the business organisations in the manufacturing industries have adopted cost control as a strategy to cope with these challenges to induce economic recovery and remain in business. The challenges tending towards economic meltdown have affected the ability of various organisations, especially the manufacturing industries to meet their obligations toward employees, especially their needs and aspirations thus becomes a potential source for employers' inability to retain their valued employees which invariably made employees nomadic by seeking for jobs elsewhere and also one of the reasons behind loss of profit due to the instability of their workforce.

The path out of this inability of organisations is to adopt a cost control strategy which ranges from renegotiating contracts with more favourable terms, getting more competitive bids from different vendors, improving product quality to reduce rework and scrap, reducing the number of items carried in inventory to reducing employee expenses with better expense management. In reality, employers find it very easy to go for the reducing employee expenses option as against any of the other options in the cost control strategy although this does not suggest that employers would develop a laissez-faire attitude to frequent disengagement of employees from their organisation either voluntarily or involuntarily rather find a way keep competent employees to attain her primary objective and this made employee retention critical to the long-term health and success of any business organizations since employees are

considered as the life-wire of organisation upon whose survival of the organisation largely depends on.

Out of many options that could be used to make competent employees remain with an organisation, work ethics practices become the viable option in the face of economic meltdown among all the retention strategies at the disposal of the organisation because it subsumes all other strategies and beneficial to both the organisation and employees. This explains why organisations in today's business world are now prioritising work ethics practices upon which business activities are being conducted and none of these elements of work ethics practices could cost an organisation a fortune if established and operationalised rather, to reposition the organisation towards economic recovery and workforce stability. It is, therefore, pertinent and imperative to know the work ethics practices in the manufacturing industries, especially that of brewery industries in Lagos Metropolis, and to understand how the work ethics practices impacted the relationship with employee retention towards the economic recovery in the face economic meltdown and workforce stability. It is, however, worth noting that despite the enormous amount of literature on work ethics and employee retention, research studies in these areas have been few and have not been properly integrated and there is little evidence about work ethics practices and employee retention in Nigeria especially in the manufacturing industries, hence this study.

Literature Review

Work Ethics

Work ethics is about an adaptation of standards codes of conduct, rules, and regulations to the operational activities of an organisation. i.e. it is a set of moral principles or values that an employee abides by and makes use of on daily basis in their job performance [10]. According to Heelas [11], work ethics involves the ascription of value to work performance. To Stephen [12]. It is a set of values centred on the importance of work and manifested by determination or desire to work hard which is contingent upon moral guidelines that an organization and the individuals who are in the workforce comply with without any violation of any existing laws. The earlier views of Agi [13] corroborated this position and posited that work ethics identified principles to be followed by workers in a workplace and it entails everything that surrounds the kind of work each employee does and also shapes their behaviour towards the assigned tasks within the work environment.

Dimensions of Work ethics Practices

Lawrence [14] postulated seven (7) work ethics practices with a belief that a strong work ethic is vital to an organisation achieving its goals. When any business is starting up or even ongoing, it is crucial to keep certain values in mind.

This allows the organisation to achieve maximum customer satisfaction thus increasing profits. These ethical practices include professionalism, accountability, respectfulness, dedication, determination, humility, and dependability. In the views of Odu and Akhigbe [10], work ethics practice revolves around hard work, dedication, discipline, and productivity however, posited that teamwork, integrity, responsibility, determination, and accountability as well as dependability, humility, respectfulness, and professionalism were integral elements of work ethics practices. This corroborated the earlier work of Heelas [11] and Lawton and Doig [15] where it was posited that work ethics practice is characterised by integrity, values, accountability, commitment, competence, transparency, honesty, respectfulness, non-conflict of interest, fairness, and equity in the interpersonal relationship [7]. This position was corroborated by Williams although trustworthiness was added to make the components of work ethics practices to be increased to eight (8) while Hammed and Sammad [16] placed a premium on integrity, professionalism, and humility as the work ethics practices and tools to drive attainment of organisational objectives and employees' expectation from the workplace. However, the works of McShane and Von cited by Abiodun [17] on what constitutes work ethics practices summarised different elements constituting work ethics practices to include integrity, professionalism, accountability, and respectfulness. It was argued that all other elements of work ethics practices earlier identified by different scholars could be conveniently situated in any of the four dimensions identified.

Work ethics practice relates to individuals in an organisational setting who believed that work and diligence have a moral benefit and it is an inherent ability, virtue, or value to strengthen character and individual abilities [18]. With this, Kumara and Dutta [19] believed that work ethics has a strong link with employees' behaviour in the workplace, and the outcomes of this behaviour have an impact on the attainment of organisational objectives which could be positive or negative. This was also supported by the works of Owuor, Nyambegera, and Wainaina [20] who believed that there is a link to behaviouralism. Since it involves behavioural approach from employees to comply with the set standards of behaviour believed to be adequate for actualising the organisational objectives, it then implies that a set of stringent disciplines expected from employees such that honesty, loyalty, courtesy, fairness, courage, and commitment become paramount in the course of performing their duties vis-a-vis the expectation of work ethics embedded in integrity, values, accountability, commitment, competence, transparency, honesty, respectfulness, non-conflict of interest, fairness, and equity in interpersonal relationship.

Adewale [8] asserted that the state of congruence between the work ethics expectation and behavioural pattern exhibited by employees in the workforce will have a combined effect on the movement of employees in and out of the organisation and on the part of the management, stability in the mobility of the workforce becomes paramount to accomplish the predetermined objectives of the organisation. This supported the earlier work of Hammed and

Sammad [16] although it was argued that the prevailing work ethics practices in the workplace would determine the behaviour of employees, especially retention decisions whether to identify with the organisation or not if to identify, would it be for a short or long period to come. The works of McShane and Von cited by Abiodun [17] on what constitutes work ethics practices in the workplace including accountability, respectfulness, professionalism, and integrity form the bedrock of this study on account that other forms of work ethics practices identified could say to be subsumed in these four practices proposed by McShane and Von.

Accountability

This is about taking what is known as personal responsibility for every action and outcome in every situation in the world of work i.e. avoidance of excuses when things do not proceed as planned and admitting mistakes or oversight without shifting such mistakes or oversight to others [14]. At the same time, any error in decision-making or modus operandi should be considered as a learning experience curve and such should propel an environment that would encourage the employee to use initiative, creativity, and innovation in the course performing different tasks [9; 17]. To Williams, it signifies the degree of freedom enjoyed by employees in their place of work towards work performance which often determines their level of satisfaction with their job and this supported the earlier work of Shields and Ward that employees considered the degree of freedom enjoyed in their place of work either towards the performance of work or work environment caused by organisational policies. Brown and Treviño [21] position corroborated this and opined that accountability practices in the workplace influence employee decision on the desire to continue identifying with an organisation or leave an organisation [22]. Therefore, hypothesis 1 is hereby formulated to show that H_1 : there is a positive relationship between accountability practice and employee retention.

Respectfulness

This connotes showing diplomatic concerns i.e. respect for others irrespective of the prevailing circumstance whether it is under conducive, pressure, or difficult circumstances [17]. The position of Lawrence [14] was supported by that of Abiodun who believed that respectfulness in the workplace is about mutual respect between and among employees and employees, employees and management, and management and the host community, employee, management, and clients. It was argued further that where the respectfulness practice is found to be satisfactory, it builds feelings of trust, safety, and well-being in the workplace, especially in the labour-management relationship which further strengthens industrial stability, peace, and harmony. Adewale [8] believed that respectfulness as a practice in the world of work imbibed caring, courage, citizenship, honesty, and fairness as well as dignity often impacted the mobility of employees which every

business organisation must watch and, in the process, identified three dimensions of respectfulness are human recognition, status recognition, and appraisal respect. Hammed and Sammad [16] argued that respectfulness helps to promote a positive work culture in which employees are fulfilled, loyal, engaged, and motivated to perform at their best and placed, a premium on integrity, professionalism, and humility. Kumara and Dutta [19]; Stephen [12], and Hayat et al [18] corroborated the outcome of Hammed and Sammad's work on respectfulness and posited that where the degree of respectfulness/humility is low, it poses threat to the health and success of the organisation and influences employees' mobility on account of tension in the atmosphere of the work environment. Hence, the second hypothesis is postulated such that H_2 : there is a positive relationship between respectfulness practice and employee retention.

Professionalism

This is about the conduct of business activities under the dictate of the established rules and regulations of an organisation without any violation of the professional codes of ethics or a set of moral standards i.e. doing things right in an excellent way considered to be accepted without any infringement and this is characterised by competence, knowledge, conscientiousness, and confidence which forms the basis of employee performance at work [8; 16]. To Hammed and Sammad [16], professionalism connotes among other things ethics, morals, and standards of behaviour to imply acceptable attitude, appearance, and manners. For example, showing up at work on time, focusing on the task at hand, and cooperating with co-workers. In addition, the way one speaks, acts, looks, and makes decisions. Stephen [12] supported this and posited that professionalism involves caring about one's job, the organisation, and co-workers and concluded that it helps to separate business affairs from personal affairs and keeps relationships limited to the context at hand. Al-Nashash, Panigrahi, and Darun, [23] the act of professionalism practices by an organisation gives employees a good image outside the work environment and this serves as an ego booster for the employees which has often been a reason for the employee employment decision. To Brown and Treviño [21], the organisational environment that provides enabling for professional practice is of paramount importance to employees, and congruence in the work demands and employees' expectations raised concerns about their mobility [18]. Based on this, hypothesis 3 is formulated to show that H_3 : there is a positive relationship between professionalism practice and employee retention.

Integrity

Abiodun [17] described integrity as a state of virtuousness in the behaviour of employees and the organisation thus serving as the basis for getting things done in the organisation i.e. doing the right thing because

it's the right to do no matter what. It implies consistent behaviour without wavering on matters that could always discredit or question dependability and this embraces honesty, trustworthiness, and sound moral principle [20]. Kumara and Dutta [19] posited that integrity is more of personal behaviour and it is an inborn moral conviction to do what is right and forgo what is wrong regardless of the consequences that are attached to decisions. The work of Abiodun [17] agreed with the position of Kumara and Dutta [19] that integrity is an inborn moral conviction to do what is right and, on that basis, classified integrity into three namely internal integrity, external, and image integrity although it was argued further that the significance of integrity is not just restricted to the personal level, it is also significant at workplace level. Owuor et al, [20] asserted that an integrity atmosphere in the work environment fosters a positive workplace culture while distrustful behaviour can make the work environment uncomfortable and tense. In addition, postulated that organisation that is known for integrity practice performs better and earned credulity in the face of all the stakeholders. Akinlade, Gberevbie, and Adesuyi, [24] opined that integrity in the workplace is mutually exclusive to both employee and employer as employees will not want to deal with an employer who does not keep their words and likewise employer will not want to deal with an employee who could not keep their words [18]. Hence, the postulation of the fourth hypothesis shows that H_4 : there is a positive relationship between integrity practice and employee retention.

Employee Retention

In the views of Oginni and Lanre-Babalola [6], employee retention centres around how employees are treated in the workplace which is evident by the action or inaction of the management in the workplace that would invoke employee positive attitude in the work environment and that willingness to identify with an organisation over a while. This corroborated the views earlier expressed by Price [2] that retention is a systemic effort of the employer to create and foster an environment that would motivate employees to remain with a particular organisation either for a long period or till the completion of a project. It was posited that such an environment would be achieved through human resource policies and practices that address employee driver's needs and was also corroborated by Oginni et al [14] that for employees to remain with an organisation over an identified period, it is a function of policies and practices adopted in the course of managing the human resource in the organisation. To Akindele [3] the policies and practices are put together to represent a term known as retention strategies which were described as what organisations put in place at any given time to reduce attrition ratio (a metric representing the percentage of employees who left an organisation over a specific period, which can either be voluntarily or involuntarily) and retain competent employees.

Akindele identified three results of retention strategy including retaining talented and productive employees; reducing employee labour turnover; and showing appreciation to employees for reasons best known to employers and concluded that retention strategy is the reality and application of motivational tools in the world of work and it varies from organisation to organisation on account of being contingent upon the nature and scope of the organisation while Van-Dyk [25] opined that the essence of retention strategy is to ensure that employee is identified with the organisation over a long period because salary alone could not be the basis for employee's decision to remain with an organisation. Williams supported this position of variations in the retention strategies offered by organisations and adduced forward that these retention strategies are similar in concepts and scopes, but the peculiarity of each organisation is responsible for the variations from service industries to manufacturing industries. This is similar to the position of Shibiti [5] that the operationalisation of retention strategies is environmentally based i.e. the prevailing characteristics in each of the business environments concerning economic, political, socio-cultural, demographic, physical environments, etc would influence what is made to the employees. Based on the variation of retention strategies offered by organisations.

Theoretical Review

The underpinning theory for this study was the two-factor theory postulated by Herzberg i.e. motivation-hygiene theory. The theory revealed the contents of what constitutes satisfier and dissatisfier factors in the workplace. It was posited that satisfiers are workplace motivators made available in the working environments and employment circumstances such as responsibilities and tasks, promotion, job duties, growth and opportunity for advancement and achievement and recognition by peers and supervisors while dissatisfiers are hygiene factors such as; working conditions; wages and workplace policies; supervisor-employee relationships; relationships with co-workers; and subordinate position or overall supervision. The implication is that employees do not leave their job on account of low pay or inadequate reward but are motivated to look for jobs elsewhere if felt that their work or contributions are not valued, and cannot trust the leadership to provide what it takes to succeed on the job and self-fulfilment. However, dissatisfier factors do not suggest neglect otherwise, it may lead to the closure of such organisation as the factors can work against the health of the organisation, the focus was that these factors do not serve as primary factors compelling employees to look elsewhere for an alternative job. To be motivated, the satisfier factors must be matched with the employee's qualifications, skills, interests, and personality and this is where work ethics practices come into being i.e. accountability, respectfulness, professionalism, and integrity as all are necessary elements in the workplace and also essential for business survival. Poor practice in any

of the work ethics practices has been adduced to be one of the primary reasons behind employees’ decision to seek employment opportunities elsewhere and vice versa.

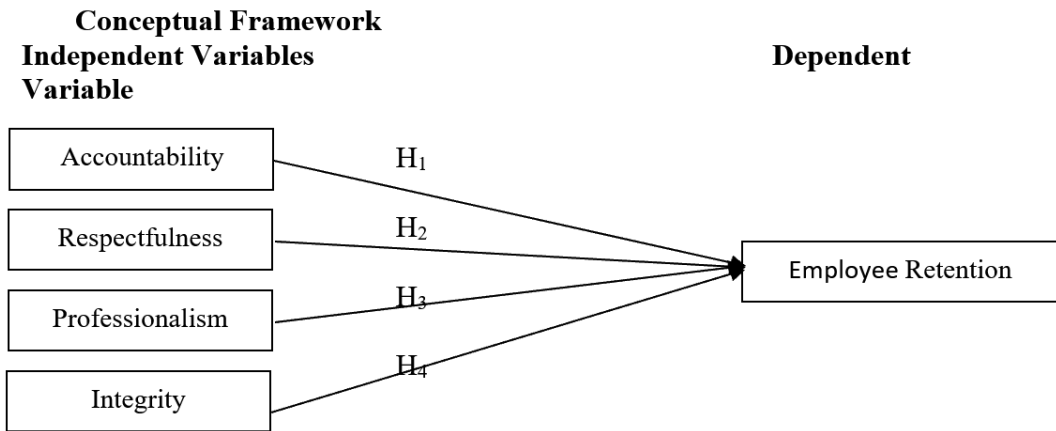

Fig. 1. Conceptual Framework for the Study
Source: Own research, 2022.

Methodology

The study adopted a survey research design and primary data was the source of data used for the study while the Nigerian Breweries Plc in Lagos, Nigeria was the unit of analysis. The sample size for the study was 298 which was obtained through the use of Taro Yamane’s formulae from the population of 1187 representing 25 % of the population. The questionnaire used to elicit relevant data was adopted from the works of Shama and Rai [26] for the independent variables and the dependent variable was that of Chen and Zhang [27]. The measurement for the independent variable has four variables with 18 measurement items and that of the dependent variable has 12 measurement items. The questionnaire was in line with Likert 5-point rating scale that ranged from strongly agree to strongly disagree. However, before the administration of the questionnaire, a pilot study was conducted which lasted for 2 months from July to August 2022 and the main study lasted for four months from October to January 2023. Overall, 300 questionnaires were administered randomly to the study’s respondents and 286 copies of the questionnaire were returned but 260 were found useful for the study’s analysis without prejudice to the features of the population and sample of the study. Data collected were analysed by using descriptive (percentage, frequency table, mean, and standard deviation) and inferential statistics (correlation).

Results

Data collected from the respondents selected for the study were presented and interpreted with the aid of Table and explanation.

Demographic Information of the Respondents

Table 1

Distribution of the Characteristics of the Demographic Information of the Respondents

Variables	Respondents' Characteristics	Frequency	Percentage
Age	Below 20yrs	20	8 %
	20–30yrs	37	14 %
	31–40yrs	54	21 %
	41–50yrs	95	37 %
	51yrs & above	54	21 %
	Total	260	100 %
Gender	Male	169	65 %
	Female	91	35 %
	Total	280	100 %
Marital Status	Single	78	30 %
	Married	134	52 %
	Widow	38	15 %
	Divorced	10	4 %
	Total	260	100 %
Educational Qualifications	SSCE	40	15 %
	OND/NCE	48	18 %
	B. Sc./HND	134	52 %
	M. Sc.	38	15 %
	Total	260	100 %
Professional Qualifications	No Membership	189	73 %
	Membership	71	27 %
	Total	260	100 %
Work Experience	Less than 5yrs	24	9 %
	6.-10yrs	47	18 %
	11 -15yrs	73	28 %
	16–20yrs	82	32 %
	21yrs & above	34	13 %
	Total	260	100

Source: Field Survey, 2022

Table 1 has information on the demographic characteristics of the Respondents. On the age of the respondents, it showed that the entire workforce is relatively young as the majority of the respondents were under the age of 51 years i.e. 79 % of the respondents. It was also of interest to note that 21 % of the respondents were within the range of 31–40 years and the same for 51 years. It can be extrapolated that an organisation with a young population may experience employee mobility except something is put in place to checkmate it. The Table also showed the gender of the respondents to imply more males than females in the organisation where

male respondents have 65 %. On the marital status, it was evident that most of the respondents were married representing 52 and 30 % were single which was also high. On the educational qualifications, the respondents were literate as none were without one certificate or the other. On work experience, it was evident that 73 % of the respondents have spent a minimum of 11 years in that organisation to imply that the respondents have overall knowledge of the organisation and were considered adequate to understand every aspect of work ethics practices. If the result of the work experience is linked with the age and marital status of the respondents, it implies that the organisation has done something that made employees stay for a longer period in the organisation

Objective 1: Evaluate work ethics practices in the Nigerian Breweries, Lagos State towards employee retention

Table 2

Descriptive Analysis of Work Ethics Practices in Nigerian Breweries toward Employee Retention

Work Ethics Practices	Measurement Scales/Percentage					Mean Scores	Std. Error	Std. Deviation	Rank Score	R
	SD (1)	D (2)	N (3)	A (4)	SA (5)					
Accountability	55 (21)	48 (18)	78 (30)	40 (15)	39 (15)	3.04	0.011	1.345	4	A
Respectfulness	-	10 (4)	54 (21)	103 (40)	93 (36)	4.03	0.051	1.075	2	A
Professionalism	-	66 (25)	55 (21)	99 (38)	40 (15)	3.43	0.068	1.331	3	A
Integrity	-	4 (2)	25 (10)	120 (46)	111 (43)	4.30	0.014	1.004	1	A

Source: Field Survey, 2022

Remarks = R where Agreement (A) is $\geq 3/0$ and Disagreement (D) is ≤ 3.0

Table 2 has descriptive statistical information on objective one (1) which sought to evaluate work ethics practices found in operation in the Nigerian breweries, Lagos towards employee retention in the wake of economic recovery. Four work ethics practices were found to include accountability, respectfulness, and professionalism as well as integrity. The table showed that the mean score for integrity practice ranked highest which was 4.30 with a standard deviation of 1.004, followed by respectfulness practice with a mean score of 4.03 and standard deviation of 1.075, and next to this, was professionalism practice with a mean score of 3.43 and standard deviation was 1.331 while accountability practice was ranked last with a mean score of 3.04 and standard deviation was 1.345, The implication of this result was that integrity practice has the highest mean among other variables of work ethics practices and thus, should be given priority with high premium to drive employee retention. This was also supported by the agreement criterion where the mean score was set at ≥ 3.0 and 89 % of the respondents agreed that the pursuant of integrity in the work as evident through competence, initiative, and trust as well as dignity in mutual interaction would

sustain employee retention. However, this does not suggest that other practices do not have a potent force to drive employee retention as these practices also met the agreement criterion. Hence, objective 1 was achieved

Objective 2: Investigate the relationship between Accountability Practice and Employee Retention in the Nigerian Breweries in Lagos State

Table 3

Correlational Matrix Result for the Relationship between Accountability Practice and Employee Retention

			Accountability Practice	Employee Retention	
Spearman's rho	Accountability Practice	Correlation	1.000	.546**	
		Coefficient		.000	
		Sig. (2-tailed)		260	
	Employee Retention	N		.546**	1.000
		Correlation		.000	
		Coefficient		260	260
		Sig. (2-tailed)			
		N			

**Correlation is significant at the 0.05 level (2-tailed)

Objective 2 investigated the relationship between accountability practice and employee retention in the selected area of study. The correlational matrix depicted in Table 4 showed there was a positive relationship between accountability practice and employee retention where $r = 0.546$ indicating a moderate relationship. Similarly, the result of the Spearman test proves that the relationship is significant at 0.05 level of significance. Therefore, objective 2 and hypothesis 1 of the study were achieved.

Objective 3: Examine the relationship between respectfulness practice and Employee Retention in the Nigerian Breweries in Lagos State.

Table 4

Correlational Matrix Analysis for the Relationship between Respectfulness Practice and Employee Retention

			Respectfulness Practice	Employee Retention	
Spearman's rho	Respectfulness Practice	Correlation	1.000	.677**	
		Coefficient		.003	
		Sig. (2-tailed)		260	
	Employee Retention	N		.677**	1.000
		Correlation		.003	
		Coefficient		260	260
		Sig. (2-tailed)			
		N			

**Correlation is significant at the 0.05 level (2-tailed)

Objective 3 examined the relationship between respectfulness and employee retention in the selected area of study. The correlational matrix depicted in Table 5 showed there exists a positive relationship where $r = 0.677$ to imply a moderate

positive relationship since the value of r (0.677) is < 0.7 . Spearman’s result showed that the relationship is significant at 0.05 level of significance. Therefore, objective 3 and hypothesis 2 of the study were achieved.

Objectives 4: Determine the relationship between Professionalism Practice and Employee Retention in the Nigerian Breweries in Lagos State

Table 5

Correlational Matrix Analysis for the Relationship between Professionalism Practice and Employee Retention

			Professionalism Practice	Employee Retention
Spearman's rho	Professionalism Practice	Correlation	1.000	.658**
		Coefficient		.000
		Sig. (2 tailed)	260	260
	Employee Retention	N	.658**	1.000
		Correlation	.000	
		Coefficient	260	260
		Sig. (2 tailed)		
		N		

**Correlation is significant at the 0.05 level (2-tailed)

Objective 4 was to determine the relationship between professionalism practice and employee retention in the selected area of study. The correlational matrix depicted in Table 6 showed that there exists a relationship between professionalism practice and employee retention where the value of $r = 0.658$ indicates a moderate relationship since the value of r (0.658) < 0.7 . The result of the Spearman test proves that the degree of relationship was significant at 0.05 level of significance. Therefore, objective 4 and hypothesis 3 of the study were achieved.

Objective 5: Examine the relationship between Integrity Practices and Employee Retention in the Nigerian Breweries in Lagos State.

Table 6

Correlational Matrix Analysis for the Relationship between Integrity Practice and Employee Retention

			Integrity Practice	Employee Retention
Spearman's rho	Integrity Practice	Correlation	1.000	.748**
		Coefficient		.001
		Sig. (2-tailed)	260	260
	Employee Retention	N	.748**	1.000
		Correlation	.001	
		Coefficient	260	260
		Sig. (2-tailed)		
		N		

**Correlation is significant at the 0.05 level (2-tailed)

Objective 5 examined the relationship between integrity practice and employee retention in the selected area of study. The correlational matrix depicted in Table 6 showed that there was a positive relationship between integrity practice and employee retention where $r = 0.748$ to imply a strong relationship since the value of $r (0.748) > 0.7$. The result of the Spearman test proves that the relationship was significant at 0.05 level of significance. Therefore, objective 5 and hypothesis 4 of the study were achieved.

Discussion of Findings

Based on the results of the analysis, it was found that the industry was dominated by the male gender as opposed to the female gender. It was also found that the workforce was relatively young with relative stability and the majority were educated with a higher institution qualification.

Concerning objective 1, four different work ethics practices were identified in the brewery industries concerning Nigerian Breweries, the unit of analysis such as accountability, respectfulness, professionalism, and as well as integrity. This agreed with the positions of Lawrence [14] and Williams who listed professionalism, accountability, respectfulness, dedication, determination, humility, and dependability as the major components of work ethics practices that can drive the attainment of veritable objectives of any organisation. The result also revealed that integrity was found to be a prominent and prevailing practice in the Nigerian Breweries out of the variables of work ethics practices identified. This was supported by Hammed and Sammad [16] that integrity, professionalism, and humility are the best work ethics practices that can propel an enduring relationship between employees and the work organisation in such a way that business objectives and psychological contract of employees are projected and met mutually without prejudice to any of the parties in the workplace. Stephen [12] also opined that the conduct of business and employment relationship with honesty, probity, uprightness, rectitude, and honour should be the hallmark of business organisations with profitability and retention in focus. The outcome of the result also confirmed the earlier position of Miller et al [7] on what constitutes work ethics in the workplace, and which are more profitable to pursue as a practice likewise, Odu and Akhigbe, [10] listed respectfulness, integrity, and civility as part of the work ethics practices in the workplace.

The result obtained from the analysis of the data collected for objective 2 which focused on the relationship between accountability practices and employee retention revealed that there was a relationship between accountability practices and employee retention. Aside from this, the existing relationship was found to be a moderately positive relationship in the Nigerian Breweries. The outcome of the analysis for this study conformed with the earlier work of Shields and Ward and of Brown and Treviño [21] as well as that of Saheed and Mohammed [22] where it was concluded that there exists a strong and positive relationship between accountability practices and staff retention in the service industry, i.e. improvement

in employee accountability would give a commensurate improvement on staff retention. However, the degree of relationship of the study negated that of Shields and Ward and Brown and Treviño [21] which asserted that the relationship between accountability practices and staff retention was strong and positive while that of this study concluded that the relationship was moderate positive relationship although the strong and positive relationship in the service industry, unlike this study in the manufacturing industries.

The focus of objective 3 was on the relationship between respectfulness practices and employee retention in the Nigerian Breweries in Lagos State. From the result of the study, it was found that there exists a relationship between respectfulness practices and employee retention and the relationship was a positive and direct one which was found to be a moderate relationship in the Nigerian Breweries, the study area. The outcome of this study was in tandem with the work of Saheed and Mohammed [22] which asserted that how employees are being treated by the employer, especially the case of dignity, respect, and appreciation impacted the team spirit and work culture of the organisation thus creating an atmosphere that serves as morale booster where respectfulness practices are high and otherwise where it was low. It was concluded that the relationship between respectfulness practices and employee retention was positive. The result also corroborated the earlier work of Oginni, Ogunlusi, and Faseyiku [4] that there exists a relationship between respectfulness and employee retention. It was revealed that employees' treatment concerning respect, dignity, and recognition was pivotal to organisational survival. It was concluded that a high degree of employee treatment concerning respect, dignity, and recognition reduces the exodus of employees thus, improving organisational survival. The outcome also buttressed the works of Odu and Akhigbe [10] where respectfulness was among the variables listed as part of the work ethics practices in the workplace that can influence employee retention positively or negatively.

On objective 4, the focus was to determine the relationship between professionalism practices and employee retention in the Nigerian Breweries in Lagos State. The result obtained from the study showed that there was a relationship between professionalism practice and employee retention and the nature of the relationship was a direct positive relationship considered to be a moderate relationship i.e. any increase in the professionalism practices in the Nigerian Breweries will also lead to increase in the employee retention. The result of the study is in agreement with that of Al-Nashash, Panigrahi, and Darun, [23] where it was revealed that work ethics improve employee job satisfaction positively and the act professionalism practices by an organisation give employees a good image outside the work environment and this serves as an ego booster for the employees leading to employee retention. Akinlade, Gberevbie, and Adesuyi, [24] also corroborated the outcome of the study. It was revealed that professionalism practices favour quality service delivery with a high impact on undue influence thus, enhancing employee retention which also confirmed the earlier work of Agi [13]. Although Al-Nashash, et al [23] believed there was a strong relationship between professionalism practices and employee

retention, it was concluded that professionalism practices must be in tandem with the socio-cultural environment of the organisation for it to be practicable and attainable and this can be used to explain the rationale behind the outcome of the study that showed that the relationship between professionalism practices and employee retention is moderate.

Objective 5 set out to examine the relationship between integrity practices and employee retention in the Nigerian Breweries in Lagos State. From the data collected and analysed, it was found that there exists a relationship between integrity practices and employee retention. The nature of the relationship showed that there exists a direct positive relationship which was found to be high. The implication was that the higher the level of integrity practices, the higher the degree of employee retention in Nigerian Breweries. The outcome of the works corroborated the positions of Owuor, Nyambegera, and Wainaina [20] where it was established the relationship between work ethics practices and employee labour turnover was inverse relationship i.e. the higher the practice of any of the variables, the lower the employee labour turnover but single out integrity, fairness, and equity to have a more significant effect on employee labour turnover and improvement on any of these variables enhances employee retention. The outcome of the study also supported the earlier work of Lawton and Doig [15] when it was evident that integrity practice as one of the variables of work ethics practices has a significant influence on employee retention and showed a positive and direct relationship between integrity practices and employee retention. Similarly, Kumara and Dutta [19] work supported that work ethics has a significant effect on employees' intention to quit and integrity was a major factor in employees' intention to quit an organisation, poor work ethics was inversely correlated with employees' intention to quit an organisation and that of quality work life and corporate image has a direct correction.

Conclusion

The study focused on the relationship between work ethics practices and employee retention in the Nigerian Breweries, Iganmu, Lagos as the unit of analysis. The study identified five different objectives along the work ethics practices components such as accountability, respectfulness, professionalism, and integrity to know the level of relationship between work ethics practices and employee retention in Nigerian Breweries as a cost control strategy in the wake of economic recession and recovery. All these variables (accountability, respectfulness, professionalism, and integrity) were found to be operational and from the descriptive analysis, integrity was the most unique among all the variables of the work ethics that can herald employee retention without incurring additional cost while others also have a potent force to influence the direction of employee retention. Integrity has the highest mean among other variables of work ethics practices and should be given priority with a high premium to drive employee retention in the selected area of study. It was also found there was a significant and positive relationship among all the variables

(accountability, respectfulness, professionalism, and integrity) of work ethics with employee retention which connotes that work ethics practices influence the direction of employee retention.

Based on the results and discussion of findings of the study, the study concluded that work ethics practice is a good cost control strategy to sustain employee retention without incurring any additional cost that could further increase the overhead budget, especially in the wake of economic recession and recovery. To increase or sustain the employee retention ratio in the area of study, the work ethics practices should be increased/sustained as it is evident in the relationship results to be linear relationship i.e. an increase in the quantum of any of the work ethics variable (accountability, respectfulness, professionalism, and integrity) will result into a corresponding increase in the employee retention i.e. if the work ethics practices in the organisation are good, the implication is good employee retention and where it is poor, the employee retention will also be poor. Therefore, the higher the work ethics practices in Nigerian breweries, the higher the stake of employee retention.

Recommendations

Based on the findings and the conclusion drawn from the study, the following recommendations were proffered to foster employee retention through work ethics practices in the workplace such that management should endeavour to institutionalise the work ethics practices and educate every member of the organisation to understand the essence of the practice and to align the work ethics practices with the social–cultural environment of the workplace to be practicable. Management should understand the psychological contract of the employees which informs their perception about the operational activities of the organisation and should ensure strict compliance with the work ethics practices as laid down without compromise while the interests of employees and that of the organisation must be screened at the recruitment point to ensure congruence with work ethics practices.

REFERENCES

1. Oginni B.O, Olaniyan T.S, Ajibola K.S Reward and Commitment in Centre for Black and African Arts and Civilization. *BERJAYA Journal of Services & Management*. 2022;17:3–12.
2. Price J.W. The Antecedent of Labour Turnover and Organisational Productivity in Malawi Public Service. *Journal of Management Sciences*, 2021; 6 (3): 78–91.
3. Akindele A.K. Challenges and Implementation of Works Ethics Programs in the Nigerian Public Service. *Journal of Creative Writing*. 2018; 1 (4): 45–56.
4. Oginni B.O., Ogunlusi C.F, Faeyiku I.O A Study of Employee Retention Strategies and Organisational Survival in Private Universities in South West, Nigeria. *The International Journal of Management*, 2017; 2 (1): 1–17.
5. Shibiti R Satisfaction with Retention Factors about Job Embeddedness of Public-school Teacher. *SA Journal of Human Resource Management*. 2019; 17 (2): 1–9.
6. Oginni B.O., Lanre-Babalola F.O. A Study of Employee Retention Strategies and Job Satisfaction in the Service Industry in Lagos Metropolis. *Uniosun Journal of Employment Relations and Management*. 2019; 1 (2): 253–285.

7. Miller S.H., Woehr M.O., Hudspeth T.K. Motivation and Ethics: Essential Factors for Sustainable Public Service Delivery in Nigeria. *Journal of Organisational Studies and Innovation*. 2015; 3 (1): 19–33.
8. Adewale S.M. Work Ethics Practice as a Correlate of Cost Control Strategy during an Economic Recession. *Academy Journal of Business Management and Ethics*. 2022; 3 (4): 76–88.
9. Beetseh K., Kohol B. Challenges of Ethics and Accountability in Nigerian Civil Service. *Journal of Humanities and Social Science*, 2014; 9 (2): 18–23.
10. Odu, Akhigbe Work Ethics in Practice: Employee and Employer Perspectives. *Journal of Management Sciences*. 2018; 6 (3), 102–116.
11. Heelas P. Work Ethics, Soft Capitalism and the Turn to Life. *Cultural Economy: Cultural Analysis and Commercial Life*. P du Gay, Pryke M. (eds). London: Sage; 2002: 78–96.
12. Stephen G.H. *Business, Ethics Concepts, and Cases*. 5th edition. New Delhi: Prentice Hall; 2020. 544 p.
13. Agi C. Renewal of Work Ethics as Sine-Qua-Non to Promoting Good Governance among Civil Servants in Rivers State. *Journal of Public Administration and Social Welfare Research*. 2017; 2 (1): 1–9.
14. Lawrence S.T. Work Ethics and Organisational Sustainability in the Service Industry. *Journal of Economic Studies*. 2020; 4 (4): 198–210.
15. Lawton A., Doig A. Researching Ethics for Public Service Organizations: The View from Europe. *Public Integrity*. 2008; 8 (1): 11–33.
16. Hamed S. Influence of Work Ethics Practices on Employees' Psychological Contract. *International Journal of Management Studies*. 2019; 7 (5): 89–99.
17. Abiodun S.D. Nexus between Work Environment and Work Ethics in the Service Industry. *African Journal of Business Ethics*. 2021; 24 (4): 142–159.
18. Hayat M., Shakeel M., Chen, B. Impact of Work Ethics and Work Environment on Project Success with the Moderating Role of Job Engagement Science. *Journal of Business and Management*. 2021; 9 (1): 15–25.
19. Kumara P., Dutta M. Impact of Work Ethics on Quality Work Life, Intention to Quit, and Corporate Image of an Organization. *IOSR Journal of Humanities and Social Science*. 2019; 24 (04): 33–39.
20. Owuor A., Nyambegera S., Wainaina G. The Effect of Work Ethics on Labour Turnover in Kenya's Public Institutions. *International Journal of Management and Leadership Studies*. 2020; 2 (3): 9–17.
21. Brown M.S., Treviño L.M. Effect of Managerial Ethics on the Creativity of the Staff of the Education Department from the Perspective of the Employees of the Education and Education Tehran City. Tehran/Iran. *International Journal Management*. 2019; 5 (4): 781–794.
22. Saheed M.W., Mohammed S.T. The Role of Positive Ethics and Virtues in the Context of Sport and Performance Psychology Service Delivery. *Journal of Professional Psychology for Research and Practice*. 2019; 41 (3): 253–259.
23. Al-Nashash H.M., Panigrahi S.K., Darun M.R. Do Work Ethics Improves Employee Job Satisfaction? Insights from Jordanian Banks. *International Journal of Academic Research in Business and Social Sciences*. 2018; 8 (11): 627–645.
24. Akinlade M.E., Gbereybie D.E. Adesuyi S.J. Work Ethics and Public Service Delivery. A Review of Literature and Agenda for Future Research. *Fuwukari Journal of Politics & Development*. 2021; 5 (1): 245–260.
25. Van-Dyk K., Coetzee M., Takawira Satisfaction with Retention Factors as Predictors of Job Embeddedness of Medical and Information Technology Services Staff. *Southern Africa Business Review*. 2013; 17 (1): 5775–5797.
26. Shama B.S., Rai S. A Survey to Develop an Instrument to Measure Work Ethics. *Global Business Review*. 2015; 16 (2): 244–257.
27. Chen Q. Zhang Y. Development of Questionnaire on the Sense of Workplace Involvement for Newly Recruited Employees and Its Relationship with Turnover Intention. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2022; 19 (18): 1–19.

Information about the authors:

Babalola O. Oginni — Senior Lecturer of the Department of Human Resource Development, Osun State University, Osogbo (Nigeria) (ORCID ID: 0000-0002-5248-6837) (e-mail: babalola.oginni@uniosun.edu.ng).

Isola O. Ayantunji — Associate Professor of the Department of Human Resource Development, Osun State University (Nigeria) (ORCID ID: 0000-0006-7168-8684) (e-mail: isola.ayantunji@uniosun.edu.ng).

Folakemi O. Larnre-Babalola — Senior Lecturer of the Department of Sociology, Faculty of Social Sciences, Osun State University Osogbo (Nigeria) (ORCID ID: 0000-0001-7034-9097) (e-mail: folake.lanre-babalola@uniosun.edu.ng).

Zacchaeus O. Olonade — Lecturer of the Department of Human Resource Development, Osun State University, Osogbo (Nigeria) (ORCID ID: 0000-0002-8815-5677) (e-mail: zaccheaus.olonade@uniosun.edu.ng).

Kolawole S. Ajibola — Lecturer of the Department of Human Resource Development, Osun State University, Osogbo, (Nigeria) (ORCID ID: 0000-0002-7430-3894) (e-mail: ksajibola@uniosun.edu.ng).

Ramat A. Balogun — Lecturer of the Department of Human Resource Development, Osun State University Osogbo, (Nigeria) (ORCID ID: 0000-0003-4299-4421) (e-mail: adetoun.balogun@uniosun.edu.ng).

Waseeu G. Adebayo — M.Sc. student Department of Human Resource Development, Osun State University Osogbo (Nigeria) (e-mail: adewas02@gmail.com).

Практика трудовой этики и сохранение сотрудников для восстановления экономики в пивоваренной промышленности Лагоса, Нигерия

Б.О. Огинни , И.О. Аянтунджи , Ф.О. Ларнре-Бабалолa ,
З.О. Олонаде , К.С. Аджиболa , Р.А. Балогун , В.Г. Адебайо

Осунский государственный университет,
Нигерия, Осогбо, 4494

 babalola.oginni@uniosun.edu.ng

Аннотация. В статье рассмотрено влияние методов трудовой этики на удержание сотрудников на производстве в Лагосе (Нигерия). В качестве единиц анализа изучен опыт пивоваренных предприятий. В ходе исследования были выделены различные аспекты трудовой этики, включающие честность, подотчетность, профессионализм и уважение. Соответствующая взаимосвязь между этими методами трудовой этики и удержанием сотрудников также была оценена с целью предоставления информации о том, как методы трудовой этики влияют на удержание сотрудников. В исследовании использовались первичные данные, полученные с использованием структурированного вопросника, выборка составила 300 случайных респондентов. Было обнаружено, что добросовестность как практика преобладала среди опрошенных, также было обнаружено, что существует значительная положительная связь между всеми переменными практик трудовой этики и удержанием сотрудников, где практика подотчетности с удержанием сотрудников ($r = 0,546$, $p < 0,05$), практика уважения с сохранением сотрудников ($r = 0,677$, $p < 0,05$), практика профессионализма с сохранением сотрудников ($r = 0,658$, $p < 0,05$) и практика добросовестности с сохранением сотрудников ($r = 0,748$, $p < 0,05$). На основании анализа был сделан вывод, что практика трудовой этики является действенной стратегией контроля затрат для поддержания и удержания сотрудников без дополнительных затрат, особенно

после экономического спада и восстановления. Таким образом, рекомендуется, чтобы руководство нигерийских пивоварен институционализировало практику трудовой этики и обучало сотрудников организации сути этой практики.

Ключевые слова: практика трудовой этики, удержание, профессионализм, добросовестность, подотчетность

Заявление о конфликте интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Статья поступила в редакцию: 18.02.2023. Статья принята к публикации: 03.04.2023.

Для цитирования:

Oginni B.O., Ayantunji I.O., Larnre-Babalola F.O., Olonade Z.O., Ajibola K.S., Balogun R.A., Adebayo W.G. Work Ethics Practices and Employee Retention Towards Economic Recovery in the Brewery Industries of Lagos Metropolis, Nigeria // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2023. Т. 10. № 2. С. 248–268. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2023-10-2-248-268>

Информация об авторах:

Бабалола О. Огинни — старший преподаватель кафедры развития человеческих ресурсов, Осунский государственный университет (Нигерия) (ORCID ID: 0000-0002-5248-6837) (e-mail: babalola.oginni@uniosun.edu.ng).

Исола О. Аянтунджи — доцент кафедры развития человеческих ресурсов, Осунский государственный университет (Нигерия) (ORCID ID: 0000-0006-7168-8684) (e-mail: isola.ayantunji@uniosun.edu.ng).

Фолакemi О. Ларнре-Бабалола — старший преподаватель кафедры социологии факультета социальных наук, Осунский государственный университет (Нигерия) (ORCID ID: 0000-0001-7034-9097) (e-mail: folake.lanre-babalola@uniosun.edu.ng).

Закхей О. Олонаде — преподаватель кафедры развития человеческих ресурсов, Осунский государственный университет (Нигерия) (ORCID ID: 0000-0002-8815-5677) (e-mail: zaccheaus.olonade@uniosun.edu.ng).

Колаволе С. Аджибола — преподаватель кафедры развития человеческих ресурсов, Осунский государственный университет (Нигерия) (ORCID ID: 0000-0002-7430-3894) (e-mail: ksajibola@uniosun.edu.ng).

Рамат А. Балогун — преподаватель кафедры развития человеческих ресурсов, Осунский государственный университет (Нигерия) (ORCID ID: 0000-0003-4299-4421) (e-mail: adetoun.balogun@uniosun.edu.ng).

Васеу Г. Адебайо — магистрант кафедры развития человеческих ресурсов, Осунский государственный университет (Нигерия) (e-mail: adewas02@gmail.com).

DOI: 10.22363/2312-8313-2023-10-2-269-285

EDN: GXDWLJ

Research article / Научная статья

Toward an Integrated Model for Public Technology Policy Analysis — a Taxonomy Useful for Determining Scope and Type of Analysis

Gunnar K.A. Njalsson

University of Lapland,
8 Yliopistonkatu, 96300 Rovaniemi, Finland, 122-96101

✉ gnjalsson@ulapland.fi

Abstract. How might the analysis of public technology policy be further systematised and made more objective so that important factors such as conscious subjects, interests, influence and prioritisation could better be taken into account by policy analysts and decision-makers? An integrated model designed to guide and structure the analysis process might comprise a solution to this problem. An adequately sophisticated yet concise and systematic framework of this sort would necessarily take into account the referential point of departure and alternative types of policy analysis as well as the nature, interests and priorities of those entities actually shaping public technology policy. The segment of the proposed integrated model and which is concerned with built-in assumptions about the nature of technological development has been covered in a previous article [1]. The purpose of the current article is to develop and present one further part or segment of an integrated model for public technology policy analysis (IMTPA) and to demonstrate its methodological and analytical utility with central policy analysis documents from Canada during the period 1990–2005. This article shall limit itself to a part of the IMTPA concerned with the type and scope of public technology policy analysis to be undertaken — a methodology which might better guide and make more transparent both the policies being examined as well as the policy analysis process itself.

Keywords: Public administration, technological and innovation policy, development of scientific methods and models, Canadian technology policy

Conflicts of interest: The author declared no conflicts of interest.

Article history:

The article was submitted on 24.02.2023. The article was accepted on 10.04.2023.

For citation:

Njalsson G.K.A. Toward an Integrated Model for Public Technology Policy Analysis — a Taxonomy Useful for Determining Scope and Type of Analysis. *RUDN Journal of Public Administration*. 2023;10(2):269–285. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2023-10-2-269-285>

© Njalsson G.K.A., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Technology Policy and Policy Analysis

Policy and policy analysis have been defined in a number of different ways. Some of these definitions are worth a few words before we continue to the subject of public technology policy analysis. One dictionary defines policy as "a definite course or method of action selected from among alternatives and in light of given conditions to guide and determine present and future decisions" [2]. Still another scholar [3] has expressed the definition in much simpler terms as "what governments choose to do or not to do".

There are many more definitions of the word. However certain ideas appear with regularity in most of them. Firstly, policy has to do with alternatives and choices. Secondly, the definitions imply that someone is saying "yes" to some alternatives and "no" to others. One may safely derive from the definition that choices are being made based upon information about or perceptions of the alternatives. Both conscious action and deliberate or informed omission of action comprise, according to these definitions, what we refer to as policy.

However much can be understood from these definitions they still raise many more questions. They are also very general. What, for example, is meant by "what governments do"?

For the purpose of this segment of the Integrated Model for Public Technology Policy Analysis we shall define as policy *governmental or organisational plans, consultations, decisions, directives, resource allocation and deliberate action or inaction*. This definition not only includes the choice aspect as well as the options of action or inaction; it also explicitly denotes activities which have the potential of leaving documentary traces and can thereby be examined.

The nature and task of technology policy analysis

Theories of the nature of technology development and innovation have tended to occupy a central role in the formulation of national technology and innovation policy [1]. In the case of technology policy analysis, these most often pertain to subjects such as the nature of technological development, how, why and in what context innovations occur and, indeed, what constitutes an *innovation*. Many of the theories can be collocated on a matrix ranging from varying extremes of techno-determinism¹ or socio-determinism and even varying extremes of technology optimism² or pessimism [1. P. 66]. Both technology policy and even the analysis of technology policy will in part draw upon the assumptions connected to these

¹ Technological determinism is the degree to which it is assumed that technological development is largely independent of social or cultural considerations and that such development follows its own autonomous logic. Socio-determinism, on the other hand, is the degree to which it is assumed that technological development is a part of the broader cultural and social context of a society.

² Tech-optimism is the degree to which a particular viewpoint contends without reserve or major qualifications that technological change will be of benefit for most of society. Reservations and critique on the part of a theory would imply a lower level of tech optimism than would a lack of reservations or critique.

varying views of technology development and of the desirability of different technological innovations. When attempting to create a more clear and structured framework for analysing technology policy it is important to establish a specific and exclusive definition of technology policy. This should include what technology policy is and what it does.

What technology policy is

Simply stated, technology policy analysis is the systematic examination of what the government does with respect to the technology sector, why it does it and what effect this has [4. P. 1].

As is the case with policy analysis in general, technology policy analysis examines political choices and the effects of these choices on stakeholders. It is not a theory or methodology in itself; but rather a research field or a research approach often seeking to identify policy alternatives. When used to compare the costs and benefits of particular policy choices it becomes apparent that the conceptual roots of this approach [5; 6] can be traced to systems analysis and economics.

However, technology policy analysis is also a research approach which may be used to examine aspects which led to the formation of one or more policies, in other words, to study to the process of *policy determination* [4. P. 5–6]. Technology policy analysis may go further than simply studying policy determination. The analyst may even attempt to examine the effects or results of a particular policy which has actually been implemented. In doing so, the analyst has turned his or her attention to the aspect of *policy impact* (ibid.) or *policy outcomes* [7].

When studying policy outcomes, a particular technology policy will be viewed by the analyst as the independent variable, while the effects that policy has on various societal institutions and activities (the labour market, healthcare, educational spending) become dependent variables. The technology policy is, in other words, being studied as the cause (or at least one of the causes) of certain effects in other policy areas or in society at large.

Technology policy analysis can be defined as above. However, much of the current literature refers to it in terms of standard tasks which it ideally should carry out. Examining what policy analysis is supposed to do may further clarify the exact nature of technology policy analysis as opposed to other research approaches.

What technology policy does

The definitions above make evident that cause and effect are of central importance to technology policy analysis. When examining a particular technology policy as having resulted from various factors in the policy process, for example the breadth and diversity of participation in the policy process or the prevalence of certain pressure groups in that process, the policy is viewed (at least in part) as a result of participatory factors. The participatory aspects of the policy process are viewed as independent variables. The various characteristics or aspects of the

resulting policy are viewed [8. P. 17] as dependent variables. According to some of the most central literature in policy analysis, the tasks carried out utilising technology policy analysis are most often the following:

1. define an issue or a problem;
2. determine technology policy objectives;
3. identify and rank technology policy alternatives;
4. evaluate the policy outcome.

Despite the common tendency to include choosing and implementing policy amongst the tasks, it is questionable whether such a task can logically be assigned to technology policy *analysis*. While defining problems, determining policy objectives, ranking alternatives and evaluating policy outcomes can clearly be seen as goals to be reached through a process of analysis, choosing and implementing policy in connection with the process of policy analysis is more problematic and constitutes a potential source of criticism.

In fact, this task may instead be the domain of decision-makers and stakeholders who have been provided with information on policy objectives and alternatives as a result of policy analysis. Academically, the policy analysis approach has been criticised mainly for having too aggressively replaced the democratic process (In particular public participation) with expert analysis [9. P. 349–353; 10. P. 523–531].

Weimer and Vining [5] have defined a list of goals for the process of policy analysis (including technology policy analysis) which clearly portray this research approach as supporting debate and the decision-making process.

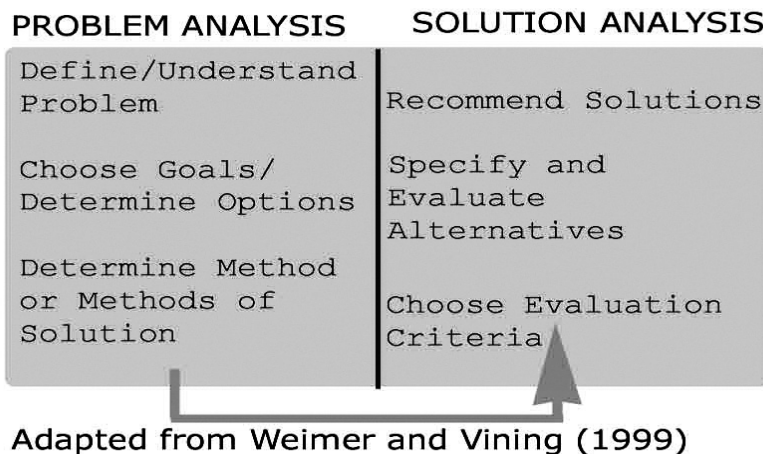

Fig. 1. Problem-solution analysis

Source: [5]

Starting from the top of the left column at defining and understanding a policy problem and moving downward and then to the right and upward in a counterclockwise direction one progresses from problem formulation to proposal of solutions in the Policy Analysis Process. The aspect of greatest interest from the academic

vantage point of the current study is the division of the tasks of policy analysis into those which deliberate on problems and those which pertain to identifying and recommending solutions.

In sum, the current scholarship would indicate that technology policy analysis is used to define problems of relevance to the technology sector and perhaps society as a whole, to establish criteria for possible solutions to the problems and then to recommend certain solutions for implementation. Evaluation is also part of this mission and takes place most often after technology policy implementation.

Types of technology policy analysis

It is now apparent that technology policy analysis is the systematic examination of governmental or organisational plans, consultations, decisions, directives, resource allocation and deliberate action or inaction with respect to the technology sector. Such analysis can focus on policy determination (the formation of technology policy) or on policy outcomes. Technology policy analysis is not the study of new technologies. It is not the study of what innovations are or how they occur. Such questions are dealt with by multidisciplinary innovation studies including *science and technology studies* (STS). An integrated model for public technology policy analysis will for the sake of clarity relegate this form of scholarship to the realm of theories of technology development and innovation.

It is possible to devise a taxonomy of technology policy analysis dividing it into several types. This may be done according to particular methodological approaches or aims of the policy analysis. For example, an analysis carried out in accordance with econometric methods, examining the cost or utility of various technology policy options could be classified as a different type of policy analysis than an examination of the participatory aspects of technology policy and how these affect policy determination.

However, such distinctions may be less useful than a typology which clarifies for the user (and even the analyst) the nature and ontological or ideological point of departure of the entire analysis. This may better contribute to transparency, making potential readers or users aware of the possible need for complementary studies from different vantage points.

In the context of an integrated model for public technology policy analysis, it may be useful for the analyst to divide technology policy analysis into three types- objective, normative and speculative [1. P. 57–58]. Such a typology is based upon factors such as the ontology, criteria or indicators utilised as well as the goals of the analysis exercise.

Objective technology policy analysis

While policy can rarely, if at all, be said to be strictly objective (policy is largely based upon priorities, ideology and values), the study of public technology policy may at times simply be concerned with an observation of its characteristics or patterns.

Who is involved in deciding priorities for national investments in technology projects? Which companies receive the greatest amount of public R&D funding? What are the three highest national priorities in the area of technology spending in the context of programmes for the Information Society? Is government money being spent on centres of excellence and new clusters? How much? What are the primary

indicators used in order to define a digital economy? Has public spending in other policy areas decreased at the same time as it has increased in the area of technology? Do technology policy forums include members of the general public or of widely varying occupational groups? How does the national technology programme define the word 'innovation'?

The questions above correspond to those which *objective technology policy analysis* would be used as a tool to answer. Here the policy analyst is not concerned with what is 'good' or 'bad', 'efficient' or 'inefficient', 'effective' or 'ineffective', 'democratic' or 'undemocratic', 'expensive' or 'inexpensive'. Characteristics of a particular national technology policy are simply being observed and measured. The analyst is not making any statements as to policy performance or as to what the policy should or should not be like or do. The observer is simply attempting to ascertain what is or was.

Of course, there are issues for debate even in the context of objective policy analysis. Can different policy analysts agree on the definitions used (i.e. clusters, innovation, centres of excellence, technology sector)? Are the indicators used to measure aspects of a national technology policy adequate for this purpose?

Whatever the outcome of such a debate, the discussion pertains to methodology and not to values, priorities or policy performance. Importantly, the observer is not attempting to influence the policy process. Judgements as to performance or the desirability of the particular policy are left to users of the information in the analysis.

Normative technology policy analysis

As soon as the focus of the examination turns to issues of utility, establishing objectives or priorities and setting up benchmarks, it has in effect become *normative technology policy analysis*. The same can be said for any analysis with the objective of "improving" or changing public policy as it relates to technology or of making changes to the policy process. Any analysis attempting to find the factors which led to the previous "success" of a certain policy, would also belong to this category.

The important aspect which sets this type of technology policy analysis apart from objective technology policy analysis is that normative technology policy analysis includes some idea of what a particular technology policy *should be* or *should have been*. It includes indicators, benchmarks and goals which are designed to measure "success" or "failure", "positive" or "negative" aspects of a particular policy. When a policy think tank or a political activist attempt to influence decision-makers by means of a particular analysis which supports a certain value-related point of departure and presents conclusions on what action should be taken in relation

to public technology policy, this per definition constitutes normative technology policy analysis.

Such a study may even utilise the findings of objective technology policy analysis, but will add benchmarks, performance indicators or interpretations of results in terms of the desirable and the undesirable. Like objective technology policy analysis this type of analysis will observe aspects of public technology policy, past or present. However, unlike the former, it will attempt to influence the direction of policy.

Speculative technology policy analysis

The two previous types of technology policy analysis share two important aspects. Firstly, they each refer to actual observations of data about the policy process, whether it be participants, programmes, policy instruments or indicators of policy outcomes. Secondly, they are primarily concerned with the past and the present, depending on the type of study. Even a normative technology policy analysis will present judgements and recommendations based upon past or present events or observations.

Speculative technology policy analysis judges public technology policy and makes recommendations based upon a perceived or postulated *future state of affairs*. That future state of affairs need not be the result of simple guesswork. The future scenario will often be based upon the statistical process of *extrapolation*. Here, past and current trends, for instance in the characteristics of technologies or in the use of various technologies, are analysed and their continuation into the future is projected.

This process often relies upon technology forecasting, an activity carried out by analysts in Canadian, Finnish and Swedish ministries and particularly popular from the 1960's to the 1980's.

Is Finnish information technology policy up to the challenges of the future global society? Will Canada be able to compete with other OECD nations in the new 'digital era'? Does Sweden have the right technology industries to find a niche in the future integrated Europe?

Speculative technology policy analysis would be the typical type of policy analysis used to propose answers to questions such as these. While this type of policy analysis can collect current data and extrapolate upon it, it cannot actually collect data from the future. There are many events which it has no chance of foreseeing which can drastically alter the future scenario and render such an analysis completely worthless. This is, however, an inherent risk involved in all public and private planning exercises. For this reason, risk may be managed by positing several future scenarios, hoping that one of them will be adequately close to matching actual developments.

Regardless of how well designed and carefully calculated, this type of public technology policy analysis always involves a certain element of speculation. The particular emphasis of speculative technology policy analysis is to advance policy

recommendations based upon possible events in the future. Thus, it obviously attempts to influence public technology policy.

The dividing line between the three types of technology policy analysis discussed here may at times be very fluid. Some studies may use a combination of these types, depending upon the scope and nature of the study in question. However, based upon the factors presented here, policy studies can in general be placed into one *primary* category. In doing so, a better picture of the purpose and nature of the analysis is provided, while readers and users can better determine how to use the results and whether other types of analysis should be carried out to diversify the existing knowledge and provide multiple perspectives.

A summary of the types of technology policy analysis as well as the central factors used to distinguish them from one another can be found below in Figure 2.

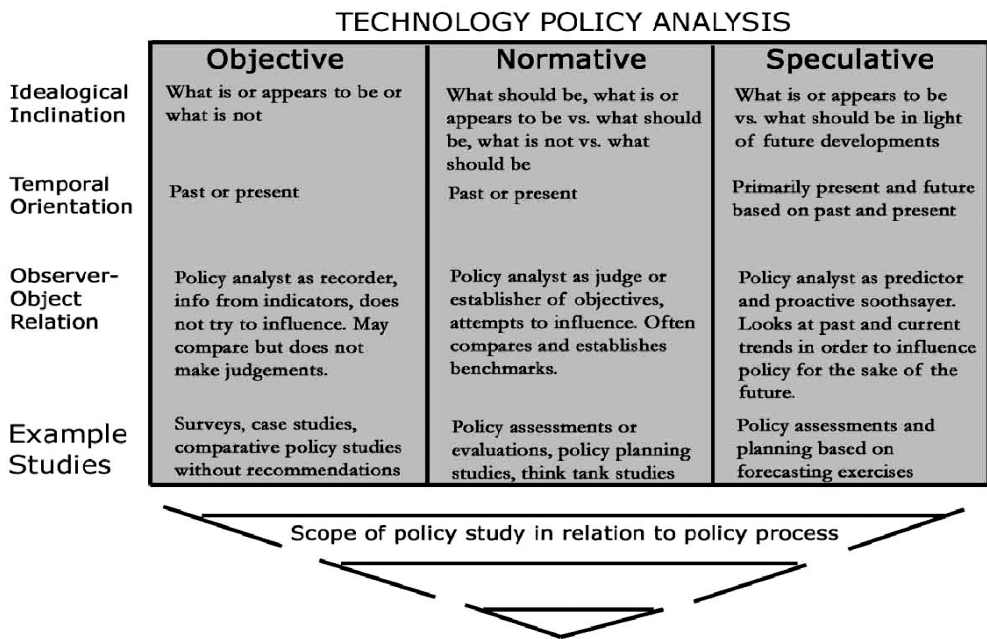

Fig. 2. Technology policy analysis

Source: Own research, 2022

As depicted, objective technology policy analysis will tend to be carried out in specific types of studies such as general policy surveys, data books, case studies and observational studies which may utilise various indicators, without presenting benchmarks for performance or recommendations. All judgements as to proper objectives or policy performance are left to users of the analysis. Policy evaluations, performance assessments or planning exercises are all examples of normative policy analysis as are many think tank studies. These studies use benchmarks and recommend policies.

Examples of the types of studies which would likely utilise speculative technology policy analysis include policy assessments and policy planning studies

based upon technology forecasting or future studies for the purpose of meeting perceived future challenges. Such studies would be very likely to present clear policy recommendations and would seek to influence public policy in the area of technology.

The aspect of analytical scope

Included in this particular segment of the integrated model for public technology policy analysis is the aspect of *scope*. This should not be confused with the scope and limitations of a particular study as regards the time-frame, focus of the study or particular limitations such as those customarily presented in the beginning of an academic article or monograph. The aspect of analytical scope aids the analyst and users in understanding what has been examined and what has *not* been examined in relation to the the complete process of policy determination, policy implementation and policy outcomes and compared against a given complete scientific model encompassing everything that *could* be examined by a full-scope study.

The two simple distinctions made by Dye [4. P. 5–6] can be used as examples of a very basic model for policy analysis and would then be the distinct components *policy determination and policy impact* which taken together constitute Dye's "model" of public policy and thereby of all major aspects that can be examined by a full-scope policy analysis. If a hypothetical policy analysis only were to concern itself with the aspect of *policy determination*, without the idea of analytical scope utilised within the context of Dye's complete model, we might not automatically perceive important aspects *excluded* from the examination. However, with the hypothetical model as our guide we know that Dye's complete model includes another major aspect- *policy impact*.

It can thus be said that our hypothetical policy study excludes *policy impact* from its analytical scope and that the analytical scope of the policy study is limited to the aspect or part of Dye's model, namely *policy determination*.

As the integrated model for public technology policy analysis is gradually created by uniting the individual segments including this one and thereby becomes a great deal more complex, the aspect of analytical scope will become an essential tool for placing a policy study into a systematic context and for denoting the possible limitations of a study or even current scholarship in relation to the entire model.

As is the case with the typology of technology policy analysis, *analytical scope* can be very beneficial to policy analysis users who must decide whether or not a study contains enough diversity of knowledge to be useful by itself. If not, those policy aspects clearly designated as having been left out of the analytical scope of the study can receive a separate examination. A policy study carried out in accordance with a scientific model and which includes every aspect or component of that model would be considered a *full-scope analysis*. Where the study only examines a limited number of the possible aspects or segments of that model, it would be considered a *limited-scope analysis* in relation to the entire model.

Evaluation of Previous Policy Analysis with the IMTPA

Documents used to analyse and evaluate Canadian technology policy during the period 1990–2005 can be analysed and classified systematically using the policy taxonomy segment of the integrated model for technology policy analysis. The period 1990–2005 was chosen because it was central and decisive for the formation of Canadian public policy relating to technological innovation and adoption of the then new technologies seen as crucial to an information society. Many of the policies adopted during this period form a crucial part of Canada's technology and innovation policy even today.

Canada is an important object of research for technology policies as the country is an industrialized OECD member state and has since the 1990's had an information society programme which has driven the country's technology and innovation policies. The transparency and accessibility of public policy documents, including online, has also rendered Canada an ideal object of research.

Since 1990, public policy analysis in the area of technology in Canada has been conducted by government bodies such as the Office of the Auditor General, Industry Canada, the Standing Committee on Industry, Science and Technology as well as the Advisory Committee on Science and Technology (ACST). Additionally, external bodies such as the Council of Science and Technology Advisors (CSTA) have specialised in providing policy evaluation and guidance for Government of Canada internal activities in the area of technology development and proliferation.

Canadian government studies such as those carried out by the Office of the Auditor General (OAG) and Industry Canada have aimed to examine and evaluate the performance of federal technology policy in relation to the various goals stated in federal technology programmes, including Canada's previous Federal Science and Technology Strategy [11] which was approved in early 1996. This federal policy was in part a response to previous technology policy evaluation or analysis carried out by the OAG [12] in 1994.

The OAG study of 1994 which clearly fits the definition of a normative technology policy analysis document briefly recounted the previous thirty years of federal technology strategies and planning and concluded in no uncertain terms that „there has been much activity but few results...“ [12. Point 9.2]. But the *normative* nature of this central and highly critical evaluation of Canadian technology policy is further highlighted by its insistence that Canadian technology

policy should focus resources and attention upon activities and areas with the greatest potential payback [12. Point 9.3]. In addition, the main observations of the 1994 OAG analysis and evaluation of Canadian technology policy were that prior policy had not been clearly focused, that federal government as a whole had not been systematically involved in policy determination and evaluation, that parliament had no way to determine or judge the results of policy in this area and that indicators of technology policy results needed to be further developed to enable the effectiveness of national technology policy to be determined.

The Federal Science and Technology Review [11. P. 5] which was launched by the new Canadian government in 1994 and included consultations with both

experts and the Canadian public throughout various regions of the country was in itself a *normative* policy analysis exercise designed to result in a set of policy objectives. Those objectives were expressed in Canada's Federal Science and Technology Strategy for 1996 as set out in that same document. Between 1996 and 2004, the federal government published both *normative* performance analysis reports and *objective* data books on an annual basis to follow up on the results of the federal technology policy programme.

Both the normative and objective analysis in this context utilised indicators such as the percentage of national GDP invested in private sector, university and government research and development; the number of Canadian technical patents; distribution of scientific and technical articles by subject; Canadian share of global scientific and technical articles and the number of research scientists and engineers.

The primary federal advisory committees established for the purpose of providing expert advice in technology policy matters such as the Advisory Council on Science and Technology (ACST) and the Council of Science and Technology Advisers (CSTA) which focuses on internal federal technology policy each produced their own series of normative and speculative technology policy analysis reports. Between 1999 and 2005 CSTA issued seven major reports on science and technology activities *within* the federal government. Not one of the CSTA reports was dedicated to the subject of information technology *per se*. However, since these reports were drafted for the purpose of providing the federal government with policy recommendations for its internal science and technology activities, the area of technology logically includes information technology activities on the general level. And these *normative* reports, in particular the LINKS, SCOPE [13] and BEST [14] reports, posited that the federal government has an active role to play as a facilitator of science and technology [15], that government needs to communicate interactively with citizens on issues of S&T policy [16] and that national S&T policy *should* be characterised by openness and accountability [13].

The seven reports issued by the CSTA 15 during the period were also supported by independent studies carried out by consultants who were contracted by the CSTA to make representations with regard to the subject matter of each major CSTA report. However, since the studies of the independent contractors also did not deal specifically with the subject of federal information technology policy, their contents remain outside the scope of this review. Those government policy studies carried out by the ACST 16 of the Prime Minister's Office during the period 2003–2005 were the result of that council's discovery roundtable workshops and meetings.

The content of the various background and roundtable reports [17; 18] is more varied in nature than those of the CSTA and includes topics ranging from diffusion and adoption of new technologies to the use of proactive government technology procurement as a tool to encourage through example the private sector to adopt new technologies. These roundtable reports would clearly be classified as *speculative policy analysis*, as they posited that a future state of affairs required the federal government to enact measures to assist the diffusion and adoption of new

technologies. This was to be done in order to promote the competitiveness of the Canadian business sector and to strengthen the *national innovation system*.

In addition to the above, three [19] of the background reports produced by or for the ACST attempted to provide *normative policy analysis*, focusing on the development of performance indicators and benchmarks. And one ACST background report [19] comes fairly close to providing *objective* technology policy analysis, making mere observations on how previous Canadian and foreign policies have gone about encouraging commercialisation of technological innovations.

Government-sponsored technology policy analysis in Canada has not only been complemented by the independent studies its various advisory bodies have contracted; but also by a limited number of academic or scholarly works since the mid-1990's. The study of Jennifer Jensen et al. examined Canadian information technology policy on an inter-provincial level and sought to evaluate how that policy had been integrated into practice within the educational sector. The data for this study was collected during the period 1999–2001 and it is important to note that their work entailed a small case study and was very limited in scope. Jensen et al. concluded that government-dictated *information society* policies and projects implemented in the education sector might not have been in touch with the reality of how information technologies are used by students and by teachers in the classroom.

Because it expressed evaluative views on how Canadian information technology policy had mostly failed in particular to meet local needs in this particular sector and because it recommended changes to current policy, the Jensen study ought clearly to be considered a *limited-scope, normative policy analysis* focusing primarily on *policy impact*. In addition to focusing on S&T policy issues from vantage points ranging from the local to the federal and from S&T Studies to the development and usability of indicators, the Centre for Policy Research on Science and Technology (CPROST) based at Simon Fraser University has produced a visible body of non-governmental and non-commercial innovation and technology policy analysis in the Canadian context. It is also one of the primary repositories of documents and raw data relating to the events leading up to and following the 1994 Federal Science and Technology Review referred to earlier in this section.

Several of the papers published by CPROST touch directly upon the subject of technology policy (In addition to science and research policy) and at more than a merely sub-national level. Of greatest interest to the present study is a report published in 2002 [21] which examined the background and nature of the 1994 Science and Technology Review undertaken by the Canadian government as a consultative pre-cursor to new proposals for Canadian technology policy.

That study had the objective of finding out why the 1994 Federal Science and Technology Review was conducted and what the actual outcome was [21. P. 2]. This objective was part of a larger task which included gathering factual data regarding the 1994 Review for comparison with the then (2002) upcoming Science and Technology Review proposed by the Liberal government. Cruikshank and Holbrook indicated that the study had been intended as a "description of the

1994 federal S&T Review to provide a benchmark for measuring the new consultation process” [21. P. 2]. Methodologically, this study utilised content analysis of transcripts and notes from the various consultative meetings held in connection with the 1994 S&T Review as well as official reports from the government and interviews.

The study also utilised priority matching by examining the number of times a particular policy priority was brought forward by stakeholders during the consultative process and comparing with those priorities expressed by the government at the conclusion of the 1994 S&T Review. The stakeholders supporting or introducing various policy priorities were profiled by their backgrounds, resulting in groupings such as “Academics” (largely scientists and technical experts), “Business”, “Government” and “Other/Unknown” [21. P. 4]. In their analysis Cruikshank and Holbrook brought forth some interesting findings relating to *policy determination* and in particular regarding the *participatory aspects* [21. P. 12] of the 1994 Review. Their interview data indicated that key officials in the government set the agenda for the national conference and hand-picked the participants to ensure the mix of views that they wanted“.

Most importantly, this study concluded that the 1994 Federal Science and Technology Review had despite its seemingly broad and open process of consultations among stakeholders only represented a public relations exercise by a federal government already intent on cutbacks of public monies to Science and Technology. Holbrook had previously analyzed stakeholder voting patterns [22. P. 3–4] relating to Science and Technology policy priorities based upon information gleaned from the 1994 Federal Science and Technology Review. This 1996 study also divided stakeholders by profile into separate groups including Business, Education and Government.

These findings indicated that Business or Industry stakeholders gave highest support to policy priorities such as “Improvement of (Information Technological) Infrastructure” and “National S&T Competitiveness” while the strongest support for “Excellence in S&T”, “Improvement of Infrastructure” and “Technology Transfer” came from stakeholders with a Government background or profile. Because the 2002 study was explicitly designed to create benchmarks for comparing the 1994 and upcoming 2002 consultations and their results (including “success or failure”) and because that study clearly indicated that the 1994 Review had not met its own goals, the 2002 study by Holbrook and Cruikshank may aptly be classified as a *normative policy analysis*. It was purely concerned with the nature of policy determination in part through consultation with stakeholders. Therefore, the 2002 study was clearly a *limited-scope* analysis.

The 1996 study which focused on the same 1994 Federal Science and Technology Review must be said to have come closest to being an *objective policy analysis* as it solely concerned itself with the comparative policy support or priorities of the different categories of stakeholders. It was limited in scope, focusing on policy determination and priorities/interests of the various policy actors or elites. Therefore this study too can be considered a *limited-scope* policy analysis.

The government policy documents discussed and classified here as well as the two external, non-government studies have been collocated in Table 1 according their characteristics as objective, normative or speculative policy analysis and as partial or full-scope analysis (utilizing the aspects *policy determination* and *policy impact*). Each document is named in accordance with its listing in the reference section of this article for better cross-referencing. From Table 1 it can be clearly seen that only two of the studies which pertain to policy determination (i.e. partial analysis) can be considered as objective policy analysis while the majority of the government and other analysis covered are normative in nature. Only one of the normative analysis documents — that of the Auditor General’s Office — could be interpreted as being a full-scope analysis. Of particular interest is the fact that no full-scope objective policy analysis could be identified from the government policy documents that were examined. This might have important implications when considering whether there is a need for a unified full-scope objective analysis with regard to this particular policy area.

Table 1

Summary Classification of Core Technology Policy Analysis Documents

Nature of policy analysis		Documents	
<i>Speculative</i>	(Canada 2005 a) (Canada 2005 c) (Canada 2005 d)	not applicable	applicable
<i>Normative</i>	(Canada 1999 b) (Canada 2001 b) (Canada 2003 e) (Cruikshank and A. Holbrook 2002)	(Canada 1994) (Canada 2003 b) (Canada 2003 c) (Canada 2003 f) (Jenson et al. 2007)	(Auditor General 1994)
<i>Objective</i>	(Canada 1996) (Canada 2003 a)	(Canada 1999 d) (Canada 2000 d) (Canada 2002) (Canada 2003d) (Canada 2004b)	
Scope of policy analysis	Partial analysis	Full-scope analysis	
	<i>policy determination or policy impact</i>	<i>policy determination and policy impact</i>	

Note: Technology policy documents of central importance for Canadian technology policy are in bold. External non-government documents analysing Canadian technology policy and classified in Table 1 are in regular type.

Conclusions

In addition to being classified as tech-deterministic or sociodeterministic, technology policy analysis can be characterised as objective, normative or speculative in nature. An analysis can also be classified as limited or full-scope, for instance depending upon whether it considers aspects of policy determination or both policy

determination and policy impact. The utility of such a classification can become evident when there is a need to determine how comprehensive and varied past and current policy analysis documents have been and which aspects or analytical points of departure have been included or excluded. A more systematic and integrated model for the analysis of technology policy such as the proposed IMTPA could include a taxonomy or classification scheme for sorting policy documentation and clearly indicating whether there has been adequate variation and scope or whether government and other policy analysis has been concentrated to particular areas of the classification scheme.

A demonstration of the utility of this segment of the IMPTA, while being very brief in nature, and which includes classification according to policy type and scope has shown that reviewed policy documents may tend to clump together in particular categories such as „normative, limited scope analysis“. While it does not explicitly indicate whether this is optimal or suboptimal, our demonstration has indicated that a collection of core policy documents and even private analysis may leave categories such as „objective, full-scope analysis“ with minimal or no coverage. Such observations (assuming that they do not arise as result of an inadequate sample of available documentation) can better indicate a clear area of prioritization for future analysis and research. In future studies utilizing this segment of the IMPTA, the national technology policy analysis profiles of several countries might be compared using this method and a possible correlation between these profiles and differences in national technology policies or priorities could be examined.

REFERENCES

1. Njalsson G.K.A. From Autonomous to Socially Conceived Technology: Toward a Causal, Intentional and Systematic Analysis of Interests and Elites in Public Technology Policy. *Theoria*. 2005;108:56–81.
2. *Merriam-Webster's Desk Dictionary*. Springfield: MA, Merriam-Webster; 1996. 634 p.
3. Dye T.R. *Understanding Public Policy*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall; 1981. 368 p.
4. Dye T.R. *Policy Analysis. What Governments Do, Why They Do It, and What Difference It Makes*. University of Alabama Press; 1976. 13 p.
5. Weimer D.L., Aidan R.V. *Policy Analysis: Concepts and Practice*. Upper Saddle River, N.J.: Prentice Hall; 1999. 417 p.
6. Stokey E., Zeckhauser R. *A Primer for Policy Analysis*. New York: W.W. Norton; 1978. 368 p.
7. Grumm J.G., Stephen L.W. *The Analysis of Policy Impact*. Lexington, Mass.: Lexington Books; 1981. 221 p.
8. Ruostetsaari I. *Energiapolitiikka käännekohtassa: järjestöt ja yritykset vaikuttajina vapautuvilla energiemarkkinoilla*. Tampere: University of Tampere; 1998. 235 p.
9. Walters L.C., James A., Miller J. Putting More Public in Policy Analysis. *Public Administration Review*. 2000; 60 (4): 227–242.
10. Tepper S.J. Setting Agendas and Designing Alternatives: Policymaking and the Strategic Role of Meetings. *Review of Policy Research* 2004; 21 (4): 523–542. <https://doi.org/10.1111/j.1541-1338.2004.00092.x>
11. *Science and Technology for the New Century: A Federal Strategy*. Technical report. Ottawa: Industry Canada; 1996. 38p.
12. *Report of the Auditor General of Canada Rapport du vérificateur général du Canada*. Technical report. Ottawa: Report of the Auditor General of Canada Rapport du vérificateur général du Canada; 1994. 955 p.

13. *Science Communications and Opportunities for Public Engagement (SCOPE)*. Tekninen raportti. Ottawa: Council of Science and Technology Advisors CSTA; 2003. 28 p.
14. *Building Excellence in Science and Technology (BEST): the Federal Roles in Performing Science and Technology: A Report*. Ottawa: Council of Science ja Technology Advisors CSTA; 1999. 44 p.
15. *Science Advice for Government Effectiveness (SAGE): A Report of the Council of Science and Technology Advisors*. Ottawa: Council of Science ja Technology Advisors CSTA; 1999. 15 p.
16. *Science and Technology Excellence in the Public Service: A Framework for Excellence in Federally Performed Science and Technology*. Technical report. Ottawa: Council of Science ja Technology Advisors CSTA; 2001. 38 p.
17. *The Diffusion and Adoption of Advanced Technologies in Canada: An Overview of the Issues*. Advisory Council on Science and Technology; 2005. 23 p.
18. *Government-led Industrial Assistance Programs*. Technical report. Advisory Council on Science and Technology; 2005. 23 p.
19. *Goals, Strategies and Priority-Setting for RD and Commercialization: A Survey of International and Provincial Practices*. Advisory Council on Science and Technology; 2003. 98 p.
20. *Commercial Innovation: A Policy Stocktaking*. Technical report. Advisory Council on Science and Technology; 2003. 23 p.
21. Cruikshank A., Holbrook A. *The 1994 Federal Science and Technology Review*. Vancouver; 2002. 19 p.
22. Holbrook J.A.D. *Analysis of Voting Patterns and ST Issues: The National ST Conference, Ottawa, October 1994*. Vancouver: Simon Fraser University: CPROST; 1996. 11 p.

Information about the author:

Gunnar K.A. Njalsson — Master of Public Administration, Lincensed Vocational Instructor, Doctoral Candidate in Public Administration, University of Lapland (Finland) (e-mail: gnjalsso@ulapland.fi).

К интегрированной модели анализа технологической политики — полезная таксономия для определения масштаба и типа анализа

Г.К.А. Ньялссон

Лапландский университет,
122-96101, Финляндия, 96300 Рованиemi, Улиопистонкату 8

✉ gnjalsso@ulapland.fi

Аннотация. Целью настоящей статьи является разработка и представление еще одной части или сегмента интегрированной модели анализа государственной технологической политики (ИМТРА) и демонстрация ее методологической и аналитической полезности с помощью основных документов по анализу политики Канады за период 1990–2005 гг. Эта статья ограничивается частью ИМТРА, касающейся типа и объема проводимого анализа государственной технологической политики — методологии, которая могла бы лучше направлять и делать более прозрачной как изучаемую политику, так и сам процесс анализа политики. *Методы.* В статье используется предложенная таксономия для изучения наиболее важных политических документов, определяющих политику канадского информационного общества в период 1990–2005 гг. Таксономия сортирует руководящие документы по их характеру и основному содержанию на категории объективного, нормативного или субъективного анализа

политики и, далее, на ограниченный или полномасштабный анализ политики. *Результаты.* Политический анализ, проведенный правительством Канады и для него, в первую очередь был нормативным анализом ограниченного масштаба. Хотя был проведен как объективный, так и спекулятивный анализ, объективный анализ был сосредоточен в основном на воздействии политики и в гораздо меньшей степени на процессе определения политики, где участие и интересы заинтересованных сторон являются важным фактором. Объективный полномасштабный анализ в рассматриваемый период не проводился.

Ключевые слова: государственное управление, технологическая и инновационная политика, разработка научных методов и моделей, Канадская технологическая политика

Заявление о конфликте интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Статья поступила в редакцию: 24.02.2023. Статья принята к публикации: 10.04.2023.

Для цитирования:

Njalsson G.K.A. Toward an Integrated Model for Public Technology Policy Analysis — a Taxonomy Useful for Determining Scope and Type of Analysis // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2023. Т. 10. № 2. С. 269–285. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2023-10-2-269-285>

Информация об авторе:

Ньялссон Гуннар Кари Александр — магистр государственного управления, лицензированный профессиональный инструктор, докторант в области государственного управления, Университет Лапландии (Финляндия) (e-mail: gnjalsso@ulapland.fi).

DOI: 10.22363/2312-8313-2023-10-2-286-298

EDN: UKKLGO

Research article / Научная статья

Workforce Planning and Organizational Effectiveness: Perspective from Osun State Civil Servant

Zaccheaus O. Olonade¹ , Oluwatobi O. Omotoye² ,
Oluwatoyin P. Olalemi³

¹Osun State University,
Oke Bale Street, Area 210001, Osogbo, Nigeria

²Teesside University,
UK, Campus Heart, Southfield Rd, Middlesbrough TS1 3BX

³Lead City University,
Off Oba Otudeko Ave, 200255, Ibadan, Oyo, Nigeria

 omotoyetobio95@gmail.com

Abstract. The study investigates the impact of workforce planning on organizational effectiveness in Osun State Civil Service. The research design used is a descriptive survey, while the approximate population size of the ministries is 11,243. This paper adopts a two-stage sampling technique for the collection of data. A total of 240 questionnaires were completely retrieved and utilized for the study. The hypothesis was tested with Pearson Product Moment Correlation and Regression Analysis. The findings show a highly significant linear correlation between workforce planning and organizational effectiveness at a 0.05 significance level. Also, workforce planning significantly impacts organizational effectiveness in Osun State Civil Service, Osogbo. It is concluded that workforce planning will enhance the effectiveness of the organization. The paper recommends that the Human Resource department develop and implement a comprehensive career development training program.

Keywords: civil service, workforce, organizational effectiveness, workforce planning

Conflicts of interest: The authors declared no conflicts of interest.

Article history:

The article was submitted on 12.03.2022. The article was accepted on 10.05.2022.

For citation:

Olonade Z.O, Omotoye O.O, Olalemi O.P. Workforce Planning and Organizational Effectiveness: Perspective from Osun State Civil Servant. *RUDN Journal of Public Administration*. 2023;10(2):286–298. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2023-10-2-286-298>

Introduction

The workforce is the most important asset in today's organization. The motive of human resource management is to improve organizational efficiency and effectiveness. The role of the workforce cannot be overlooked in the workplace due to the vital role they play in the organization. The concept of human resource planning or human resources planning is evolving and changing to workforce planning [1]. Workforce planning is critical to effective employee career development as it identifies gaps and surpluses in capabilities and issues of the utilization of talent. During human resource planning, the knowledge, skills, abilities, experience, and characteristics affecting employees' capabilities for current and future jobs must be identified and prioritized [2]. In the case of Osun State Civil Service, there is a need to articulate and implement a good and strategic human resource planning scheme to bring the best talent out of their employees that can improve organizational effectiveness.

Workplace planning may be seen as an effort to anticipate the organization's future, warrant personnel recruitment to fulfill the organizational objective, and enhance service delivery [3] define workforce planning "as the process of ensuring that human resource requirements of an organization are identified, and plans are made for satisfying those requirements". This view suggests several specific interrelated activities that constitute workforce planning: personnel inventory, human resource process, action plan, control, and evaluation. Workforce planning is also the personnel management practice that provides adequate human talents to achieve future organizational objectives. It includes forecasting future needs for employees of various types, comparing these needs with the present workforce capacity, and determining the numbers and types of employees to be recruited or phased out of the organization's employment group. Early management thinkers believe that effectiveness is the ultimate measure of managerial and organizational performance [4], that effectiveness is a derivative result of accomplishing the cooperative purpose, which is social and non-personal. He insists that organizations cannot continue to exist without effective workforce planning. Drucker emphasized that society cannot satisfy its desires while barring effectiveness. He posits that "only executive effectiveness can allow this society of ours to harmonize its two needs: the desires of the organization to attain from the individual, the contribution it needs and the need of the character to have corporation serve as his device for accomplishing his purposes" [5].

Workforce planning has had a positive impact on the advancement of many enterprises [6] affirm that decent workforce planning promotes fast talent output towards greater performance results across the diverse departments in an organization. They argued further that human resource practitioners could advise managers on preempted minor problems before they backfire due to the effective implementation of workforce planning. However, one may still wonder why so many organizations are failing even after workforce requirements have been forecasted and recorded. With this question in mind, [7] analyzed human resource planning and its effect on organizational effectiveness. The study's outcome revealed

that most staff members of the information services department lack in-depth knowledge of workforce planning; thus, it is not objectively practiced by the senior officers. The study concludes with the organization being proactive in recruiting and retaining employees. The danger of this is what [8] presumes that the more complex organizations become, the more they will be vulnerable to human error. They will not necessarily employ more people but more sophisticated, highly trained managerial and individual workers to occupy staff roles. As a result, the prize of low motivation, turnover, poor productivity, sabotage, and intra-organizational conflict will be higher in such an organization. Therefore, it will become a matter of economic necessity to practice effective workforce planning in the Public sector in Osun state. This paper is organized as follows: the first section of this study focuses on the introduction, problem statement, and hypotheses. The second section deals with a review of related literature, and the third aspect deals with methodology. The fourth section involves results and discussion of findings, while conclusions and recommendations were discussed in the last part of the paper.

Statement of the Problem

Effectiveness enhances an organization's service delivery, which can be accomplished through workforce planning. Unfortunately, workforce planning strategies have not been beneficially successful in attaining their predetermined objectives as organizations still experience a lack of effectiveness despite workforce planning practices [9].

Underlining the significance of human resources in the public sector, [10] submit that advanced countries frequently contribute a huge amount of money to plan for their human capital to enhance the effective service delivery of the workers in the public sector. However, governments of developing countries also attach importance to human resources to achieve their national goals [11]. While considering this with a narrower scope to the Nigerian climate, [12] revealed that the reverse is the case in Nigeria, especially in Osun State, where minimal measures are put in place to develop the skills and capacity of the civil servant in the government agencies. This underscores their ability to deliver the needed service to the people effectively.

Studies on workforce planning and organizational effectiveness largely focus on manufacturing firms and the private sectors. However, there are scanty archives that document information on workforce planning in Nigerian government agencies, especially in the purview of Osun State civil service, where an instance of workforce planning is genuinely needed to enhance effective service delivery [9; 11–13]. Considering the Osun State civil service, during gathering data for this paper, we discovered that not much research had been done on the impact of workforce planning on organizational effectiveness in the state. This is one of the motivations that informed this research, which aimed to fill the gap in knowledge regarding the impact of workforce planning on organizational effectiveness, especially as it could be beneficial to the state.

Literature review

Conceptualization of Concept

This section reviews the concept of workforce planning and organizational effectiveness.

Workforce Planning

Workforce planning is the activities managers adopt to forecast current and future workforce needs [14]. Workforce planning has been a major issue amongst academia and practitioners in human resource management quite apart from managers in other studies. Workforce planning is how the management determines how an organization should move from the present workforce position to its desired position. [15] viewed workforce planning as the procedure that identifies the number of employees an organization requires in high quality and quantity. This implies that workforce planning is an ongoing regular and structured planning. This planning process confirms that workforces are in the right number as required, i.e., there is neither a surplus of workforce nor a shortage.

[16] explained the concept of workforce planning as a process carried out by human resource practitioners to ascertain the accurate number of workforces needed. It is also a method of allocating resources to various departments in the workplace. Therefore, organizations need to know how many workforces are needed to meet present and future business necessities in line with complexities resulting from externalities. This is where workforce planning comes in; it helps determine the right numerical strength of the workforce with the right skills in the right places at the right time needed in the organization [9].

Organizational Effectiveness

Organizational effectiveness is ambiguous, with conflicting ideas in an extremely competitive environment [17]. This ambiguity has created a barrier to identifying a clear definition of the term, which has also led to difficulties in evaluating the performance of an organization. Generally, effectiveness is often regarded as doing the right thing. Organizations carry out various processes and routine operations to achieve their objectives, and the achievement of such objectives is deemed to be consistent with developing the organization [18]. Therefore, it is imperative to design measurement standards for organizational performance.

[19] contend that organizational effectiveness deals with the perspectives and degree to which an organization “scores high” in all operations, including job involvement and satisfaction, independence, and control. [20] identifies that organizational effectiveness stems from establishing organizational goals and controlling operations to ensure their attainment. This view by [20] relates effectiveness closely to efficiency. It further affirms that organizational effectiveness hinges on the actual results of operations. [21] capture organizational

effectiveness as the ratio reflecting finances, time, and space incurred during the performance while measuring the organizational activities and the number of resources utilized.

Theoretical Review

The importance of a theoretical framework in research cannot be over-emphasized. A theory is a logical deductive statement consisting of interrelated concepts from which testable propositions can be derived. The theory for the research work was based on the Resource-Based View (RBV) theory.

Resource-Based View (RBV) Theory

The resource-based view theory (RBV) was put forward by Wernerfelt in 1984 and formalized/popularized by Barney in 1991. It suggests that organizations are heterogeneous (having varying parts) in nature. As a result, they possess diverse (human and non-human) resources. The resource-based view of the firm stresses distinctive and unique resources, especially one that exists within the organization. The resource-based view (RBV) regards the organization as a bundle (or complete package) of resources (In various forms of man, money, material, machine, and measure) and proposes that their elements considerably affect the organization's competitive advantage and by inference, its increased performance [22; 23].

The most noticeable among these resources are valuable, rare, and difficult for competitors to mimic, such as intellectual capabilities, organization-wide specific knowledge, experiences, skills and aptitudes, abilities, entrepreneurial and market orientation, etc. [22]. In essence, organizations can accumulate core managerial resources, such as knowledge and experiences, entrepreneurial and market orientation, and other intangible assets, and these resources could enable the operating, line, or hiring manager to realize greater operational capability to serve its intended purpose if applied prolifically [23]. The relevance of this theory to the study is explained how workforce planning can impact organizational effectiveness. Thus, the theory addressed and supported the variable workforce planning.

Empirical Review

[24] investigated the effect of human resource planning on the organizational performance among the selected hotels in Nigeran. The study adopted a cross-sectional survey research design to collect data from managers, supervisors, and front desk officers in the 15 selected hotels in Ebonyi State, Nigeria. The study found that human resource planning dimensions positively affect organizational performance. A study carried out by [11] examined the impact of human resources planning on organizational effectiveness using the federal public bureau. The study adopted human capital theory as a framework of analysis. The study revealed a significant positive relationship between human resources planning and organizational effectiveness in the public bureau within the study period.

[25] dogged the influence of workforce planning on firms in the Nairobi Securities Exchange in Kenya. The study underpinned human capital theory and shareholder value maximization theory. A cross-sectional survey and the targeted population of the study constituted all the 68 listed firms. One hundred thirty-six respondents were used as the sample size, and data were collected through a structured questionnaire. Statistical Package for Social Science (SPSS) was used to analyze the data. The findings revealed that the nexus between workforce planning and firm performance was positively and statistically significant and rejected the null hypothesis. It was concluded that the type and strategy of the firm, matching skills, and succession planning are the indicators for workforce planning that influence performance of the Nairobi Securities Exchange firms. The study recommended that the organization carry on and sustain workforce planning as it plays a fundamental role in achieving its objectives.

[25] examined the influence of human resource planning on the organizational performance of fast food companies in Port Harcourt. Eight-two copies of the questionnaire were distributed to the managers of the ten (10) fast-food restaurants, and only sixty-three (63) questionnaires were returned and analyzed. The study espoused census study techniques, and Product Moment Correlation was used to analyze the hypotheses. The conclusion was drawn from the findings and the discussion. The study recommended that companies introduce human resource planning policies and institutionalize active workforce plans to proactively forecast the actual numerical strength of human resources needs of the organization if the intention is to increase productivity and organizational performance.

[7] examines human resource planning and organizational effectiveness analyses. The study results indicated that the staff in the information service department did not have adequate knowledge of human resource planning, and the senior officer did not practice it well. However, it was concluded that the organization actively recruits and retains employees. [25] researched human resource planning practice in managing human resources. The study revealed that HRP is important to the business environment since the increase in the general price of the commodity, weak financial conditions, and effective human resource planning enhance the performance and effectiveness of the organization without excess and with a minimum number workforce in other to save cost.

[24] determines the contribution of human resources planning to public institutions' performance. The major findings show that poor forecasting of HR impacts organization performance as the response from the respondents shows insufficient priority for HRP; there exist many problems during the process of HRP as insufficient top management support, insufficient funds, and a shortage of expertise. The study concluded that Human Resource Planning has a strong relationship with the performance of a particular Institution. Thus effective HRP leads to good performance, and ineffective HRP leads to the poor performance of a particular Institution.

[25] studied determinants of formal human resource planning that contribute to performance in the telecom sector. The data was collected from top managers, middle-level managers, and the first line HR managers of 50 offices, including head offices and regional offices, of 160 questionnaires, including interviews and open-ended questions based on performance measures and Human Resource Planning. The results from the factor analysis on HRP measures selection, training, and incentives, and the organizational performance measures: job satisfaction, efficiency, employee motivation, and technology constituted significantly and a positive relationship. The study concluded that as modern HR practices are implemented in the telecom sector and companies spend more on human resources, it would lead to high-performance achievement.

Hypotheses

For the study, the following hypotheses were generated:

There is a significant relationship between workforce planning and organizational effectiveness.

There is a significant impact of workforce planning on organizational effectiveness.

Methodology

The research design adopted for this study was a descriptive survey design. The Independent variable was Workforce Planning, while the Dependent variable was Organizational Effectiveness. The target population was all the civil servants working in different Ministries, Departments, and Agencies (MDAs) in Osun State Civil Service. The report from the office of the Accountable-General of Osun State showed 12 Ministries in the state having Departments and Agencies under them. The population of the civil servants at the time of the study was 11,243. The study adopted a two-stage sampling technique to collect data. Firstly, the purposive sampling technique selected five MDAs with the most workers. These are the Ministry of Finance, Ministry of Education, Immigration Service, State Universal Basic Education (SUBEB), and Bureau of Planning and Budgeting. They have a total number of 4812 staff representing 42.8 % of the civil servants in the state. Therefore, 5 % of the workforce of the selected MDAs was used to determine the sample size of 246. Secondly, a random sampling technique was used to select the 246 respondents that participated in the study. A total of 240 questionnaires were completely retrieved and utilized for the study. Finally, the researchers developed the instrument used for the study. It was divided into 3 sections.

Section A consists of Demographic Information. Section B tagged Workforce Planning Scale, was used to measure the independent variable. It has 20 items. Section C, labeled Organizational Effectiveness Scale, has 15 items. Sections B and C were measured on a 5-point Likert scale ranging from Strongly Agree (5) to Strongly Disagree (1). The tool was validated by Face and Content validity, and the coefficient of Cronbach's Alpha is 0.86, signifying good reliability. Statistical Package for Social Sciences (SPSS) was used to analyze the data generated. While

the demographic information was analyzed using percentages and frequency counts, the hypotheses were tested with Pearson Product Moment Correlation and Linear Regression Analysis.

Results and Discussion

Table 1

Socio-demographic Characteristics of the Respondents

Variable	Classification	Frequency	Percentage %
Gender	Male	125	52.1
	Female	115	47.9
	Total	240	100.0
Age	Below 30	70	29.2
	31–40	65	27.1
	41–50	68	28.3
	51–60	37	15.4
	Total	240	100.0
Marital status	Single	80	33.3
	Married	154	64.2
	Others	6	2.5
	Total	240	100.0
Education Qualification	Primary Six	21	8.8
	GCE/SSCE/NABTEEB	18	7.5
	NCE/OND	56	23.3
	HND/B.SC/BA	85	35.4
	M.SC/MA	58	24.2
	PhD	2	0.8
	Total	240	100.0
Work experience	0–10 years	132	55.0
	11–20 years	89	37.1
	31–35	19	7.9
	Total	240	100.0

Table 1 above revealed the case summary of the frequency of the respondent’s gender with the valid percentages of their responses. It showed that 240 questionnaires were responded to and retrieved from males with 52.1 %, and 115 questionnaires were

retrieved from female respondents (representing 47.9 %). This study has 70 (29.2 %) respondents aged 30 years or below. Sixty-five respondents (representing 27.1 %) have ages between 31 and 40 years, 68 respondents (representing 28.3 %) have ages between 41 and 50 years, and the remaining 37 respondents (15.4 %) have ages between 51 and 60 years. According to the table above, the marital status of the respondents and their frequencies are Single 80 (33.3 %), Married 154 (64.2 %), and Divorced 6 (2.5 %). It also revealed that, 21 (8.8 %) respondents have Primary Six Leaving Certificate, 18 (7.5 %) respondents have GCE/SSCE/NABTEB Certificate, 56 (23.3 %) have NCE/OND, 85 (35.4 %) have HND/BSc/BA, 58 (24.2 %) have MSc/MA degrees and the remaining 2 respondent (0.8 %) has PhD degree. The above table shows that 132 (55.0 %) respondents have 0–10 years of work experience. 89 (37.1 %) have 11–20 years of work experience, and 19 (7.9 %) have 31–35 years of work experience.

Test of Hypotheses

Research Hypothesis 1: There is a significant relationship between workforce planning and organizational effectiveness.

Table 2

Correlation between Workforce Planning and Organizational Effectiveness

		Workforce Planning	Effectiveness
Workforce Planning	Pearson Correlation	1	.456**
	Sig. (2-tailed)		.000
	N	240	240
Effectiveness	Pearson Correlation	.456**	1
	Sig. (2-tailed)	.000	
	N	240	240

** . Correlation is significant at the 0.05 level (2-tailed).

Table 2 above revealed that workforce planning was significantly related to organizational effectiveness [$r = 0.456, p < 0.05$]. This shows a highly significant correlation between workforce planning and organizational effectiveness. Therefore, hypothesis one was supported by the result of the study, and it was subsequently accepted. Thus, it is concluded that workforce planning significantly influences the organizational effectiveness of Osun State Civil Service, Osogbo.

Table 3

Linear Regression Analysis of Workforce Planning on Organizational Effectiveness

Variable	β	T	R	R ²	ΔR^2	F	df	P
Workforce Planning	.465	8.099	.465	.216	.213	65.591	1,238	P<.01

Table 3 above revealed a significant contribution of workforce planning to organizational effectiveness in Osun State Civil Service, Osogbo. ($\beta = .465$, $t=8.099$, $p<01$, $F= 65.591$, $R^2=.216$). Therefore, hypothesis two was supported by the result of the study. Thus, the alternative hypothesis, which states a significant impact of workforce planning on organizational effectiveness in Osun State Civil Service, Osogbo, was accepted.

Discussion of the Findings

The first hypothesis was tested with Pearson Product moment correlation analysis, and the finding showed that workforce planning would significantly influence organizational effectiveness in Osun State Civil Service., Osogbo. Mangwengwende, Chinzara, and Nel in 2011 contended that good workforce planning allows for rapid skills replacement so that departments can continue to function smoothly [6]. Further argued that human resource practitioners can warn managers of minor problems before they turn into major ones due to effective implementation of workforce planning. One may still wonder why so many organizations fail even. However, one workforce requirement has been forecasted and recorded. [22] supported that human resource planning has a strong relationship with the performance of a particular Institution. Thus, effective HRP leads to good performance, and an ineffective HRP leads to the poor performance of a particular institution.

It was revealed that workforce planning significantly contributes to organizational effectiveness in Osun State Civil Service, Osogbo. This result agrees with [24], revealing that HRP is important to the business environment. They argue that effective human resource planning enhances performance and effectiveness without excess and saves cost. This result also supports the argument of [25], who found that modern HR practices are implemented in companies that would lead to high-performance achievement.

Conclusion and Recommendation

Based on the study's findings, it was concluded that workforce planning would significantly influence the organizational effectiveness of the Civil Servants working in Osun State Civil Service, Osogbo. The study also concluded that Workforce Planning significantly contributes to organizational effectiveness in Osun State Civil Service Osogbo, Osun State. Workforce planning is a major function of HRM, which is measured in terms of the demand and supply of the workforce. Therefore, it can improve the effectiveness and efficiency of the workforce of the Osun State Government.

The outcome of this research has managerial implications as they inform the directors of government agencies in Osun State of the workforce planning applicable in their agencies and the sustainable ones that may improve the organizational effectiveness and consequently get them listed. Furthermore, the management can use the finding of this study as a reference for policy guidelines on the management

and control of such agencies or ministries and, therefore, can formulate viable policy documents on workforce planning that effectively address problems faced by the governmental agency Osun State.

It is recommended that the Human Resource department of organizations should develop and implement a comprehensive career development training program for the staff. This would make them proactive and resilient and effectively propagate organizational/government policies. The department should have a human resource development plan so that the plans will still be followed no matter the management changes. These plans should be periodically reviewed to adjust to the environmental dynamic. This would overcome the issues of excess staff, which leads to an increase in the cost of labour and the constant changing of directors in the organization.

REFERENCES

1. *Study Pack on Advance Employment Relations Professional II*. Chartered Institute of Personnel Management of Nigeria; 2013. 217 p.
2. Mathis R.L., Jackson J.H. *Human Resource Management, 12th Edition*. USA: Thomson South-Western; 2008. 832 p.
3. Bulla D.N., Scott P.M. Manpower Requirement Forecasting. *Human Resources Planning Society*. New York: Plenum Press; 1994: 145–155.
4. Barnard P.R. Researches the Complete Stress-strain Curve for Concrete. *Magazine of Concrete Research*. 1964; 16 (49): 203–210.
5. Drucker P.F. *Effective Decisions*. Harvard University: Graduate School of Business Administration; 1967. 7 p.
6. Mangwengwende T., Chinzara Z., Nel H. Bank Concentration and the Interest Rate Pass-through in Sub-Saharan African Countries. *Economic Research Southern Africa*. 2011;233:30 p.
7. Opoku-Mensah Y. *An Analysis of Human Resource Planning and Its Effect on Organizational Effectiveness — a Case Study of Information Services Department, Accra Office*. Doctoral dissertation. 2012. 92 p.
8. Schein E.H. Increasing Organizational Effectiveness through Better Human Resource Planning and Development. *Sloan Management Review*. 1976; 19 (1): 1–20.
9. Tende F., Alagah A.D. Influence of Human Resource Planning on Organizational Performance of Fast Food Companies in Port Harcourt, Nigeria. *Imperial Journal of Interdisciplinary Research (IJIR)*. 2017; 3 (11): 458–467.
10. Appah E., Oyandonghan J.K. The Challenges of Tax Mobilization and Management in the Nigerian Economy. *Journal of Business Administration and Management*. 2011; 6 (2): 128–136.
11. Abasimfon P.E., Iberan J. Ugochukwu D.A. Manpower Planning and Organizational Effectiveness; Evidence from a Nigerian Public Bureau. *Lead City Journal of the Social Science (LCJSS)*. 2020; 5 (1): 38–45.
12. Odumeru J.A., Ilesanmi O.A. The Effects of Human Resources Development on Financial Performance of Organizations. *Asian Business Review*. 2013; 2 (1): 19–23.
13. Edeh F.O., Dialoke I. Effect of Human Resource Planning on Organizational Performance of the Hospitality Sector in Nigeria. *Business Perspective Review*. 2020; 2 (1): 1–12.
14. Pamela A.C.J., Umoh G.I., Worlu G. Human Resource Planning and Organizational Performance in Oil and Gas Firms in Port Harcourt. Human Resource Planning. *International Journal of Advanced Academic Research Social & Management Sciences*. 2017; 3 (9): 111–129.
15. Ifeanyichukwu D.M. Effects of Workforce Planning on Organizational Performance: A Study of Selected Media Houses in Imo State. *International Journal of Social Sciences and Management Research*. 2017; 3 (2): 1–11.

16. Ashraf G., Kadir S.A. Review on the Models of Organizational Effectiveness: A Look at Cameron's Model in Higher Education. *Journal of Education Studies*. 2012; 5 (2): 80–87.
17. Iyer B., Davenport T.H. Reverse Engineering Google's Innovation Machine. *Harvard Business Review*. 2008; 86 (4): 58–68.
18. Mishra P. Misra R.K. Information Technology and Quantitative Management (ITQM) Entrepreneurial Leadership and Organizational Effectiveness: A Comparative Study of Executives and Non-executives. *Procedia Computer Science*. 2017;122:71–78.
19. Obi J.N. Effective Human Resources Management Practices as the Key to organizational performance. *International Journal of Educational Research*. 2015; 3 (1): 1–26.
20. Ridley C.R., Mendoza D.W. Putting Organizational Effectiveness into Practice: The Preeminent Consultation Task. *Journal of Counselling and Development*. 1993;72:168–178.
21. Barney J. Firm Resources and Sustained Competitive Advantage. *Journal of Management*. 1991; 17 (1): 99–120.
22. Wernerfelt B. A Resource-based View of the Firm. *Strategic Management Journal*. 1984; 5 (2): 171–180.
23. Moyo N.J. *The Contribution of Human Resources Planning in Public Institution's Performance: A Case Study of Mlele District Council*. Doctoral dissertation. The Open University of Tanzania; 2015: 189 p.
24. Afzal F., Mahmood K., Sherazi S.M.R., Sajid M., Hassan M. Effect of Human Resource Planning on Organizational Performance of Telecom Sector. *Information and Knowledge Management*. 2013;2:173–182.
25. Kiai D., Lewa P., Karimi, J. Influence of Human Resource Planning on Performance of Firms Listed in the Nairobi Securities Exchange in Kenya. *International Journal of Research in Business and Social Science (2147–4478)*. 2019; 8 (5): 54–61.

Information about the authors:

Zaccheaus O. Olonade — PhD, Department of Human Resources Development, Osun State University (Nigeria) (ORCID ID: 0000-0002-8815-5677) (e-mail: zaccheaus.olonade@uniosun.edu.ng).

Oluwatobi O. Omotoye — International Business School, Teesside University Middlesbrough (United Kingdom) (ORCID ID: 0000-0001-6556-8690) (e-mail: omotoyetobio95@gmail.com).

Oluwatoyin P. Olalemi — PhD, Lead City University, Ibadan (Nigeria) (e-mail: olalemitoyin@yahoo.com)

Планирование рабочей силы и эффективность организации: взгляд государственного служащего штата Осун

З.О. Олонде¹ , О.О. Омотойе² , О.П. Олалем³

¹Осунский государственный университет,
Нигерия, Осогбо ул. Оке Бале, Зона 210001

²Университет Тиссайд,
Великобритания, Мидлсбро, ул. Саусфилд, Кампус Харт, TSI 3BX

³Университет Лид-Сити,
Нигерия, Ойо, Ибадан, пр. Оба Отудеко, 200255

 omotoyetobio95@gmail.com

Аннотация. В статье изучается влияние планирования рабочей силы на организационную эффективность государственной гражданской службы на примере штата Осун в Нигерии. Используемый дизайн исследования представляет собой описательный опрос, в то время как

приблизительная численность сотрудников министерств составляет 11 243 человека. В этой статье для сбора данных используется двухэтапный метод выборки. В общей сложности для исследования были использованы 240 полностью заполненных анкет. Гипотеза была проверена с помощью методов корреляции и регрессионного анализа (линейный коэффициент корреляции). Результаты показывают очень значимую линейную корреляцию между кадровым планированием и организационной эффективностью на уровне значимости 0,05. Кроме того, кадровое планирование значительно влияет на организационную эффективность государственной гражданской службы штата Осун. Сделан вывод о том, что кадровое планирование повышает эффективность организации. На основании вывода приводится рекомендация для отдела кадров разработать и внедрить комплексную программу обучения развитию карьеры.

Ключевые слова: государственная служба, рабочая сила, организационная эффективность, кадровое планирование

Заявление о конфликте интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Статья поступила в редакцию: 12.03.2022. Статья принята к публикации: 10.05.2022.

Для цитирования:

Olonade Z.O, Omotoye O.O, Olalemi O.P. Workforce Planning and Organizational Effectiveness: Perspective from Osun State Civil Servant // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2023. Т. 10. № 2. С. 286–298. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2023-10-2-286-298>

Информация об авторах:

Закчеус О. Олонаде — доктор философии, департамент развития человеческих ресурсов, Осунский государственный университет (Нигерия) (ORCID ID: 0000-0002-8815-5677) (e-mail: zaccheaus.olonade@uniosun.edu.ng).

Олуватоби О. Омотойе — Международная школа бизнеса, Университет Тиссайд, Мидлсбро (Великобритания) (ORCID ID: 0000-0001-6556-8690) (e-mail: omotoyetobio95@gmail.com).

Олуваотин П. Олалем — доктор философии, Университет Лид-Сити, Ибадан (Нигерия) (e-mail: olalemitoyin@yahoo.com).

СЛОВО СТУДЕНТАМ, АСПИРАНТАМИ И МОЛОДЫМ УЧЕНЫМ

ARTICLES OF STUDENTS, POSTGRADUATES AND YOUNG SCIENTISTS

DOI: 10.22363/2312-8313-2023-10-2-299-307

EDN: EMYYT1

Научная статья / Research article

Норманская теория и становление российской государственности

Д.И. Сатушев , Д.Д. Рюмин , И.А. Саранкин

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы,
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

 Ryumindd@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается вопрос зарождения Российской государственности. Изучается экономическое и социальное состояние Руси в начале VI в. Авторами проводится подробный анализ норманской и антинорманской теорий. Дается оценка степени влияния каждой из теорий на дальнейшую концептуализацию формирования Руси как полноценного государства.

Ключевые слова: Российская государственность, Русь, варяги, Рюрик, норманизм, антинорманизм, анализ, сопоставление, экономика

Заявление о конфликте интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Статья поступила в редакцию: 07.01.2023. Статья принята к публикации: 20.03.2023.

Для цитирования:

Сатушев Д.И., Рюмин Д.Д., Саранкин И.А. Норманская теория и становление российской государственности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2023. Т. 10. № 2. С. 299–307. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2023-10-2-299-307>

© Сатушев Д.И., Рюмин Д.Д., Саранкин И.А., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Norman Theory and the Formation of Russian Statehood

Dmitriy I. Satushev , Dmitriy D. Ryumin , Ilya A. Sarankin

RUDN University,
6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation, 117198
 Ryumindd@gmail.com

Abstract. The authors analyze the question of the origin of Russian statehood in ancient times. The main goal of the research is to study economic and social state of Russia at the beginning of the VIth century. The authors conduct a detailed analysis of the Norman and anti-Norman theories. They conclude assessment of the degree of influence of each of the theories on the formation of Russia as a full-fledged state.

Keywords: Russian statehood, Rus, Varangians, Rurik, Normanism, Antinormanism, analysis, comparison, economics

Conflicts of interest: The authors declared no conflicts of interest.

Article history:

The article was submitted on 07.01.2023. The article was accepted on 20.03.2023.

For citation:

Satushev D.I., Ryumin D.D., Sarankin I.A. Norman Theory and the Formation of Russian Statehood. *RUDN Journal of Public Administration*. 2023;10(2):299–307. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2023-10-2-299-307>

Введение

Зарождение Российской государственности произошло в конце IX в. Появление первого государственного образования произошло еще до распространения письменности на территории будущей Руси, что осложняет процесс понимания исторических событий, происходящих в те времена, и порождает множество споров. Один из самых популярных споров в научной среде является вопрос о происхождении легендарного основателя первой российской государственности — князя Рюрика и его братьев. В данной работе мы изучили предпосылки формирования российской государственности и взгляды представителей научного сообщества на «норманскую теорию», а также рассмотрели самые распространенные теории происхождения князя Рюрика, его братьев и дружины.

Анализ экономического и социального состояния Руси на заре зарождения государственности

В начале VI в. у восточных славян, потомки которых через несколько веков учредят первую русскую государственность, начался переход от патриархальной родовой общины и подсечно-огневого земледелия

к общине соседской и обработке пахотных земель методом двуполья, а потом и трехполья. Соседская община порывала с родовыми связями и формировалась по принципу соседства [1]. Эта трансформация была продиктована изменением подхода к обработке пахотных земель: теперь земли не являлись собственностью родоплеменной общины, а предоставлялись в личное пользование, где обрабатывались своими собственными орудиями труда. Так на Руси начало происходить зарождение института частной собственности [2].

Стоит обратить внимание на то, что в этот период начинается вторая фаза активного использования «Великого шелкового пути» — торговой артерии, которая связывала европейский мир с Китаем. Установление в Китае правления династии Тан и окончание междоусобной эпохи способствовало интенсификации торговли Китая с остальным миром. Северная ветка «Великого шелкового пути» проходила непосредственно через территории восточных славян и позволяла последним участвовать в этом грандиозном торговом мероприятии [3]. Первые свидетельства торговли восточных славян на «Великом шелковом пути» восходят к 8-му веку: будучи транзитной территорией, Русь устанавливает контакты с основными государствами того времени и становится активным участником торговых отношений, о чем свидетельствует нахождение большого количества кладов с монетами иностранных государств [4]. Однако в начале 9-го века начинается период угасания «Великого шелкового пути» и происходит переориентация на более важный в последующем историческом смысле торговый путь «из варяг в греки».

«Путь из варяг в греки», который связывал Скандинавию, Византию, центральную Европу и арабский мир, становится важнейшей торговой артерией Руси и основным источником товарообмена. Многие раннеславянские города образуются на этом маршруте, а прогосударственные славянские образования получают приток иностранной валюты и возможность торгового обмена эксклюзивных товаров собственного производства. Одним из важнейших и, возможно, ключевым с логистической точки зрения городом этого торгового пути становится Новгород. В него начинают стекаться товары, купцы и торговая информация со всей территории Руси, а также Скандинавского полуострова и центральной Европы. Таким образом Новгород становится основным торговым, логистическим и информационным узлом древней Руси [5]. Параллельно с развитием городских торговых отношений в деревне происходит полный переход к соседской общине и интенсификация появления института частной собственности.

Однако обратной стороной крупного товарооборота в ту эпоху являются набеги вооруженных дружин на торговые караваны и города. Кроме того, проблемы славянам доставляли и восточные кочевые племена, защиту от которых требовали купцы и крестьяне [6]. В связи с этим на Руси зарождается военная демократия как первая прогосударственная форма

управления военными делами. Городские вече избирали князя, который вместе со своей дружиной должен был оборонять города. Со временем князья перестают избираться и начинают передавать свою власть по наследству своим потомкам. Такая форма прогосударственного устройства полностью отражала экономический уклад живущих на Руси восточных славян, основанный на торговле и общинном земледелии. Однако развитие института частной собственности начинает распространяться и на прогосударственную систему: князья не только начинают передавать свою власть по наследству, но и начинают наступление на сельскую общину, концентрируя в своих руках общинные земли, чем способствуют переходу Руси к раннефеодальным отношениям и возникновению первой русской государственности.

Норманская теория

Что касается норманской теории основания Руси, важной части нашей работы, то тут интересно изучить момент возникновения и этапы развития данного вопроса. Впервые норманская теория была озвучена королем Швеции Юханом III в дипломатической переписке с Иваном Грозным, который данную позицию не разделял.

Популяризатором теории норманского происхождения государственности на Руси стал шведский ученый Петр Петрей, который после десяти лет пребывания в Московии в качестве дипломатического представителя выпустил книгу «История о великом княжестве Московском». В книге он много пишет об основании Руси и о том, что варяги вышли из Швеции [7]. Его теория базируется на русских летописях и устной традиции знати. Например, он приводит речь новгородских послов, произнесенную ими перед шведским принцем Карлом-Филиппом в августе 1613 г. в Выборге. Послы рассказывали, что «Новгородская область, до покорения ее московским государем, имела своих особенных великих князей, которые и правили ею; и были они шведского происхождения, один из них по имени Рюрик, и новгородцы благоденствовали под его правлением». Кроме устной традиции в качестве подтверждения теории Петрей принял летописи, гербы и знаки викингов в Новгороде (например, мечи варягов, которые хранились в городе как реликвии).

Более широкую известность на территории России норманская теория получила в первой половине XVIII в. Знаменитые ученые Г.З. Байре, Г.Ф. Миллер, А.Ф. Шлёцер и Ф.Г. Штубе де Пирмонт, работавшие в Российской академии наук, осветили вопрос в новом свете и на новом уровне [8]. Невозможно не упомянуть о вкладе В.Н. Татищева в середине XVIII в. и Н.М. Карамзина в начале XIX в. [9]. Приверженцы норманской теории считают, что Рюрик был норманом, скандинавом или же немцем, призванный финно-уграми мерей, чудью, весью и их соседями

балто-кривичами и словенами. Считается, что призвали его для разрешения вопросов в качестве третьей стороны и помощи в правлении.

Согласно летописям, у Рюрика было несколько жен и два брата. После смерти братьев Рюрик стал править единокровно [10], что подтверждается в труде В.Н. Татищева «История Российская»: «Рюрик по смерти братьев обладал всею землею, не имея ни с кем войны». В.Н. Татищев пишет, что одной из жен была норманка по имени Ефанда, которая являлась дочерью одного из норвежских конунгов: «Имел Рюрик несколько жен, но более всех любил Ефанду, дочь князя урманского» [11]. Кроме того, Рюрик часто посещал скандинавские страны и правил ими, а они в свою очередь не нападали на новгородские земли: «По смерти же отца своего правил и варягами, имея дань от них» [12].

Нельзя не упомянуть археологические свидетельства, подтверждающие норманскую теорию. В Рюриковом городище, Новгороде и Гнёздове было найдено множество мечей каролинского типа, которые являются отличительной чертой вооружения норманов, а в 2008 г. в Старой Ладоге на Земляном городище археологами было обнаружено военное снаряжение, украшения и предметы быта с изображением сокола, который являлся гербом Рюриковичей — трезубцем [13].

Антинорманская теория

Кроме норманской теории, в научном сообществе существует и антинорманская теория, которую поддерживают многие серьезные и уважаемые исследователи. Антинорманская теория возникла как ответ на норманскую теорию и почти сразу распалась на много различных течений, которые почти никак не согласованы друг с другом. Одни ученые считали, что Рюрик является выходцем из литовских племен, другие, наоборот, настаивали на том, что он происходит из западнославянского племени ободритов, проживавшего на южном берегу Балтийского моря. Еще одна группа исследователей настаивает, что Рюрик является полностью вымышленной фигурой, что его никогда не существовало в реальности, а повесть о его призвании является не более чем средневековой легендой [14].

Версия о том, что Рюрик происходил из западнославянского племени ободритов, имеет достаточно старинные корни. Впервые эту мысль высказал Себастьян Мюнстер в своей работе «Космография» в 1544 г. В ней он указывал, что Рюрик происходил из племени варягов, которые проживали на южном берегу Балтийского моря [15]. В дальнейшем эту точку зрения поддержал Сигизмунд Герберштейн, который был послом священной Римской империи в Москве. Он считал, что «у варягов и у русских слишком много общего, чтобы это можно было считать простым совпадением» [16].

В XVIII в. версию о западнославянском происхождении Рюрика официально выдвинул Михаил Васильевич Ломоносов во время своего

знаменитого спора с профессором Миллером. Ломоносов считал, что Рюрик происходит из племени пруссов, которых Ломоносов причислял к племенам западных славян [17].

Еще одним аргументом, который может подтвердить западнославянское происхождение Рюрика, является «Мекленбургская генеалогия», которая была составлена в начале XVIII в. в честь свадьбы мекленбургского герцога Карла Леопольда [18]. В ней найдены упоминания Рюрика и его братьев среди князей ободритов. Судя по древним картам, Мекленбург находится ровно на том месте, на котором в VIII в. проживало западнославянское племя ободритов [19]. Согласно составленной генеалогии у одного из далеких предков герцога, ободритского короля Драговита было трое племянников: Рюрик, Сивар и Трувар, которые после смерти своего отца отправились на восток и прибыли в Новгород, где стали местными правителями. Эта же версия изложена в труде французского литератора Ксавье Мармье, который в XIX в. побывал в Мекленбурге и записал со слов местных жителей легенду, которая в точности копирует эпизод о трех братьях, отправившихся в Новгород [20].

В середине XIX в. русский историк Степан Гедеонов предположил, что слово «Рюрик» — это не конкретное имя конкретного человека, а название рода, и восходит это слово к западнославянскому слову «Рерик» или «Рарок», что означает «сокол» [21]. И тут обязательно нужно вспомнить о том, что пикирующий на добычу сокол являлся родовым символом Рюриковичей: он чеканился на монетах и использовался в качестве княжеской печати. Кроме того, в произведении «Слово о полку Игореве» автор неоднократно называет русских князей «соколами».

Заключение

Со временем историки пришли к определенному консенсусу относительно норманского вопроса: сам факт присутствия на Руси скандинавов в настоящий момент не вызывает никаких сомнений и не отрицается ни одним из ученых. Но в то же время масштаб этого присутствия, судя по данным археологии, был не таким большим, поэтому говорить о некоей «колонизации» не приходится. В хозяйственном смысле к IX в. Русь была полностью готова к возникновению государственности, а появление и укрепление института частной собственности, который распространялся уже не только на орудия труда, но и на осуществление властных полномочий, способствовало возникновению первого русского государства во главе с полумифическим князем Рюриком и его братьями: Сиваром и Труваром. Не случайно также и возникновение государственности именно в Новгороде, который, как мы отметили ранее, являлся на тот момент крупнейшим логистическим, торговым и информационным узлом Руси. Так что основной тезис норманской теории, согласно которому «древнерусское государство является продуктом вмешательства

извне» признан абсолютно несостоятельным. У ученых есть все основания полагать, что государственность у восточных славян является результатом нескольких столетий хозяйственного и общественного развития. Государство просто не может быть создано усилиями и действиями отдельных личностей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Рыбаков Б.А. Первые века русской истории. М.: Наука, 1964. 240 с.
2. Тимошина Т.М. Экономическая история Руси. М.: ЮСТИЦИНФОРМ, 2009. 432 с.
3. Попов Д.А. Генезис российской торговли: от «Русской правды» до «Соборного уложения» // Власть и управление на Востоке России. 2018. № 4 (85). С. 161–168.
4. Архина А.С. Влияние великого шелкового пути на развитие экономики Руси // Международный студенческий научный вестник. 2019. № 1. С. 115.
5. Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.). М.: Аспект Пресс, 1998. 398 с.
6. Найдис И.О., Симакова А.А. Исследования логистической системы России IX–XIII веков // Политехнический молодежный журнал. 2018. № 8. С. 1–10.
7. Клейн Л.С. Спор о варягах. История противостояния и аргументы сторон. СПб.: Евразия, 2009. 400 с.
8. Кузьмин А.Г. Тайны рождения русского народа. М.: Вече, 2003. 162 с.
9. Седов В.В. У истоков восточнославянской государственности. М.: УРСС, 1999. 144 с.
10. Мельникова Е.А. Рюрик, Синеус и Трувор в древнерусской историографической традиции // Древнейшие государства Восточной Европы. 2000. № 1998. С. 143–159.
11. Цветков С.В. Князь Рюрик и его время. М.: Русская панорама, 2012. 296 с.
12. Сахаров А.Н. Рюрик, варяги и судьбы российской государственности // Русин. 2006. № 3 (5). С. 190–194.
13. Фомин В.В. Варяго-русский вопрос в интерпретации отечественных археологов дореволюционного и советского времени // Вопросы истории. 2021. № 5 (1). С. 231–253.
14. Грот Л.П. Смутное время и мутная история первого норманиста // Русское поле. Научно-публицистический альманах. 2012. № 2. С. 85–86.
15. Фомин В.В. Варяги и варяжская Русь. М.: Русская панорама, 2015. 505 с.
16. Фомин В.В. Голый конунг. Норманизм как диагноз. М.: Алгоритм, 2013. 320 с.
17. Фомин В.В. «Советский антинорманизм» и его норманистская сущность // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2017. № 4. С. 277.
18. Клёсов А.А. Практическая ДНК-генеалогия для всех. М.: Концептуал, 2018. 364 с.
19. Венелин Ю.И. Скандинавомания и ее поклонники, или столетние изыскания о варягах. М.: Типография Д. Семена, 1842. 114 с.
20. Грот Л.П. Путь норманизма: от фантазии к утопии. М.: Русская панорама, 2010. 128 с.
21. Погодин М.П. Древняя русская история до монгольского ига. М.: Суходальская типография, 1871. 1117 с.

REFERENCES

1. Rybakov B.A. *Pervye veka russkoj istorii* [The First Centuries of Russian History]. Moscow: Nauka; 1964. 240 p. (In Russ.).
2. Timoshina T.M. *Jekonomicheskaja istorija Rusi* [Economic History of Russia]. Textbook. Moscow: JUSTICINFORM; 2009. 432 p. (In Russ.).

3. Popov D.A. Genezis rossijskoj trgovli: ot «Russkoj pravdy» do «Sobornogo ulozhenija» [Genesis of Russian Trade: From the “Russian Truth” to the “Cathedral Code”]. *Power and Governance in the East of Russia*. 2018; 4 (85): 161–168 (In Russ.).
4. Arhina A.S. Vlijanie velikogo shelkovogo puti na razvitie jekonomiki Rusi [The Influence of the Great Silk Road on the Development of the Economy of Russia]. *International Student Scientific Bulletin*. 2019;1:115 (In Russ.).
5. Danilevsky I.N. *Drevnjaja Rus' glazami sovremennikov i potomkov (IX-XII vv.)* [Ancient Rus through the Eyes of Contemporaries and Descendants (IX-XII centuries)]. Moscow: Aspect Press; 1998. 398 p. (In Russ.).
6. Najdis I.O., Simakova A.A. Issledovanija logisticheskoj sistemy Rossii IX-XIII vekov [Studies of the Logistics System of Russia of the IX-XIII Centuries]. *Polytechnic Youth Journal*. 2018;8:1–10 (In Russ.).
7. Klejn L.S. *Spor o varjagah. Istorija protivostojanija i argumenty storon* [Dispute about the Varangians. The History of Confrontation and Arguments of the Parties]. SPb.: Eurasia; 2009. 400 p. (In Russ.).
8. Kuzmin A.G. *Tajny rozhdenija russkogo naroda*. [Secrets of the Birth of the Russian People]. Moscow: Veche; 2003. 162 p. (In Russ.).
9. Sedov V.V. *U istokov vostochnoslavjanskoj gosudarstvennosti*. [At the Origins of the East Slavic Statehood]. Moscow: URSS; 1999. 144 p. (In Russ.).
10. Melnikova E.A. Rjurik, Sineus i Truvor v drevnerusskoj istoriograficheskoj tradicii [Rurik, Sineus and Truvor in the Old Russian Historiographical Tradition]. *The Oldest States of Eastern Europe*. 2000;1998:143–159 (In Russ.).
11. Cvetkov S.V. *Knjaz' Rjurik i ego vremja*. [Prince Rurik and His Time]. Moscow: Russian Panorama; 2012. 296 p. (In Russ.).
12. Saharov A.N. Rjurik, varjagi i sud'by rossijskoj gosudarstvennosti [Rurik, Varangians and the Fate of Russian Statehood]. *Rusin*. 2006; 3 (5): 190–194 (In Russ.).
13. Fomin V.V. Varjago-russkij vopros v interpretacii otechestvennyh arheologov dorevoljucionnogo i sovetского времени [The Varyago-Russian Question in the Interpretation of Russian Archaeologists of Pre-revolutionary and Soviet Times]. *Questions of History*. 2021; 5 (1): 231–253 (In Russ.).
14. Grot L.P. Smutnoe vremja i mutnaja istorija pervogo normanista [The Time of Troubles and the Muddy History of the First Normanist]. *Scientific and Journalistic Almanac*. 2012;2:85–86 (In Russ.).
15. Fomin V.V. *Varjagi i varjazhskaja Rus'*. [Varangians and Varangian Rus]. Moscow: Russian Panorama; 2015. 505 p. (In Russ.).
16. Fomin V.V. *Golij konung. Normannizm kak diafnaz*. [The Naked King. Normannism as a Diagnosis]. Moscow: Algorithm; 2013. 320 p. (In Russ.).
17. Fomin V.V. «Sovetskij antinormanizm» i ego normanistskaja sushhnost' [“Soviet Anti-Normanism” and Its Normanist Essence]. *Voronezh State Pedagogical University News*. 2017;4:277 (In Russ.).
18. Kljosov A.A. *Prakticheskaja DNK-genealogija dlja vseh*. [Practical DNA Genealogy for Everyone]. Moscow: Conceptual; 2018. 364 p. (In Russ.).
19. Venelin JuI. *Skandinavomanija i ee poklonniki, ili stoletnie izyskanija o varjagah*. [Scandinavomania and Its Fans, or Centennial Research about the Varangians]. Moscow: Printing House D. Seeds; 1842. 114 p. (In Russ.).
20. Grot L.P. *Put' normanzma: ot fantazii k utopii*. [The Path of Normanism: From Fantasy towards Utopia]. Moscow: Russian Panorama; 2010. 128 p. (In Russ.).
21. Pogodin M.P. *Drevnjaja russkaja istorija do mongol'skogo iga*. [Ancient Russian History before the Mongol yoke]. Moscow: Sunodal Printing House; 1871. 1117 p. (In Russ.).

Информация об авторах:

Сатушев Дмитрий Иванович — магистрант кафедры государственного и муниципального управления факультета гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (ORCID ID: 0000-0002-7176-8469) (e-mail: sat.work@mail.ru).

Рюмин Дмитрий Дмитриевич — магистрант кафедры государственного и муниципального управления факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы (e-mail: Ryumindd@gmail.com).

Саранкин Илья Алексеевич — магистрант кафедры государственного и муниципального управления факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы (e-mail: sarankin.ilya@yandex.ru).

Information about the authors:

Dmitry I. Satushev — Master Student of the Department of Public and Municipal Administration, RUDN University (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0002-7176-8469) (e-mail: sat.work@mail.ru).

Dmitry D. Ryumin — Master student of the Department of Public and Municipal Administration, RUDN University (Russian Federation) (e-mail: Ryumindd@gmail.com).

Ilya A. Sarankin — Master Student of the Department of Public and Municipal Administration, RUDN University (Russian Federation) (e-mail: sarankin.ilya@yandex.ru).

ДЛЯ ЗАМЕТОК
